

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (85) — 2017

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru
Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2017
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 (85) — 2017

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 3—13
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 3—13
ББК 66.04
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

С. Г. Айвазова

Институт социологии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
svetlana-ajvazova@yandex.ru

В статье нашли отражение размышления о том, что такое поле (пространство) политики и каким образом изменяющийся политический контекст оборачивается метаморфозами в нормативных предписаниях и дискурсе влиятельных политических игроков. В России последних лет наиболее очевидными стали метаморфозы гендерного дискурса. Именно поэтому автор делает акцент на вопросах о том, насколько взаимосвязаны феномены политического и гендерного; об особенностях участия женщин в политическом процессе в поле консервативной политики; о воспроизводстве онтологической морали в качестве неизменного атрибута консервативной политики, которая по определению нацелена на закрепление сложившихся социальных иерархий.

Особое внимание уделяется анализу объяснительных социологических концепций П. Бурдьё (габитус) и И. Гофмана (дисплей), описывающих эффективные механизмы традиционной социализации — социализации посредством символического насилия, гарантирующего институциональную устойчивость гендера за счет формирования и поддержания определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: политическое поле, гендер, эмансипация, консерватизм, эссенциализм, габитус, гендерный дисплей.

© Айвазова С. Г., 2017

Публикация подготовлена в рамках проекта «Конструирование поля политики в России: институциональный анализ», включенного в государственную программу Института социологии РАН (2017—2019 гг.).

GENDER DISCOURSE IN THE FIELD OF CONSERVATIVE POLICY

S. G. Aivazova

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
svetlana-ajvazova@yandex.ru

For researchers a conservative wave that covered the field of Russian politics became an impulse for reflection about what the field (or space) of politics is and in which way the changing political context turn into metamorphoses in normative political regulations and influential political actors' discourse. Recently metamorphoses in gender discourse of this field have become most evident in Russia. That is why the author focuses on the following issues: how interdependent in principle are the phenomena of political and gender; peculiarities of women's participation in political process in the field of conservative politics; reproduction of ontological morality as an unvarying attribute of conservative politics that by definition is aimed at consolidating existing social hierarchies.

Special attention is paid to the analysis of explanatory sociological concepts by P. Bourdieu (*habitus*) and I. Goffman (*display*) that describe effective mechanisms of traditional socialization, that is socialization by means of symbolic violence that guarantees institutional sustainability of gender owing to formation and maintenance of certain symbols and images explaining and strengthening — and therefore — producing and reproducing the patterns of domination and submission between men and women.

Key words: political field, gender, emancipation, conservatism, essentialism, *habitus*, gender display.

Консервативная волна, накрывшая поле российской политики, стала импульсом к размышлениям над тем, что такое поле (пространство) политики, по каким правилам оно функционирует и каким образом изменяющийся политический контекст оборачивается метаморфозами в нормативных предписаниях и дискурсе политических игроков. В последние годы в России очевидными стали негативные метаморфозы гендерного дискурса. Примеров тому множество: депутаты Государственной думы практически положили под сукно законопроект о гендерном равенстве; православные активисты предприняли массированное наступление на законопроект о профилактике домашнего насилия; началась агрессивная антиабортная кампания и т. д. Закрепленная еще в начале 90-х гг. во многих законодательных актах Российской Федерации, включая Основной закон страны, эмансипационная норма «равных прав и свобод и равных возможностей их реализации для женщин и мужчин» оказалась напрочь забытой. На смену ей пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов, т. е. биологическим детерминизмом и эссенциализмом.

Является ли эта ситуация некоей российской спецификой или, напротив, те или иные повороты в поле политики, в разных вариантах хорошо известные в истории, неизменно сопровождаются схожими метаморфозами гендерного дискурса? Насколько в принципе взаимозависимы феномены политического и гендерного?

Вопросы сложные, многоуровневые. Вряд ли возможно ответить на них в рамках одной небольшой работы. Но поскольку они, так или иначе, уже поднимались и политическими философами, и социологами, и теоретиками гендерной политологии, то, обобщая и развивая не во всем совпадающие точки зрения, коротко обозначу самые общие подходы к ним.

Начну с понятия «политическое поле». Один из самых авторитетных социологов современности П. Бурдьё, сформулировавший это понятие, определял его как «поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы...» [Бурдьё, 1993]. Кроме того, как место, где в конкурентной борьбе между втянутыми в нее игроками рождается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем скорее рискующие попасть впросак, чем более удалены они от самого места подобного производства. В этом поле специфическим образом выстроены позиции (у Бурдьё — диспозиции) тех, кто властью обладает (доминирующий), и тех, кто лишен власти («доминируемый»). Первые навязывают вторым свое видение картины мира, распределения политических сил, признания или непризнания механизмов легитимного насилия. В политическом поле, по словам российского социолога А. Филиппова, «люди противостоят друг другу как группы» [Филиппов, 2013], которые вступают в жесткую политическую борьбу и в случае победы переопределяют, или «переучреждают», сложившийся политический порядок.

Теперь о том, как включено в это поле гендерное измерение, т. е. о взаимосвязи/взаимозависимости политического и гендерного. Эта взаимосвязь общепризнана, тем не менее во многих случаях при анализе конкретных ситуаций она выпадает из сетки анализа исследователей. Между тем, это значимый фактор, определяющий тренды политического процесса. Поэтому, несмотря на возможные упреки в том, что повторяю общие места гендерной теории, все-таки напомню, что гендер в первую очередь является институтом, который предназначен для воспроизводства властных отношений социального неравенства, обусловленного разными статусами мужчин и женщин. Известный политический историк Дж. Скотт справедливо отмечала, что «гендер есть первичное средство означивания отношений власти» и добавляла: «Гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть». По ее убеждению, «политика конституирует гендер, а гендер конституирует политику» [Скотт, 2001а: 422, 425, 426]. Политические подходы и решения определяют характер нормативных предписаний, а значит, и тех или иных иерархически выстроенных нормативных ролей, назначаемых мужчинам и женщинам, которые, в свою очередь, становятся социальной конструкцией биологической реальности. Иными словами, «политическая история разыгрывается на поле гендера» [Скотт, 2001а: 430]. Везде и всегда, пока сохраняются гендерные иерархии.

Начну с первой части этого тезиса: *политика конституирует гендер*. Влиятельный политолог К. Вельцель утверждает, что современная история развивается чередованиями циклов эмансипации и демократизации с циклами так называемой де-демократизации и усиления угнетения. Циклы угнетения,

по Вельцелю, связаны «с ситуацией, в которой у большинства людей нет возможности пользоваться свободами, потому что они испытывают хронический дефицит ресурсов для действий. Типичный случай: большинство людей бедны, неграмотны и изолированы в местных узких группах...» [Вельцель, 2017 : 390].

Не вдаваясь в подробности его фундированной концепции, отмечу, что Вельцель считает гендерное равенство важнейшим показателем высокого уровня эмансипации. И в то же время подчеркивает, что существует прямая связь между становлением авторитарных режимов и ужесточением контроля над женщинами.

Такой контроль идеологически оформляется легитимацией маскулинного доминирования — доминирования силы над слабостью, когда к слабым относят в первую очередь женщин. Для обоснования и закрепления мужского доминирования маскулинность отождествляется с защитой порядка, что «означает защиту Трона, Алтаря и границ половых различий. Эти значения неразрывно соединены» [Скотт, 2001b: 951]. При этом маскулинное кодируется как политическое, публичное; феминное же как приватное — до- или вне-политическое, т. е. «конститутивное внешнее» по отношению к основному, фиксирующее границы политического поля. Дж. Батлер, одна из основательниц гендерной политологии, подчеркивала: «Основания политики (универсальность, равенство, правовой субъект) выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера) раскрывается как до-политическое» [Батлер, 2001: 256].

Гендерные исследователи убедительно показали, что, так или иначе, политические установки режимов, поддерживающих консервативную идеологию, при всех различиях в культурных основаниях, во времени и пространстве, в «женском вопросе» имели именно этот общий знаменатель — установление контроля над женщинами. Отсюда содержательное сходство подобных гендерных политик: акцентирование материнской функции женщин — при полном праве мужчин «надзирать и наказывать», в том числе и путем домашнего насилия, регламентации женской одежды, запрета на аборт, а подчас (в зависимости от ситуации) и запрета на женский наемный труд и уж тем более на участие в общественной жизни. При этом все они опирались на эссенциализм* как на матрицу онтологической морали, превращая эту систему взглядов в атрибут крайнего консерватизма, который по определению нацелен на закрепление сложившихся социальных иерархий, включая гендерные.

Для подтверждения этого тезиса приведу пару конкретных примеров. Итальянская исследовательница В. де Грация, раскрывая содержание политики Муссолини по «женскому вопросу», отмечала: «Диктатура Муссолини

* Слово происходит от латинского «essential» — обязательно существующий, непреходящий. Понятием «эссенциализм» объединены теоретические концепции, в которых делается попытка зафиксировать некую неизменную, в данном контексте — женскую, сущность. В его основе лежит идея о том, что есть нечто «данное» (Богом или Природой), существующее извечно и поэтому неизменное, что позволяет проследить, как складывалась эта «данность». Обязательным атрибутом таких теорий является бинарность мужского и женского: женщина противопоставляется мужчине.

представляла собой характерный эпизод патриархатного режима. Он выдавал за непреложное, что мужчины и женщины различны по самой своей природе... Этот режим политизировал данное различие в пользу итальянских мужчин и выстраивал на этой основе чрезвычайно репрессивную, всеобъемлющую и беспрецедентную систему определения женского гражданства, увязав с ней контроль над женской сексуальностью, оплату женского труда и участие в жизни общества. В конечном счете эта система являлась неотъемлемой частью стратегий, направленных на построение диктатуры» [De Grazia, 1992: 115—116].

Француженка Э. Эк, рассказывая о положении женщин при режиме Виши, установившемся на юге Франции в годы Второй мировой войны, в качестве его главной черты называла строгое разделение сфер политического и частного как маскулинного и феминного. Она писала, например, что «провозглашенная режимом программа Национальной Революции предложила женщинам символический и идеальный универсум материнства, семьи и дома, в то время как задача государства заключалась в регулировании и решении совсем других, коллективных и конкретных, проблем: дефицит, социальная помощь, рабочая сила для Германии» [Еск, 1992: 185].

В условиях консервативного наступления наших дней, которое может допускать участие лояльных режиму женщин в политическом процессе, это участие не просто резко осложняется, оно оборачивается для женщин, условно говоря, потерей идентичности. Как правило, их число в эшелонах власти незначительно, и для продления своего существования в этом поле они вынуждены вести себя в соответствии с заданными нормативами, а потому выстраивать свой имидж не в соответствии с принадлежностью к социальной группе «дискриминируемые женщины», но как персоны, допущенные (в виде исключения) в мужской мир политики, т. е. в соответствии с атрибутами доминирующей маскулинности. В этом случае многие из них становятся самыми рьяными поборницами эссенциализма и выступают с такими радикальными инициативами, указывающими всем другим женщинам на их место в социуме, с которыми не осмеливаются выступать их коллеги-мужчины.

А. Сокуров, рассказывая в одном из недавних интервью о своих фильмах, исследующих природу власти («Молох», «Телец», «Солнце»), особо выделил следующий тезис: «Для меня это... больше история мужчин, то, как они себя ведут и во что превращаются при определенных политических обстоятельствах. Мы пока не знаем, во что в подобных же обстоятельствах превратятся женщины. По нашему сегодняшнему опыту, все женщины, попадающие в российский парламент, являются инициаторами наиболее жестокосердных законов. Самые крайние, жестокие идеи исходят именно от правительствующих женщин. Пока для нас это — теневая история, но из тени она в любой момент может выйти на свет...» [Сокуров, 2016].

Объяснительные концепции этого феномена «выхода женщин за границы своего пола» расходятся в акцентах. Дж. Скотт, например, будучи историком феминизма, считает, что в таком случае «физическое присутствие особ женского пола в поле политики не всегда точный знак того, что женщины... мобилизованы как женщины» [Скотт, 2001b: 957], т. е. как специфическая категория дискриминируемых, осознающих свою дискриминацию. Не то чтобы возражает,

но уточняет природу данного феномена теоретик власти С. Льюкс, который определяет такой тип мобилизации как мобилизацию традиционных «предрасположенностей» или (по Бурдьё) диспозиций дискриминируемых. По мнению Льюкса, поведение женщин в таком случае скорее является убедительным примером «добровольного согласия с господством» [Льюкс, 2010: 199] и социальным неравенством.

Соглашаясь с Льюксом, отмечу, что массовое поведение рядовых избирателей в таких условиях также является собой пример «добровольного согласия с господством», т. е. «мобилизации предрасположенностей». Только выражается оно иначе: не в законодательных инициативах, а в характере их голосования — голосования ритуального, а не сознательного, за ту силу, которая доминирует над ними [Айвазова, 2016: 252].

Очевидно, что таким образом *гендер конституирует политику*, что соответствует тезису Дж. Скотт о взаимовлиянии гендера и политики, на который я ссылаюсь в начале статьи. Какие же механизмы действуют в таком случае в политическом поле? Отвечая на этот вопрос, теоретики власти снова выходят на темы эссенциализма.

Так, с точки зрения С. Льюкса, гендерное неравенство обеспечивает легитимацию власти в первую очередь за счет формирования так называемого ложного исторического сознания — внушения подчиненным того, что условия их существования являются естественными, существующими испокон веку. Такого рода манипуляция массовым сознанием сопровождается установлением ложного консенсуса между неравными сторонами властных отношений [Льюкс, 2010: 24].

Справедливости ради замечу, что на это свойство власти едва ли не ранее других обратил внимание английский позитивист Дж. Ст. Милль, знаменитая книга которого «Подчиненность женщины» была опубликована в России еще во второй половине XIX в. Милль писал в ней, ссылаясь на нравы Викторианской Англии, что все женщины с самого раннего возраста воспитывались здесь в сознании того, что их идеальный характер противоположен мужскому; их наставляли, что долг женщины и все чувства, которые составляют ее природу, подвигают к тому, чтобы жить ради других [Милль, 1870]. Комментируя эти тезисы Милля, М. Цебрикова, одна из первых русских журналисток и самых известных в ту пору, в предисловии ко второму русскому изданию книги подчеркивала: «Общество... обрекая женщин на вечную зависимость и подчиненность, выработало свой идеал женщины. Из купленной или захваченной силой рабы оно сделало добровольную невольницу, которая повиновалась не из чувства страха, а из сознания долга и любви» [Цебрикова, 1870: V].

Эту способность власти-господства к использованию манипулятивных технологий, пронизанных духом эссенциализма, во многих своих работах описывал П. Бурдьё. Из-под его пера вышла, в частности, книга-эссе «Мужское господство», которая была специально посвящена проблемам угнетения женщин, т. е. гендерного неравенства [Bourdieu, 1998]. Впрочем, к этой теме он обращался и раньше, в том числе и тогда, когда формулировал понятие «политическое поле». При этом Бурдьё во многом учитывал разработки американского ученого И. Гофмана. Социологи, знавшие друг друга, но выстраивавшие каждый свой

собственный оригинальный теоретический подход к прочтению реальности: Гофман — теорию символического интеракционизма, Бурдьё — теорию диспозиционных практик, пришли к выводу о том, что гендерное неравенство является едва ли не самым надежным основанием для поддержания социальных иерархий. Предложенные ими объяснительные схемы отличаются убедительностью и острой актуальностью, поэтому остановлюсь на них подробнее.

Оба теоретика исходили из того, что сохранение гендерного неравенства во многом обеспечивается за счет символического насилия, т. е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами. Именно таким образом в процессе взаимодействия индивиды создают разделяемые культурные схемы (фреймы), которые влияют на характер этого взаимодействия. Оба теоретика выделяли такие формы коммуникации, как ритуалы, церемонии, вообще закрепленные формы эмоционально мотивированного поведения, которые превращаются в некие «видо-утилитарные» правила-образы или модели уместного в конкретной ситуации поведения. Последние И. Гофман окрестил «дисплеи» [Гофман, 2001: 306], Бурдьё — «габитусы» [Бурдьё, 1993].

Габитус у Бурдьё — это система приобретенных предрасположенностей, которые порождают и организуют представления и практики индивида. Будучи объективно предназначенными для достижения определенных результатов, такие предрасположенности не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Габитус порождается средой, условиями существования путем их внутреннего усвоения (интериоризации) индивидом. Это — результат его индивидуальной истории и социального опыта. Вместе с тем габитус структурирует и новый опыт, который, в свою очередь, может трансформировать исходные ментальные структуры. Иными словами, габитус зависит от социальной «траектории» индивида. В этом плане габитус есть «инкорпорированный класс» (включая не только биологические, но и социальные свойства индивида, например пол и возраст). По мнению Бурдьё, факторы, оказывающие на индивидов свое действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на имеющийся у них социальный капитал, а также на соответствующую позицию в отношениях производства и воспроизводства.

Особенность габитуса в том, что он является бессознательной структурой: это — глубоко укорененные и даже «забытые» навыки, привычки и т. д. Бессознательность габитуса предопределена его телесностью; установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле речи и поведения согласно с давно усвоенными требованиями. Габитус производится средой, следовательно, сходные условия, т. е. позиции, генерируют сходные габитусы членов группы, класса. Бурдьё подчеркивает, что социальный класс — это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом; практики членов группы изначально скоординированы габитусом, как бы выступающим основой их спонтанной солидарности.

Гофман обращал внимание примерно на те же процессы, но слегка смещал акценты анализа в сторону социальной психологии. Его дисплеи функционально

«обеспечивают доказательства принадлежности актора» к сообществу, его «со-равности» этому сообществу. И в этом смысле «дисплеи являются в той же степени важными, в какой важно само это равенство». Гофман различает дисплеи симметричные и асимметричные. Симметричные дисплеи уравнивают акторов, асимметричные — свидетельствуют об иерархии в их отношениях. При этом социолог подчеркивает, что важнейшей разновидностью асимметричного дисплея выступает гендерный. Гендерный дисплей — один из самых эффективных механизмов социализации, гарантирующий долговечность, институциональную стабильность гендера. Он закрепляет гендерную иерархию с помощью устоявшихся наборов ситуационных символических средств, которые обеспечивают репрезентацию индивида в той или иной ситуации. По мнению Гофмана, «гендер является одной из наиболее укорененных характеристик человека. Феминность и маскулинность в некотором смысле являются прототипами всякого эссенциального выражения — это нечто, что может быть выражено, пусть и достаточно поверхностно, в любой социальной ситуации, но при этом — нечто, что определяет сам базис индивидуальной конфигурации» [Гофман, 2001: 327]. Предписанное «мужское» и «женское» поведение уходит своими корнями в глубокую историю организации общества. Именно поэтому его никак нельзя сбрасывать со счетов: «Гендерные экспрессии являются самим порядком нашего бытия, не более чем шоу, но львиная доля того, что составляет само существо социума, вовлечено в постановку именно этого шоу» [там же: 332].

В символическом интеракционизме Гофмана гендерная иерархия рассматривается как основа нормативного поведения, постоянно воспроизводящегося посредством дисплеев и взаимодействий, которое в результате воспринимается как «должное», т. е. «предопределенное самой природой». Поэтому, скажем, ни массовый выход женщин в общественное производство в ходе промышленного переворота и позднейшей индустриализации, ни полученный женщинами доступ в сферу среднего и высшего образования, ни даже обретение ими гражданских прав, т. е. включение в институт гражданства, не смогли сразу же принципиально повлиять на статусную иерархию во взаимодействиях женщин и мужчин. Гофман пояснял, в частности, что «гражданский титул мужчины может быть как бы расширен в отношении женщины, но никогда — наоборот» [там же: 327]. И еще: «Женщины социально приравниваются к мужчинам-подчиненным, в то время как и женщины, и мужчины-подчиненные социально приравниваются к детям». «Младшие» обязаны подчиняться «старшим», как ребенок подчиняется родителям: «Они должны дважды подумать, прежде чем открыто высказывать свое неудовольствие, поскольку тот, кто проявляет мягкую заботу, в любой момент может сменить курс и продемонстрировать другую сторону его власти» [там же: 322].

Так через дисплеи или габитусы, несмотря на социальные изменения, воспроизводятся гендерные иерархии. И эссенциализм, как основа присущего консервативной политике символического насилия, играет в этом воспроизводстве ключевую роль.

Было бы неверно, на мой взгляд, в этом контексте хотя бы коротко не остановиться на том, что эссенциализм может быть использован в политическом поле не только теми, кто нацелен на сохранение социальных иерархий, включая

гендерные, но и теми, кто в интенции стремится к их преодолению. К нему, в частности, прибегают политические игроки, озабоченные проблемой репрезентации женщин в случае их выведения из пространства феминного, «дополитического» в поле большой политики. Решаясь на этот шаг, многие соискательницы политических постов обращаются к эссенциализму как к некоей бесспорной и вневременной системе установок, способной оправдать их притязания на присутствие в этом поле. Характерно, что при этом большинство из них говорят об особом назначении женщин в политике и противопоставляют «этику материнской заботы», «женские» ценности любви, признания нужд «другого» — «отцовской этике справедливости». Что происходит в этом случае в поле политики? Апеллируя к этим постулатам онтологической морали, такие соискательницы депутатских мандатов вольно или невольно не только затягивают в ловушку эссенциализма своих избирательниц, но и сами попадают в нее. Политолог Ш. Муфф, специально разбиравшая такую политическую позицию, категорически отвергала ее и, на мой взгляд, совершенно справедливо отмечала, что расширение возможностей для женщин в поле политики должно происходить не посредством акцентирования половых различий, но «посредством конструирования новой концепции гражданства, где половые различия были бы политически неуместными». И с этой точки зрения «бросать подлинный вызов любой ситуации доминирования можно только на основе принципов прав человека, свободы и равенства» [Муфф, 2001: 223]. Это ее утверждение осознается сегодня немногими — и в теории, и на практике. Отсюда потребность в более развернутой рефлексии об условиях создания подлинного равноправия женщин в поле политики. Один из элементов такой рефлексии — последовательный антиэссенциализм, или «критика форм и условий господства в обществе, проведенная и на уровне их культурного и теоретического инструментария» [там же]. Задача такой критики, как точно сформулировал философ Б. Капустин, заключается в формировании особого «отношения к угнетению, осознаваемому угнетенными в качестве такового, как к недолжному» [Капустин, 2009]. Задача сложная, но, надо надеяться, выполняемая.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 248—258.
- Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 235—258.
- Бурдые П. Социология политики. 1993. URL: <https://refdb.ru/look/1481123-pall.html> (дата обращения: 25.04.2017).
- Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017. 404 с.
- Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 306—336.
- Капустин Б. Тезисы о политической философии. 2009. URL: <https://www.hse.ru/data/2009/10/13/1228820545/kapustin.pdf> (дата обращения: 22.08.2016).

- Льюкс С. Власть. Радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 240 с.
- Милль Д. С. Подчиненность женщины. СПб.: Изд-во Звонарёва, 1870. 317 с.
- Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 214—235.
- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001а. Ч. 2. С. 405—437.
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001б. Ч. 2. С. 946—963.
- Сокуров А. Интервью С. Конеген от 29 октября 2016 г. URL: <http://www.svoboda.org/a/28069242.html> (дата обращения: 20.04.2017).
- Филиппов А. Где живет политика: проект «Публичные лекции “Полит.ру”». 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filipov/> (дата обращения: 20.02.2017).
- Цебрикова М. К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» // Милль Д. С. Подчиненность женщины. СПб.: Изд-во Звонарёва, 1870. С. I—XV.
- Bourdieu P. *La domination masculine*. Paris: Seuil, 1998. 142 p.
- De Grazia V. *Le patriarcat fasciste. Mussolini et les Italiennes* // *Histoire des femmes en Occident*. Paris: Plon, 1992. Vol. 5: Le XX sciecle. P. 115—142.
- Eck H. *Les francaises sous Vichy* // *Histoire des femmes en Occident*. Paris: Plon, 1992. Vol. 5: Le XX sciecle. P. 185—209.

References

- Aivazova, S. (2016) *Ėmpauèrment kak problema sovremennoï massovoï politiki* [Empowerment as a problem of contemporary mass politics], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Massovaia politika: institutsional'nye osnovania*, Moscow: Politicheskaia èntsiklopediia, pp. 248—258.
- Batler, D. (2001) *Sluchaĭno slozhivshiesia osnovaniia: feminism i vopros o “postmodernisme”* [Contingent foundations: Feminism and the question of “postmodernism”], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 235—258.
- Bourdieu, P. (1998) *La domination masculine*, Paris: Seuil.
- Burd'e, P. (1993) *Sotsiologiia politiki* [Sociology of politics], available from <https://refdb.ru/look/1481123-pall.html> (accessed 25.04.2017).
- De Grazia, V. (1992) *Le patriarcat fasciste. Mussolini et les Italiennes*, in: *Histoire des femmes en Occident*, vol. 5, Le XX sciecle, Paris: Plon, pp. 115—142.
- Eck, H. (1992) *Les francaises sous Vichy*, in: *Histoire des femmes en Occident*, vol. 5, Le XX sciecle, Paris: Plon, pp. 185—209.
- Gofman, I. (2001) *Gendernyi displeĭ* [Gender display], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 306—336.
- L'uks, S. (2010) *Vlast'. Radikal'nyi vzgliad* [Power: A radical view], Moscow: Gosudarstvennyi universitet “Vysshiaia shkola èkonomiki”.
- Mill', D. S. (1870) *Podchinènnost' zhenshchiny* [The subjection of woman], St. Petersburg: Izdatel'stvo Zvonaèrèva.
- Muff, Sh. (2001) *Feminism, grazhdanstvo i radikal'naia demokpaticheskaia politika* [Feminism, citizenship and radical democratic politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 214—235.
- Scott, D. (2001a) *Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza* [Gender: A useful category of historical analysis], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 405—437.

- Scott, D. (2001b) Nekotorye razmyshleniia po povodu gendera i politiki [Some reflexions on gender and politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteiia, pp. 946—963.
- Тсебрикова, М. К. (1870) Predislovie k knige D. S. Mill'ia “Podchinennost' zhenshchiny” [The subjection of woman], St. Petersburg: Izdatel'stvo Zvonarëva, pp. I—XV.
- Vel'tsel', K. (2017) Rozhdenie svobody [Freedom rising], Moscow: VTsIOM.

Статья поступила 24.07.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Айвазова Светлана Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН; член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, г. Москва, Россия, svetlana-ajvazova@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 14—25
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.2

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 14—25
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.2

МНОГОДЕТНЫЕ И ОДИНОКИЕ МАТЕРИ: СТЕРЕОТИПЫ И СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ

Е. О. Смолева

Институт социально-экономического развития территорий,
Российская академия наук (Вологда), Россия, giolenas@rambler.ru

Представлены результаты изучения социальных стереотипов по отношению к многодетным и одиноким матерям по результатам социологического исследования населения региона на примере Северо-Западного федерального округа. Выявлено, что многодетные и одинокие матери не чувствуют себя защищенными от бедности, притеснений из-за своего пола, произвола чиновников. Одинокие матери часто сталкиваются с проблемами в сфере трудовой деятельности, а именно с отказом в приеме на работу по причине социального статуса и потерей работы. Ситуация осложняется наличием ролевого конфликта у работающих матерей. Показана явно выраженная двойственность позиции: с одной стороны, ожидание помощи от государства, а с другой — понимание, что надеяться на государство нельзя и в поисках выхода из проблемной ситуации надо действовать самостоятельно. Обосновано, что в российском обществе преобладает патерналистский дискурс в сочетании с социальным самооправданием и безразличием.

Ключевые слова: многодетная мать, одинокая мать, социальная установка, социальный стереотип, социальная категоризация, социальная уязвимость.

© Смолева Е. О., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016—2018 гг.)».

MOTHERS WITH MANY CHILDREN AND SINGLE MOTHERS: STEREOTYPES AND SOCIAL VULNERABILITY

E. O. Smoleva

Institute of Socio-Economic Development of Territories,
Russian Academy of Science (Vologda), Russian Federation, riolenas@rambler.ru

The paper considers social attitudes toward mothers with many children and single mothers. The following methods are used: system approach, comparative analysis, and sociological survey of the population of the Northwestern Federal District conducted by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS. The findings of the research help reveal the attitudes of society towards social vulnerability and social exclusion, and the attitudes of the individual as a representative of socially vulnerable groups. It is revealed that mothers with many children and single mothers are faced with two different types of exclusion: active exclusion that emerges as a result of discriminatory practices in society, and passive exclusion that is caused by socio-economic processes. It is revealed that mothers with many children and single mothers do not feel secure from poverty, gender-based oppression, and the arbitrariness of officials. Single mothers often face problems in the labour market: they are denied employment and can lose their job because of their social status. The situation is complicated due to the presence of the role conflict within the group of working mothers, especially – single mothers. The paper shows the pronounced duality of the position: on the one hand, expecting assistance from the government; on the other hand — understanding that the state cannot be relied on and it is necessary to act on one's own to deal with the problem. The paper proves that Russian society is dominated by a paternalistic discourse towards mothers with many children and single mothers, it is combined with social self-justification and indifference. It is planned to continue the research by studying the social status of single mothers and mothers with many children, the attitudes of society towards them, and social stereotypes in employment; qualitative methods will be used for this purpose.

Key words: mother with many children, single mother, social attitude, social stereotype, social categorization, social vulnerability.

Введение

Реализуемая в России в течение последних 25 лет социально-экономическая политика спровоцировала «слом социальных стереотипов, изменение шкалы ценностей, кризис социальной идентичности...» [Андреева, 2005: 8]. Измененные социальные установки легли в основу стратификации общества, обостряя социальное неравенство. Сегодня все более четко видится разделение российского общества на группы, представители которых обладают разными жизненными шансами. Среди социально уязвимых групп населения находятся многодетные и одинокие матери.

Социальные установки (attitude), широко представлены в предметной области социально-психологических исследований регуляции поведения [Липпман, 2004; Шибутани, 1969; Ядов и др., 1976]. В наиболее обобщенном виде различные теории послужили основой для диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности [Ядов и др., 1976], согласно которой поведение

человека регулируется посредством иерархической системы, верхние уровни которой представлены ценностными ориентациями и социальными установками. Когнитивным компонентом аттитюда является социальный стереотип.

Понятие «социальный стереотип» обозначает группировку людей на основании какого-то легко различаемого признака и поддерживается широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей [Шибутани, 1969: 98]. Они схематичны, детерминированы культурой [Липпман, 2004: 93—163] и связаны с социальной категоризацией [Tajfel, 1981]. П. Штомпка обращал внимание на ограничительный характер социального стереотипа вследствие его схематичности и обобщенности [Штомпка, 2005: 316].

Описание исследования

В исследовании при определении возможных социальных установок, реализующихся в ситуации социальной уязвимости, мы отталкивались от следующих концепций:

1) диспозиционной теории В. А. Ядова [Ядов и др., 1976] и концепции трехчленного построения аттитюдов М. Смита [Smith, 1947], что обусловило выделение когнитивного (социальный стереотип), эмоционального и поведенческого уровня социальных установок;

2) теории социального стереотипа [Doise, 1978; Taguiri, 1969] в сочетании с концепцией социальной эксклюзии [Бородкин, 2000], что обусловило разделение социальных установок на два вида: установки со стороны общества относительно проблемы социальной уязвимости, социальной эксклюзии и установки личности — представителя социально уязвимых групп.

В данной статье представлены результаты изучения социальных стереотипов по отношению к многодетным и одиноким матерям. Методы — системный подход, сравнительный анализ, социологическое исследование общественного мнения о социальной уязвимости населения региона на примере Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Выборка составила 3101 человек (Вологодская, Мурманская, Калининградская, Новгородская области, Республика Карелия), из них многодетные матери — 353 человека, одинокие матери — 54 человека; ошибка выборки не более 3 %. К одиноким матерям нами были отнесены женщины, которые никогда не были замужем, имеют на своем иждивении детей; к многодетным матерям — женщины, имеющие трех и более детей.

Результаты исследования

В установлении статусов многодетных и одиноких матерей существуют определенные проблемы, так как это действие находится в компетенции не федеральных, а местных властей. Рассматриваемые категории очень неоднородны по своему составу, в них могут попадать женщины с различным социальным и материальным положением. На основании формальных признаков в 2010 г. в России насчитывалось более 1 млн многодетных семей (2,5 % от общего количества)*, около 3 млн одиноких матерей (их доля в общей численности матерей — не более 18 %) [Захаров, Чурилова, 2013: 96].

* По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. См.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2017).

В российском обществе сегодня более явными являются установки на негативный образ многодетной или одинокой матери. Многодетность, как правило, ассоциируется с бедностью и общим неблагополучием семьи, в том числе с пьющими родителями и беспризорными детьми (см., напр.: [Вовк, 2007; Грудина, 2014]). Противоположной точки зрения, согласно которой многодетная семья — это, как правило, семья благополучная, придерживаются лишь 14 % россиян [Вовк, 2007: 34—35]. Одинокие матери сталкиваются с неодобрительным или безразличным отношением к себе со стороны мужчины — отца ребенка, родителей, всего окружения. При этом женщины (33 % среди замужних и 22 % среди незамужних женщин) также негативно воспринимают образ жизни тех, кто воспитывает ребенка без мужа [Данилова, 2009: 54]. Представители официальных органов навешивают им ярлыки «социальных иждивенцев», «тех, кто не хочет трудиться», «лодырей» и «ленивых» [Киблицкая, 1999: 45—46].

Образы многодетной и одинокой матерей связаны с понятием «социальная уязвимость». По данным исследования ИСЭРТ РАН (табл. 1), преимущественное большинство населения СЗФО считает социально уязвимыми многодетных (69 %) и одиноких матерей (67 %). При этом сами представители указанных категорий несколько чаще отмечают свою уязвимость: считают себя социально уязвимыми по 72 % многодетных и одиноких матерей. Среди населения СЗФО большинство (63 %) уважает права социально уязвимых групп людей, 22 % относится к ним снисходительно и 13 % — безразлично. Только 1 % испытывает неприязнь.

Таблица 1

Мнение о социальной уязвимости многодетных и одиноких матерей, %

Мнение респондента	Население СЗФО	Представители группы	Население СЗФО	Представители группы
	Оцениваемая категория			
	Многодетная мать / семья		Одинокая мать	
Считаете ли Вы названные категории граждан социально уязвимыми (незащищенными)?				
Да	69	72	67	72
Нет	13	12	15	8
Затрудняюсь ответить	18	16	18	20
<i>Всего</i>	100	100	100	100
Действуют ли в обществе эффективные механизмы, которые позволяют преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере?				
Нет эффективных механизмов	20	28	26	27
Механизмы имеются, но работают плохо	48	44	45	41
Механизмы имеются и работают эффективно	11	7	6	12
Затрудняюсь ответить	21	21	23	20
<i>Всего</i>	100	100	100	100

Ранее нами обосновывалось применение критериев социальной эксклюзии для определения социальной уязвимости отдельных групп населения [Шабунова и др., 2016]. Сущность социального исключения состоит в ограничении доступа к правам, невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни.

Насколько сами одинокие и многодетные матери воспринимают свой социальный статус как эксклюзированных и притесняемых? Только половина из них испытывают чувство защиты от притеснений из-за возраста и пола: 54 % среди одиноких матерей и 51 % среди многодетных. Они чувствуют себя еще менее защищенными от произвола чиновников: уверены в защите только 17 % одиноких матерей, 25 % многодетных матерей. По данным других исследователей, одинокие матери сталкиваются с нарушением прав в экономической и юридической сферах [Киблицкая, 1999: 50], дискриминацией и нарушением прав в сфере занятости [Данилова, 2009: 56].

Результатом социальной эксклюзии является трудная жизненная ситуация для семей. К основным проблемам одиноких и многодетных матерей относятся проблемы материального характера, что согласуется с данными других исследователей [Данилова, 2009; Захаров, Чурилова, 2013; Ярская-Смирнова, Романов, 2004].

По результатам нашего исследования, из множества проблем все население СЗФО в 2016 г. наиболее часто сталкивалось с ухудшением материального положения (табл. 2). Чаще, чем в целом население, одинокие матери сталкивались с потерей работы (13 % респондентов по сравнению с 10 % по общей выборке). С проблемами в трудовой сфере реже сталкивались многодетные семьи, что можно объяснить меньшей долей среди многодетных матерей тех, кто работает.

Если с ухудшением материального положения сталкивались различные группы населения СЗФО, то показатели самого уровня обеспечения значительно хуже у социально уязвимых групп населения (табл. 2). Так, у многодетных семей небольшой перевес идет в сторону следующей оценки материального состояния: «Денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» (29 %), у одиноких матерей: «Все деньги уходят на повседневные траты» (27 %). Каждому десятому (10 %) жителю СЗФО, в том числе многодетным и одиноким матерям, денег не хватает на повседневные затраты. Население СЗФО вообще не чувствует себя защищенным от бедности: мнение о защищенности высказывают 18 % респондентов из общей выборки, 14 % одиноких матерей и 15 % — многодетных.

В нашем исследовании у одиноких матерей достаточно часто встречается следующее определение материального положения: «Почти на все хватает, но испытываем трудности с приобретением квартиры, дачи», что можно объяснить тем, что среди них достаточно высока доля работающих (77 % против 62 % населения СЗФО и 48 % многодетных матерей), и притом работающих на руководящих постах различного уровня (22 % среди работающих одиноких матерей выборки). Данный факт может свидетельствовать о распространении «осознанного материнства», когда рождение ребенка обеспечивается материально.

Таблица 2

Оценка трудной жизненной ситуации, %

Мнение респондента	Многодетная мать / семья	Одинокая мать	Население СЗФО в целом
1. С какими трудностями Вам приходилось сталкиваться за последние 12 месяцев?			
Ухудшение материального положения	35	39	39
Несоответствующие условия труда	7	9	12
Потеря работы (сокращение)	10	13	10
Утрата привычного круга общения	8	8	9
Отказ в приеме на работу по причине социального статуса	1	5	4
Непримятие, пренебрежительное отношение общества	6	3	4
Не сложились отношения в коллективе	3	4	4
Не смог(ла) отстаивать свое право на трудоустройство	1	0	3
С перечисленными трудностями не приходилось сталкиваться	43	37	39
2. Кого Вы вините в этих трудностях?			
Государство	52	43	43
Самого себя. Я недостаточно активен в решении своих жизненных проблем	20	21	18
Окружающих, общество, где сложились определенные установки относительно социально незащищенных людей	17	11	16
Другое	2	6	5
Затрудняюсь ответить	9	19	18
<i>Всего</i>	100	100	100
3. Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение Ваше, Вашей семьи сегодня?			
Денег не хватает на повседневные затраты	12	13	10
На повседневные затраты уходит вся зарплата	25	27	20
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	25	19	25
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	29	20	30
Почти на все хватает, но испытываем трудности с приобретением квартиры, дачи	7	20	12
Практически ни в чем себе не отказываем	2	1	3
<i>Всего</i>	100	100	100
4. В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от... ?			
Вас самих	78	81	84
Блиzkих родственников	55	59	57
Друзей, земляков	28	9	27
Начальника по работе	35	53	43
Районных, городских властей	53	51	53
Общероссийской власти	65	51	61

Примечание. Вопросы 1, 4 предполагали выбор нескольких вариантов ответа.

Итак, при анализе материального положения мы сталкиваемся с тем, что одинокие матери, с одной стороны, меньше других чувствуют себя защищенными от бедности, а с другой — чаще говорят о стабильном материальном положении. Это еще раз свидетельствует о неоднородности группы, а следовательно, о желательности различных подходов к оказанию помощи со стороны государства и общественных организаций. Кроме того, мы можем отметить, что экономический кризис серьезно сказался на материальном положении и социальном самочувствии всего населения СЗФО, но в отношении многодетных и одиноких матерей ситуация усугубляется обусловленными их статусом дополнительными трудностями.

При анализе трудной жизненной ситуации необходимо выяснить вызвавшие ее причины, отношение со стороны лиц, попавших в нее, к самой ситуации и поиску выхода. Во всех перечисленных проблемных ситуациях пятая часть (18 %) населения СЗФО обвиняет себя, шестая часть (16 %) — общество и практически половина (43 %) — государство (табл. 2). Окружающих и общество, в котором сложились определенные установки относительно социально незащищенных людей, реже других обвиняют одинокие матери (11 %). Вину за свои трудности чаще других возлагают на государство многодетные семьи (52 %).

Ответственность за улучшение жизни население СЗФО возлагает в первую очередь на самих себя (84 %), во вторую — на общероссийскую власть (61 %) (табл. 2). Однако число тех, кто берет ответственность на себя, чуть меньше среди одиноких (81 %) и многодетных матерей (78 %). Многодетные семьи зависят от общероссийских и местных властей (65 и 53 % соответственно) и помощи близких родственников (55 %), а одинокие матери, кроме близких родственников (59 %), отмечают зависимость от начальства на работе (53 %) и лишь потом — от всех видов властей (51 %).

Мы столкнулись с двойственностью позиции. По мнению большинства респондентов (81 %), социально уязвимым группам надо оказывать помощь, и только десятая часть (11 %) говорит о необходимости активной жизненной позиции у тех, кто относится к данной категории, об изменении их отношения (табл. 3). В то же время 85 % одиноких и многодетных матерей ожидают помощи от государства и довольно редко возлагают оказание помощи на общественные организации (не более 19 % респондентов различных категорий) или прибегают к поддержке со стороны родственников. Отказ обратиться за помощью к таким же, как они (людям из той же категории), при наличии различных сообществ, отстаивающих интересы одиноких матерей и многодетных семей, говорит о том, что, может быть, не хватает информации о деятельности этих организаций.

Все-таки — помощь государства или самостоятельное обеспечение жизни семьи, решение проблем? По данным С. С. Даниловой, 26 % одиноких матерей пытаются решать проблемы самостоятельно и только 4 % женщин обращаются за помощью к специалистам различных учреждений [Данилова, 2009: 56]. Вследствие большой экономической уязвимости женщины в монородительских семьях демонстрируют более высокую экономическую активность [Захаров, Чурилова, 2013: 102], что подтверждается данными опроса: среди одиноких матерей имеют работу 77 %, среди многодетных — 48 %.

Таблица 3

**Социальные установки на оказание помощи
многодетным и одиноким матерям, %**

Мнение респондента	Многодетная мать / семья	Одинокая мать	Население СЗФО в целом
1. Надо ли помогать социально уязвимым слоям населения?			
Да	83	77	81
Нет, помощи оказывается достаточно	2	1	2
Необходимо, чтобы и сами эти люди были активнее в жизни	11	13	11
Затруднились ответить	4	6	9
<i>Всего</i>	100	100	100
2. Кто должен помогать социально уязвимым слоям населения?			
Государство	85	85	88
Общественные организации	19	16	16
Родственники	12	15	13
Люди, имеющие те же проблемы	3	3	3

Примечание. Вопрос 2 предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

В отношении характера работы у одиноких матерей более явно, чем у населения в целом или у многодетных матерей, выражены установки на небольшой, но стабильный заработок, более легкую работу. Также различие между категориями «многодетные матери», «одинокие матери» и «население в целом» заключается в распределении главных интересов между домом (семьей) и работой. Среди многодетных и одиноких матерей более многочисленная группа склоняется к приоритету семьи и дома (78 и 75 % соответственно), чем в целом в обществе (63 %), и меньшая по численности — к приоритету работы (7 и 8 % соответственно против 14 % по общей выборке).

Это положение подтверждается и выбором наиболее важных терминальных ценностей. Многодетные и одинокие матери чаще выбирают ценности счастливой и дружной семьи (82 и 87 % против 78 % по общей выборке), материнства (45 и 63 % соответственно против 37 % по общей выборке). Для одиноких матерей менее значимой ценностью является любимая профессия (выбор только 5 %, что в три раза меньше, чем в целом среди населения СЗФО), но ценность работы и карьеры отмечает практически треть одиноких матерей, что совпадает с мнением общества по данному вопросу. Напротив, среди многодетных матерей меньше доля тех, кто относит к главным ценностям работу и карьеру (19 %), но больше тех, кто ценит любимую профессию (13 %).

Многодетные матери работают реже, и возможно, именно этим фактом объясняется меньшая ценность работы и карьеры и большая по сравнению с одинокими матерями ценность любимой профессии. Для одиноких же матерей большую важность имеет работа как средство стабильного заработка. Следует отметить также наличие ролевого конфликта, который более выражен

у одиноких матерей, так как именно они чаще сталкиваются с проблемой выбора между работой и семьей, воспитанием ребенка.

В нашем исследовании настораживает тот факт, что одинокие матери, несмотря на защиту законов, сталкиваются с проблемами трудоустройства: 13 % — с потерей работы, 5 % — с отказом в трудоустройстве по причине социального статуса. Видимо, имеющийся у одиноких матерей негативный опыт трансформируется в установку на то, что женщинам с малолетними детьми сейчас трудно найти работу. Согласие с этим высказыванием выразили 92 % из указанной группы, хотя среди населения в целом подобного мнения придерживается три четверти. При этом если многодетные матери в 22 % случаев ничего не будут делать для защиты своих интересов, то одинокие матери не могут позволить себе подобную пассивную позицию (среди них только 8 % отметили, что ничего не будут предпринимать).

Может ли общество и государство оказать действенную помощь семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию? Существуют ли эффективные механизмы, позволяющие преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере? Незначительная часть населения (менее 12 % по различным группам) считает, что механизмы есть и они работают эффективно (табл. 1). Чаще других с их отсутствием сталкиваются многодетные матери (28 %). Около четверти респондентов (26 %) считают, что отсутствуют эффективные механизмы по отношению к монородительским семьям.

Выводы

В федеральном законодательстве сегодня нет однозначных определений понятий, связанных с явлением многодетного и одинокого материнства, а также положением данных семей, обусловленным трудной жизненной ситуацией и социальной эксклюзией — ограничением прав. Материальная поддержка матерям-одиночкам как специфической категории реципиентов в настоящий момент практически отсутствует. Инициатива и ответственность за принимаемые решения в сфере дополнительной социальной поддержки одиноких матерей сейчас переданы регионам, но эта поддержка крайне незначительна [Ярская-Смирнова, Романов, 2004]. По нашему мнению, это является отражением обстановки, сложившейся в обществе: экономические проблемы привели к превалированию индивидуальных интересов, отсутствию внимания к людям, которые остро нуждаются в поддержке, как материальной, так и моральной. В российском обществе сегодня преобладают настроения социального самооправдания и безразличия.

Многодетные и одинокие матери остро ощущают свою уязвимость. В частности, они не чувствуют себя защищенными от бедности, притеснений из-за своего пола, произвола чиновников. Одинокие матери сталкиваются с проблемами в сфере трудовой деятельности, а именно с отказом в приеме на работу и потерей работы. Ситуация осложняется наличием ролевого конфликта у работающих матерей, и наиболее он выражен именно у матерей-одиночек. Ограниченные возможности в трудовой сфере приводят к лишениям в других сферах жизни, способствуя процессу социального исключения.

В отношении трудной жизненной ситуации явно выражена двойственность позиции многодетных и одиноких матерей: они, с одной стороны, ждут

помощи от государства, а с другой — понимают, что надеяться на государство нельзя и в поисках выхода из проблемной ситуации надо действовать самостоятельно. Двойственная позиция дополняется отсутствием стремления объединить свои усилия в поиске решения проблем. Можно констатировать, что сегодня в России на фоне преобладания патерналистского дискурса эффективные механизмы, позволяющие преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере, отсутствуют или работают плохо.

Наше исследование показало, что «многодетная мать» и «одинокая мать» — это слишком обобщенные, размытые понятия. В действительности существуют иерархии, в соответствии с чем различные категории женщин нуждаются в материальной помощи в большей или меньшей мере, но всем им необходима моральная поддержка со стороны общества. Мы пришли к выводу, что только количественные методы не могут дать полной и точной картины. В связи с этим мы планируем обратиться к качественным методам исследования социального положения одиноких и многодетных матерей и отношения к ним со стороны общества, социальных стереотипов в сфере трудовой деятельности и механизмов, применение которых могло бы привести к улучшению социально-экономического положения исключенных категорий населения.

Библиографический список

- Андреева Г. М.* Психология и общество. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. С. 5—15.
- Бородкин Ф. М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 5—17.
- Вовк Е.* Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Нормы и ценности. 2007. № 3. С. 33—46.
- Грудина Т. Н.* Ценностные ориентации многодетной семьи в России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 24 с.
- Данилова С. С.* Социологический анализ проблем одиноких матерей в малом городе: (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 49—57.
- Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. 2013. № 4. С. 86—117.
- Киблицкая М.* Исповеди одиноких матерей: социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике с использованием этнографических методов. М.: Эслан, 1999. 158 с.
- Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Леонидова Г. В., Смолева Е. О.* Эксклюзия как основной критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 29—47.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 534 с.
- Штомпка П.* Социология: анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

- Ядов В. А., Беляев Э. В., Водзинская В. В. Внутренняя регуляция социального поведения субъекта: (подход к построению диспозиционной теории) // Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976. С. 177—204.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. С. 66—95.
- Doise W. Images, representations collectives et ideologies dans la psychologie sociale // *Social Science Information*. 1978. Vol. 17 (1). P. 41—69.
- Smith M. B. The personal setting of public opinion // *Public Opinion Quarterly*. 1947. Vol. 3. P. 517—523.
- Taguiri R. Person perception // *The Handbook of Social Psychology* / ed. by J. Lindzey, E. Aronson. New York: Random House, 1969. Vol. 3. P. 395—449.
- Tajfel H. Social stereotypes and social groups // *Intergroup Behavior* / ed. by J. C. Turner, H. Giles. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144—167.

References

- Andreeva, G. M. (2005) Sotsial'naiia psikhologiya i sotsial'nye izmeneniia [Social psychology and social change], *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 5—15.
- Borodkin, F. M. (2000) Sotsial'nye ekskluzii [Social exclusion], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 5—17.
- Danilova, S. S. (2009) Sotsiologicheskii analiz problem odinokikh matereĭ v malom gorode: (Na primere Ivanovskoi oblasti) [Sociological analysis of the problems of single mothers in a small city (On the example of the Ivanovo region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 49—57.
- Doise, W. (1978) Images, representations collectives et ideologies dans la psychologie sociale, *Social Science Information*, vol. 17 (1), pp. 41—69.
- Grudina, T. N. (2014) *Tsenostnye orientatsii mnogodetnoi sem'i v Rossii: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Values of a large family in Russia: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Iadov, V. A., Beliaev, É. V., Vodzinskaia, V. V. (1976) Vnutrenniaia reguliatsiia sotsial'nogo povedeniia sub'ekta (Podkhod k postroeniiu dispozitsionnoi teorii) [Internal regulation of the subject's social behavior (Approach to the construction of dispositional theory)], in: *Problemy sotsial'noi psikhologii*, Tbilisi.
- Iarskaia-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. (2004) Sotsial'naiia zashchishchennost' gorodskoi monoroditel'skoi sem'i [Social security of the urban mono-family], *Mir Rossii*, no. 2, pp. 66—95.
- Kiblitkaia, M. (1999) *Ispovedi odinokikh matereĭ: sotsiologicheskii analiz strategii vyzhivaniia i narusheniĭ prav odinokikh matereĭ v perekhodnoi ekonomike s ispol'zovaniem étnograficheskikh metodov* [Confessions of single mothers: A sociological analysis of survival strategies and violations of the rights of single mothers in a transition economy using ethnographic methods], Moscow: Éslan.
- Lippman, U. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion], Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie".
- Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N., Leonidova, G. V., Smoleva, E. O. (2016) Ékskluziia kak osnovnoi kriterii vydeleniia sotsial'no uiazvimykh grupp naselenia [Exclusion as a main criterion for selecting socially vulnerable population groups], *Ékonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 2, pp. 29—47.
- Shibutani, T. (1969) *Sotsial'naiia psikhologiya* [Social psychology], Moscow: Progress.

-
- Shtompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society], Moscow: Logos.
- Smith, M. B. (1947) The personal setting of public opinion, *Public Opinion Quarterly*, vol. 3, pp. 517—523.
- Taguiri, R. (1969) Person perception, in: Lindzey, J., Aronson, E. (eds), *The Handbook of Social Psychology*, vol. 3, New York: Random House.
- Tajfel, H. (1981) Social stereotypes and social groups, in: Turner, J. C., Giles, H. (eds), *Intergroup Behavior*, Oxford: Basil Blackwell.
- Vovk, E. (2007) Mnogodetnost' kak tsennost' i praktika: obrazy mnogodetnykh semeĭ [Large families as a value and practice: images of large families], *Normy i tsennosti*, no. 3, pp. 33—46.
- Zakharov, S. V., Churilova, E. V. (2013) Fenomen odinokogo materinstva v Rossii: statistiko-demograficheskiĭ analiz rasprostranĕnnosti i mekhanizmov ego formirovaniia [The phenomenon of lonely motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of the prevalence and mechanisms of its formation], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 86—117.

Статья поступила 06.06.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смолева Елена Олеговна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий, Российская академия наук (Вологда), Россия, riolenas@rambler.ru (Research Fellow at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies, Institute of Socio-Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences (Vologda), Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 26—35
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 26—35
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.3

**«Я НЕ МОГУ СКАЗАТЬ!»:
К ПРОБЛЕМЕ ДОМАШНЕГО И СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(По материалам социологического исследования
в Республике Дагестан)**

С. В. Сиражудинова^{a, b}

^a Южно-Российский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия, saida_kant@mail.ru

^b Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем
«Кавказ. Мир. Развитие», г. Ростов-на-Дону, Россия

Анализируется проблема гендерного — семейного и сексуального — насилия в республиках Северного Кавказа. Здесь можно обнаружить весь спектр вопросов, связанных с насилием в семье и сексуальным насилием, как с общераспространенными формами, так и со специфическими региональными, даже локальными. Автор обращается к результатам социологических исследований, посвященных изучению насилия над женщиной, проведенных в Республике Дагестан. Результаты показали, что теория контроля до сих пор актуальна для Дагестана и легитимизирует мужское насилие и доминирование. Насилие над женщиной имеет многогранные и скрытые формы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, женщины, Северный Кавказ, Дагестан, похищение невест, убийство чести, женское обрезание.

**“I CAN’T TELL ABOUT IT”:
THE DOMESTIC AND SEXUAL VIOLENCE
IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS
(Based on the sociological research data
in the Republic of Dagestan)**

S. V. Sirazhudinova^{a, b}

^a South-Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russian Federation, saida_kant@mail.ru

^b Centre of Research of Modern Global Matters and Regional Problems
“The Caucasus. The World. Development”, Rostov-on-Don, Russian Federation

The article examines the issue of family and sexual violence in the republics of the North Caucasus. The republics of the North Caucasus are distinguished by the fact that here you can find a whole range of issues related to domestic violence and sexual assault, both common forms, and specific regional, even local. The author refers to the results of sociological research devoted to the study of violence against women conducted in the Republic of Dagestan. The results showed that the theory of control is still relevant to Dagestan, as legitimization of violence and male domination. The forms of violence against women could be of a multifaceted and disguised character.

Key words: sexual violence, women, the North Caucasus, Dagestan, bride kidnapping, honor killing, female genital mutilation.

Введение

В северокавказском обществе приватная сфера остается самой закрытой и табуированной. Это тот случай, когда о насилии боятся сказать, его скрывают, заботясь о «чести» семьи и даже об имидже всего общества. Здесь можно обнаружить всю палитру насилия по отношению к женщине.

В последние годы предпринимается все больше попыток установить контроль над женщиной, возродить патриархат. Причем подобное происходит в условиях, когда женщина выполняет важные экономические функции. Регулирование порядка в обществе происходит за счет более слабых физически — женщин и детей.

Гендерное насилие (в том числе домашнее и сексуальное) традиционно играло достаточно важную роль в республиках Северного Кавказа. Оно закреплено культурой, историей и традицией, прочно укоренилось в менталитете жителей. В последние годы вокруг гендерной проблематики сложился непростой и противоречивый дискурс, многие проблемы всплывают наружу, местами обостренно критически, местами, напротив, сглаженно и оправдывающе.

Женщина привыкла быть жертвой насилия (сексуального, эмоционального и др.). Женщины и дети сталкиваются с насилием с детства и живут с ним почти всю свою жизнь.

Несмотря на актуальность темы, ее закрытость не способствует ее изучению и практическим шагам по искоренению гендерного насилия и гендерной дискриминации. Цель данного исследования состоит в выявлении и изучении распространенности гендерного — домашнего и сексуального — насилия в республиках Северного Кавказа, продолжающего оказывать значительное влияние на жизнь достаточно большого количества женщин.

Теоретические разработки в сфере исследования гендерного — сексуального и домашнего — насилия

Проблема гендерного насилия привлекла исследователей относительно недавно [Straus, 1983]. Сексуальная агрессия [Kanin, 1957] и насилие в семье [Dutton, 1994] стали рассматриваться как социальная проблема с 1970-х гг.

Гендерное насилие в исследовательской традиции тесно связывают с патриархальностью, контролем, доминированием и подчинением.

Одним из первых направлений в научной мысли, сыгравших практическую роль в общественных и политических процессах и обративших внимание на виктимность женщины и мужское доминирование вследствие неравной экономической функции и разделения труда, был марксизм, рассматривающий процесс перехода от матриархата к патриархату.

Впоследствии важную роль сыграл феминизм. Автор многочисленных работ, посвященных насилию в семье, феминизму и патриархату, — Д. Даттон (см., напр.: [Dutton, 1987, 1994]). Феминизм рассматривается здесь как неомарксизм, теория, пропускающая все социальные отношения через призму гендерных отношений: мужчины (буржуа) удерживают преимущества власти над женщинами (пролетариат) в патриархальных обществах; домашнее насилие — физическое насилие со стороны мужчин с целью сохранить властное преимущество или женское защитное насилие, используемое для самозащиты [Dutton, Nicholls, 2005].

Феминистские исследователи считают насилие побочным продуктом патриархата и, следовательно, исключительно мужским занятием [Боград, 1988]. Согласно одному из первых исследователей насилия Р. Добашу, мужчины используют физическую силу в качестве средства обеспечения мужского доминирования и достижения женского подчинения [Dobash R. P., Dobash R. E., 1979: 24].

Новый всплеск эмпирических исследований насилия над женщиной и детьми связан с либерализмом, глобализацией, продвижением демократии в западные общества, защитой прав человека, появлением глобальных структур гражданского общества (международные неправительственные организации, женские правозащитные движения).

Явление семейного насилия обозначают термином «повседневный терроризм» [Rain, 2014]. М. Джонсон определил «патриархальный терроризм» и «интимный терроризм» как форму насилия посредством влияния или контроля через внушение страха (он может иметь форму психического, эмоционального, физического) [Johnson, 1995].

Гендерное насилие также связывают с контролем над женщиной [Hanmer, 1978], с контролем ее действий и поведения, ее жизни вообще, и даже сексуальности.

Культурное подавление женской сексуальности [Baumeister, Twenge, 2002] в теориях сексуального контроля обусловлено тем, что женская сексуальность рассматривается как представляющая потенциальную угрозу, вследствие чего «подавляется в интересах патриархата» [McIntosh, 1978: 64].

Теории контроля тесно связаны с патриархальностью. «Патриархальная иерархия узаконила избиение жены и контроль над ней как результат неравных властных отношений между мужчиной и женщиной» [Serran, Firestone, 2004: 12].

Гендерное — домашнее и сексуальное — насилие в России, и особенно в республиках Северного Кавказа, и разные формы его проявления остаются почти не исследованными. Проблема насилия над женщинами затронута в работе М. А. Бутаевой [Бутаева, 2010], явлению женского обрезания в Республике Дагестан посвящена статья автора, вышедшая в 2016 г. [Сиражудинова, 2016], но в целом проблема насилия над женщинами и детьми в республиках Северного Кавказа требует тщательного изучения и практического решения.

Культурный контекст гендерного неравенства, домашнего и сексуального насилия

Положение женщины у разных народов различается. Существуют страны и районы, где гендерное неравенство по-прежнему является нормой [Archer, 2006]. Несмотря на критический взгляд на возможность продвижения в западные общества демократии и гендерного равноправия, содержащийся в теории культурного релятивизма, насилие (от избиения до искалечения и убийства) над женщинами и детьми оправдать нельзя. Культурный релятивизм и сохранение самобытности обществ в глобализирующемся социуме важны — при условии ненарушения прав человека на жизнь, здоровье и достоинство.

Существуют западные общества (с доминирующими традиционными и религиозными нормами и обычаями), стремящиеся к сохранению сложившегося общественного порядка, к распределению традиционных социальных гендерных ролей [Eagly, Wood, 1999], к приоритету коллективного и зависимостью личности от общины.

Гендерное насилие, неравенство и женскую виктимность ряд авторов ставят в зависимость от доминирования коллективизма или индивидуализма. «Индивидуализм увеличивает гендерное равенство, смещая насилие со стороны партнера к меньшей виктимности женщин и большей виктимизации мужчин» (см., напр.: [Archer, 2006]), в условиях же коллективизма люди рассматривают себя как часть сообщества, чьи цели превалируют над интересами индивидов.

Во многих культурах избиение жен мужьями призывается рассматривать как одну из форм законного наказания, аналогичную применению телесных наказаний детей родителями [ibid.: 135], что связано с воспитательной функцией мужа, его ответственностью за поведение женщины, равно как и детей, с контролирующей функцией.

Методология исследования

Помимо анализа теорий, обращающихся к проблеме насилия над женщиной, выявления причин и концепций, объясняющих гендерное насилие, необходим анализ эмпирических данных, чтобы приблизиться к пониманию проблемы гендерного насилия в конкретном регионе. Чтобы понять остроту и глубину

проблемы насилия над женщиной в республиках Северного Кавказа, в 2016 г. в Республике Дагестан автором в рамках работы, проводимой Центром исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», было осуществлено социологическое исследование «“Я не могу сказать!”: насилие на Северном Кавказе» (N=540 человек, из них 510 человек участвовали в количественном исследовании, метод — анкетирование и 30 человек — в опросе женщин и экспертов, метод — стандартизированное интервью). Кроме этого, автор обращается к эмпирическим данным исследований по гендерной проблематике (гендерное равноправие, женское обрезание, женский радикализм и др.), полученным за 10 лет в разных республиках Северного Кавказа.

Гендерное насилие в республиках Северного Кавказа: результаты исследования

Среди целого спектра форм насилия над женщиной на Северном Кавказе, в том числе и специфических, связанных с локальными культурными и религиозными традициями, сложно выделить одну, как и сложно в рамках одного исследования подробно описать все проблемы. Постараемся дать общую картину, обратившись к анализу наиболее опасных и специфических форм насилия.

Наиболее распространено здесь физическое насилие, сексуальное и психическое. Бывает насилие общественное (традиции, стереотипы, нормы обычного права, обряды); насилие над женщиной и детьми со стороны лиц, не входящих в круг семьи; насилие над женщиной со стороны родственников.

Гендерное неравенство

Все начинается с давления, подчинения и превосходства. Это может быть физическое превосходство мужчины над женщиной, взрослого над ребенком, может быть закреплённое традицией приоритетное положение в обществе и семье. Начинается оно с неравенства — в силе, статусе, доходах. На Северном Кавказе неравенство закреплёно традицией и воспринимается как естественное и необходимое.

Неравенство статуса и зависимость женщины порождают психическое и моральное насилие. Давлению здесь подвергаются с рождения. Дети находятся под контролем, особенно девочки. Воспитанию девочек уделяется особое внимание, они помогают матери по дому, приоритет же в образовании отдается сыновьям. Низкий статус в обществе, неосведомленность о своих правах, отсутствие образования (и даже при его наличии — психологическая зависимость от мужа ввиду традиции), материальная зависимость, отсутствие недвижимости усугубляют положение женщины. Женщины из семей интеллигенции более свободны и имеют большие возможности, но таких единицы.

Согласно ответам, положение женщины в последние годы изменилось в лучшую сторону — 60 % респондентов, в худшую сторону — 17,5 % («женщины испортились»), не изменилось вообще — 10 % («все зависит от воспитания»).

Необходимость контроля над женщиной отметили 57,5 % респондентов («важно сохранение ее чести», «доверяй, но проверяй»), противников оказалось 32,5 %, за умеренный контроль — 5 %. До сих пор здесь часто брак совершается по договоренности родителей, хотя заключение брака по любви в городах встречается все чаще. В последнее время поиск партнера нередко ведется исходя из «религиозности».

Самыми опасными формами насилия считаются убийство, тиранство, изнасилование, избиение, моральное насилие и др.

Традиционная роль женщин — роль матери, хранительницы домашнего очага, следящей за бытом и послушной мужу. Мужчина, в представлении респондентов, — отец, добытчик, хозяин и защитник.

Неравенство и зависимость от мужчины позволяют ему оказывать давление полигамией. Согласно опросам, многие женщины живут в страхе и напряжении в связи с появившимся в последние годы навязыванием многоженства.

В то же время полигамия в обществе еще не прижилась и воспринимается негативно. Полигамные браки в большинстве случаев скрываются, дети здесь не имеют прав и не защищены.

Гендерную диспропорцию мужчин и женщин ощущают 27,5 % респондентов и не ощущают 45 %. К многоженству превалирует отрицательное отношение — 57,5 %, положительно относятся — 17,5 %, безразлично — 12,5 %. Допускают возможность стать полигамным 12,5 % (в 87 % случаев это мужчины), 62,5 % категорически отрицают подобное. Отметивших, что многоженство нарушает права женщин и детей, — 50 %, не нарушает — 32 %. Большинство отмечает, что многоженцы не бывают справедливы (67,5 %).

Физическое насилие

Наиболее распространенной формой насилия над женщиной является физическое. Традиционные общества часто оправдывают насилие соображениями пользы, чести, необходимостью воспитания жены. Дагестан также относится к обществам, где подобная форма насилия часто находит оправдание.

Согласно опросу, мужчина может быть оправдан в избиении жены в случае ее измены (40 %) и непослушания (10 %). В то же время считающих, что насилие не может быть оправдано и мужчина не имеет права бить жену, — 45 %.

Таким образом, здесь встречается и порицание избиения, и его одобрение (при определенных обстоятельствах), характерное для культур, где патриархальные ценности еще достаточно сильны [Fischer, Manstead, 2000], «женщины должны быть подчинены и проконтролированы мужьями, которые могут время от времени дисциплинировать их силой при необходимости, как и детей» [Archer, 2006: 135].

Крайняя форма — убийство чести — также до сих пор встречается в республиках Северного Кавказа. Убийство женщин во имя чести семьи (за недозволенное, позорящее семью поведение), совершаемое родственниками, являет собой разновидность социального контроля [Cooney, 2014].

О том, что слышали о случаях убийств чести в своем селе и городе, заявили 12,5 % респондентов, не слышали о подобном — 77,5 %. Против практики убийств чести высказались 72,5 % («убийство вообще не поддерживаю»), поддерживают практику убийств чести 17,5 %.

Сексуальное насилие

Уязвимое положение женщин облегчает сексуальное насилие. Сексуальное насилие совершают как чужие люди, так и родные, что наиболее травматично для жертвы.

Традиционное общество делает положение жертвы изнасилования более сложным. Из-за боязни осуждения и существующих традиционных механизмов

большинство случаев насилия, связанных с изнасилованием, не доходят до правоохранительных органов; если же доходят, то их стараются разрешить в полиции путем переговоров, компромисса, компенсации, временных браков, не доводя до суда.

К жертве изнасилования в Дагестане относятся отрицательно и негативно 22,5 % респондентов, с сочувствием — 20 %, нормально, положительно, понимающе — 7,5 %. Допускают, что жертва изнасилования может быть тоже виновна, 27,5 % («сама дала повод», «сначала сама согласилась, потом в суд подать собирается», «была одета вызывающе», «было непристойное поведение», «спровоцировала»). Не допускающих виновность пострадавших от изнасилования — 45 %.

Только половина опрошенных считают, что жертва изнасилования имеет шанс на успешный брак, другие подобную перспективу рассматривают с сомнением («когда как», «скорее нет, чем да», «крайне малый шанс», «в редком случае») — около 20 %, отрицающих подобный шанс также около 20 %.

Случаи изнасилования и педофилии скрываются и не разглашаются. Жертва изнасилования (особенно мужского пола) находится под угрозой и становится изгоем, поэтому об изнасиловании предпочитают не говорить.

Отметивших, что похищение невест практикуется довольно часто, — 20 % («зависит от района»), редко — 30 % («все реже и реже», «не так часто»), уже почти не практикуется — 10 %.

Насилием является и насильственный брак, который грозит как женщинам, так и мужчинам.

Сексуальное насилие призвано выполнять контролирующие функции (используется как контроль женской сексуальности). Специфическая форма сексуального насилия, характерная для некоторых регионов, — женское обрезание. Таким образом реализуется стремление за счет женщины достичь порядка в обществе, «чтобы она не бесилась, не гуляла, не совращала мужчин». Так как подобной процедуре подвергаются дети, то проблема связана как с гендерным насилием, так и с насилием по отношению к детям. За запрет женского обрезания высказались 32,5 % респондентов («это дикость», «это издевательство», «обязательно надо запретить»), против подобного запрета — 22,5 %. Считают опасным подобный запрет 5 %, не слышали об этом около 10 %.

Проблема существует, но имеет место не во всех районах (в то же время, учитывая почти полный охват этой практикой женского населения нескольких районов, цифра будет внушительная).

Любые проявления сексуального насилия, как правило, тщательно скрываются, поэтому полностью раскрыть проблему, получить по ней статистическую информацию невозможно. Насилие здесь связано с безнаказанностью и с молчаливым согласием всего общества [Бутаева, 2010]. Правоохранительные органы стремятся подобные проблемы разрешить путем договоренностей, не заводя уголовных дел. Нет заявлений и судебных дел — нет и статистики. Подобное отношение дает возможность говорить об отсутствии проблемы, которая в реальности существует. Сами жертвы насилия, опасаясь осуждения, предпочитают молчать о своей травме.

По мнению дагестанских респондентов, для улучшения положения женщин необходимо «уважение», «оружие для самозащиты», «хорошее отношение», «стремление принести им радость и материальное благополучие», «любить их», «прислушиваться к их мнению», «давать ласку», «контролировать их», «понимать их».

Выводы

Положение женщины — самый болезненный вопрос для жителей Северного Кавказа. Результаты исследования показали, что проблемы, связанные с насилием над женщиной в Республике Дагестан, существуют, они имеют острые и скрытые формы. Насилие, в том числе домашнее, сексуальное, является для республики закрытой, скрываемой и почти не изученной проблемой, до разрешения которой еще очень далеко. «У нас не принято выносить сор из избы», «я не могу связываться с этой темой, меня осудит общество» — так заявляют эксперты из числа общественных деятелей, не приветствующих озвучивание гендерных проблем.

Гендерное насилие в традиционных и религиозных обществах построенных на патриархальных устоях, обусловлено стремлением сохранить патриархальность, обеспечить контроль над женщинами, их ограничить и за их счет обеспечить порядок. Здесь власть над женщиной, ее телом и даже духом принадлежит семье и мужчинам.

Теория контроля сплелась с практикой дагестанских гендерных отношений, которые строятся на контроле над женщиной, ее сексуальностью, что в ходе эмпирического исследования подтвердила половина респондентов.

Тем не менее общество развивается. В силу комплекса социально-экономических причин оно не может быть полностью патриархальным. Результаты исследования показали, что, несмотря на многочисленные проблемы, взгляды в обществе трансформируются в сторону осознания прав женщины, важности повышения ее статуса, профессионального, общественного и политического роста.

Необходимо создание кризисных центров для женщин, развитие структур гражданского общества, защищающих права женщин, объясняющих их и с юридической, и с религиозной точки зрения.

Ситуация такова, что от женщин требуют подчинения и подконтрольности. Жертву насилия осуждают, поэтому женщине приходится молчать и скрывать свои проблемы, быть сильной и молча терпеть насилие во благо семьи, общества и имиджа республики.

Библиографический список

- Бутаева М. А. Гендерные стереотипы и насилие против женщин // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 179—186.
- Сиражудинова С. В. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 48—56.
- Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis // Personality and Social Psychology Review. 2006. № 10 (2). P. 133—153.
- Baumeister R., Twenge J. Cultural suppression of female sexuality // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6 (2). P. 166—203.
- Bograd M. Feminist perspectives on wife abuse: an introduction // Feminist perspectives on wife abuse. Beverly Hills: Sage, 1988. P. 11—26.
- Cooney M. Death by family: honor violence as punishment // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (4). P. 406—427.

- Dobash R. P., Dobash R. E. Violence against Wives: a Case against the Patriarchy.* New York: Free Press, 1979. 350 p.
- Dutton D.* The criminal justice response to wife assault // *Law & Human Behavior.* 1987. № 11 (3). P. 189—206.
- Dutton D.* Patriarchy and wife assault: the ecological fallacy // *Violence & Victims.* 1994. № 9 (2). P. 125—140.
- Dutton D., Nicholls T.* The gender paradigm in domestic violence research and theory. Pt. 1: The conflict of theory and data // *Aggression and Violent Behavior.* 2005. № 10 (6). P. 680—714.
- Eagly A., Wood W.* The origins of aggression sex differences: evolved dispositions versus social roles // *Behavioral and Brain Sciences.* 1999. № 22. P. 223—224.
- Fischer A., Manstead A.* The relation between gender and emotions in different cultures // *Gender and Emotion: social Psychological Perspectives.* Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000. P. 71—94.
- Hanmer J.* Male violence and the social control of women // *Power and the State.* London: Croom Helm, 1978. P. 217—238.
- Johnson M.* Patriarchal terrorism and common couple violence: two forms of violence against women // *Journal of Marriage and Family.* 1995. № 57 (2). P. 283—294.
- Johnson M.* A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistances, and Situational Couple Violence. Boston: University Press of New England, 2008. 161 p.
- Kanin E.* Male aggression in dating-courtship relations // *American Journal of Sociology.* 1957. № 63. P. 197—204.
- Leonard P.* Postmodern Welfare. London: Sage, 1997. 208 p.
- McIntosh M.* Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs // *Women, Sexuality and Social Control.* London: Routledge & Kegan Paul, 1978. P. 53—64.
- Pain R.* Everyday terrorism: connecting domestic violence and global terrorism // *Progress in Human Geography.* 2014. № 38 (4). P. 531—550.
- Serran G., Firestone P.* Intimate partner homicide: a review of the male proprietariness and the self-defense theories // *Aggression & Violent Behavior.* 2004. № 9 (1). P. 1—15.
- Straus M.* Ordinary violence, child abuse, and wife beating: what do they have common? // *The Dark Side of Families: Current Family Violence Research.* Beverly Hills (CA): Sage, 1983. P. 213—234.

References

- Archer, J. (2006) Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis, *Personality and Social Psychology Review*, no. 10 (2), pp. 133—153.
- Baumeister, R., Twenge, J. (2002) Cultural suppression of female sexuality, *Review of General Psychology*, vol. 6 (2), pp. 166—203.
- Bograd, M. (1988) Feminist perspectives on wife abuse: An introduction, in: Bograd, M., Yllo, K. (eds), *Feminist Perspectives on Wife Abuse*, Beverly Hills: Sage, pp. 11—26.
- Butaeva, M. A. (2010) Gendernye stereotipy i nasilie protiv zhenshchin [Gender stereotypes and violence against women], *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 9, pp. 179—186.
- Cooney, M. (2014) Death by family: honor violence as punishment, *Punishment & Society*, vol. 16 (4), pp. 406—427.
- Dobash, R. P., Dobash, R. E. (1979) *Violence against Wives: A Case against the Patriarchy*, New York: Free Press.
- Dutton, D. (1987) The criminal justice response to wife assault, *Law & Human Behavior*, no. 11 (3), pp. 189—206.

- Dutton, D. (1994) Patriarchy and wife assault: the ecological fallacy, *Violence & Victims*, no. 9 (2), pp. 125—140.
- Dutton, D., Nicholls, T. (2005) The gender paradigm in domestic violence research and theory, pt. 1, The conflict of theory and data, *Aggression and Violent Behavior*, no. 10 (6), pp. 680—714.
- Eagly, A., Wood, W. (1999) The origins of aggression sex differences: evolved dispositions versus social roles, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 22, pp. 223—224.
- Fischer, A., Manstead, A. (2000) The relation between gender and emotions in different cultures, in: *Gender and Emotion: Social Psychological Perspectives*, Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 71—94.
- Hanmer, J. (1978) Male violence and the social control of women, in: *Power and the State*, London: Croom Helm, pp. 217—238.
- Johnson, M. (1995) Patriarchal terrorism and common couple violence: two forms of violence against women, *Journal of Marriage and Family*, no. 57 (2), pp. 283—294.
- Johnson, M. (2008) *A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistances, and Situational Couple Violence*, Boston: University Press of New England.
- Kanin, E. (1957) Male aggression in dating-courtship relations, *American Journal of Sociology*, no. 63, pp. 197—204.
- Leonard, P. (1997) *Postmodern Welfare*, London: Sage.
- McIntosh, M. (1978) Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs, in: *Women, Sexuality and Social Control*, London: Routledge & Kegan Paul, pp. 53—64.
- Pain, R. (2014) Everyday terrorism: connecting domestic violence and global terrorism, *Progress in Human Geography*, no. 38 (4), pp. 531—550.
- Serran, G., Firestone, P. (2004) Intimate partner homicide: A review of the male proprietariness and the self-defense theories, *Aggression & Violent Behavior*, no. 9 (1), pp. 1—15.
- Sirazhudinova, S. V. (2016) Zhenskoe obrezanie v Respublike Dagestan: sotsiokul'turnye determinanty i kontseptual'nyĭ analiz [Female genital mutilation in the Republic of Dagestan: socio-cultural determinants and conceptual analysis], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2 (79), pp. 48—56.
- Straus, M. (1983) Ordinary violence, child abuse, and wife beating: what do they have common?, in: *The Dark Side of Families: Current Family Violence Research*, Beverly Hills, CA: Sage, pp. 213—234.

Статья поступила 01.03.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, докторант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; президент Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», г. Ростов-на-Дону, Россия, saida_kant@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; president at the Centre of Research of Modern Global Matters and Regional Problems “The Caucasus. The World. Development”, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 36—47
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.4

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 36—47
ББК 86.3-69
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.4

**ПО ОБЕ СТОРОНЫ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

И. Э. Петрова, А. М. Бекарев, Г. С. Пак

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия, irinapetrovay@yandex.ru

Статья посвящена анализу гендерных аспектов социального служения религиозных организаций в современной России и мире. Гендерной тематике в российской социальной политике и социальной работе посвящено достаточное количество научных публикаций, в то время как социальное служение религиозных организаций практически не затронуто подобным анализом. Во многом это обосновано консерватизмом конфессиональных идеологий служения и религиозной принадлежностью ученых, представляющих исследования в социальном служении. Вместе с тем именно сложившиеся традиции разделения мужского и женского в социальной работе различных религиозных организаций привлекательны для гендерного анализа. По результатам контент-анализа экспертных интервью на русском и английском языках авторы делают выводы о специфике женского труда и мужской иерархии в религиозных социальных сервисах, послушании и благословении на труд. Эксперты представляют конфессиональные особенности понимания потребностей женщин в качестве получателей помощи в социальном служении.

Ключевые слова: социальное служение, социальная работа, гендер, религиозные организации.

**ON BOTH SIDES:
THE GENDER DIMENSION OF SOCIAL SERVICE
OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS**

I. E. Petrova, A. M. Bekarev, G. S. Pak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
irinapetrovay@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of gender aspects of social service of religious organizations in modern Russia and the world. A sufficient number of scientific publications is devoted to the subject of gender in Russian social policy and social work while social service of religious organizations is practically not touched upon by such an analysis. In many ways, this is justified by the conservatism of the confessional ideologies of service and the religious affiliation of scientists who represent research in social service. At the same time, it is the established traditions of the separation of men and women in the social work of various religious organizations that are attractive for gender analysis.

Based on the results of the content analysis of expert interviews in Russian and English, the authors draw conclusions about the specifics of gender relations in social service.

The Russian-language content analysis is dominated by interviews of representatives of the Russian Orthodox Church and Muslim communities of the European part of Russia. Experts of modern Russian social service represent the traditional division of labor in religious social services for men and women, position female employees in a rather rigid male hierarchy, apply categories of obedience and blessings.

The content analysis of English-language materials is presented in most of the interviews of employees of Muslim social projects and Buddhist communities around the world. The participation of women in social service has become an important topic of the experts' reasoning. Muslim NGOs represent opportunities for expressing the activity of women, who previously were not visible behind the labor of the male priesthood.

Key words: social service, social work, gender, religious organizations.

Гендерные исследования в современной России насчитывают уже почти три десятилетия. Исследователей привлекает тематика женского труда и эмоциональной работы, неоплачиваемой занятости женщин и специфики их карьерного роста.

С точки зрения гендерного анализа социальная деятельность религиозных организаций еще только ожидает пристального внимания исследователей. Конфессиональное богословие и программные документы религиозных организаций обосновывают участие женщин в социальном служении в качестве сотрудниц социальных сервисов и в роли получателей социальных услуг. Практика социального служения раскрывает сложившиеся традиции и стереотипы в отношении женщин по обе его стороны.

Гендерные исследования социальной работы

Присутствие женщин в социальной работе привлекало внимание исследователей с ее зарождения.

В. Н. Ярская и Е. Р. Ярская-Смирнова в своих первых статьях о профессионализации российской социальной работы используют категории «женской» и эмоциональной работы, указывают на сформировавшуюся к этому времени гендерную сегрегацию рынка труда в России [Ярская, Ярская-Смирнова, 2002: 80].

Е. Р. Ярская-Смирнова показывает практику стигматизации клиентов социальной работы (клиенты из наиболее бедных слоев страдают в большей степени) [Ярская-Смирнова, 2013: 94].

Л. Л. Шпаковская изучает стратегии преодоления социального исключения, в том числе их гендерные аспекты. Предложенные ею категории имеют высокую объясняющую способность для анализа гендерных аспектов социальной политики и социального исключения [Шпаковская, 2013: 247].

Ж. В. Чернова представляет развернутый анализ режимов заботы в разных моделях семейной политики государств всеобщего благосостояния. По мнению исследовательницы, современные западные общества переживают рост потребности в заботе, в то время как объем заботы, как на уровне политики, проводимой государством, так и в повседневной жизни людей, сокращается [Чернова, 2011: 300].

О. А. Симонова ведет разговор об эмоциональной работе и подчеркивает необходимость ее гендерного анализа [Симонова, 2014: 50].

Е. С. Подстрешная приводит обобщенное мнение опрошенных сотрудников социальных служб о необходимости не только профессиональной подготовки, но и соответствующих ей личностных качеств. Эти установки воспроизводят представления о «женской» работе, которые фиксировались учеными в начале 2000-х гг. [Подстрешная, 2014: 80].

В. В. Галиндабаева обращается к вопросу влияния моральной экономики на деятельность социальных служб в сельской местности. Весьма интересны ее наблюдения относительно гендерных установок социальных работников и клиентов. В основном это касается (не)выполнения «женской» или «мужской» работы [Галиндабаева, 2013: 256].

Мужчины в качестве специалистов по социальной работе появляются в исследованиях российских социологов о военно-социальной работе (см., напр.: [Суркова, 2014: 102]).

Гендер в социальном служении

Р. А. Садыков представляет анализ оказания социальных услуг некоммерческими организациями, в том числе и религиозными. Не используя гендерный подход как таковой, он определяет важные ключевые пункты для изучения специфики социальной работы негосударственных служб. Р. А. Садыков справедливо рассуждает о существовании разных этических кодексов, которыми руководствуются работники, в том числе религиозными принципами, обладающими тотальным значением для верующего. В случае возникновения выбора сотрудник скорее будет руководствоваться именно этими правилами, находящимися для него на вершине индивидуальной или коллегиальной иерархии правил [Садыков, 2015: 245].

Мы предполагаем, что профессиональная культура сотрудников НКО, в том числе и религиозных, занимающихся социальным служением, будет формироваться на основе тех гендерных паттернов, которые заложены в богословии и идеологии социальной деятельности конкретной конфессии.

Как отмечают исследователи Российского государственного социального университета, впервые категория «социальное служение церкви» была введена в научный оборот С. Г. Зубановой в диссертационной работе «Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества XIX в.». В ее последующих работах это понятие обрело окончательно сформулированное определение и характеристики (см., напр.: [Зубанова, 2016: 19]).

Поиск публикаций по комплексному запросу «гендер, социальная работа / социальная политика» предоставил около двух десятков научных публикаций, тогда как поиск по запросу «гендер, социальное служение» практически не дает нужных результатов. С гендерной проблематикой более связана тема благотворительности, чем социальное служение.

Б. К. Кнорре исследует систему деловых взаимоотношений в Русской православной церкви в настоящее время. Православные НКО в большинстве представляют собой площадки применения классического женского труда с начальствованием мужчин — во многом по идейным соображениям, и благословение старшего в такой иерархической системе является обязательным актом, «своего рода empowerment для церковных акторов» [Кнорре, 2012: 23].

Б. К. Кнорре дополняет выводы о внутренней культуре социальных сервисов РПЦ. Ученый упоминает специфические моменты социального служения, связанные с вовлечением женщин и мужчин: частые случаи психологического выгорания у сестер милосердия и других сотрудниц православных НКО; формирование корпоративной культуры по типу «семьи» вокруг «отца» — харизматичного священника-руководителя; настрой на патернализм по отношению к священноначалию и своеобразное иждивенчество относительно светского общества. Таким образом формируется сложное внутреннее разделение полномочий между сотрудниками — мужчинами и женщинами — в православных социальных службах, и его анализ представляет интерес для применения гендерно-чувствительных подходов [Кнорре, 2011: 109].

Женщины-сотрудницы

В начале 2010-х гг. появилось достаточно много научных публикаций об участии женщин в социальном служении Церкви — от древности до наших дней.

А. А. Федотов показывает новые возможности административной работы для женщин в РПЦ: получить ученую степень доктора церковной истории, должность заместителя декана факультета православного вуза, а также заместителя руководителя церковной социальной службы. По его мнению, новые формы участия женщин будут укореняться в церковной жизни [Федотов, 2011: 98].

Новой возможностью является подвизание в качестве временного трудника в женском монастыре. Д. Г. Дубовка интерпретирует этот труд через категорию социального служения [Дубовка, 2013].

Н. Б. Киценко представляет одну из немногих работ, посвященных гендерному анализу деятельности РПЦ. Она анализирует вхождение женщин в число религиозных виртуозов православного христианства; называет важные категории женщин-прихожан, среди которых матушки (жены священников), дочери священников, пополняющие число православных активистов; указывает «другие возможные пути для женщин, желающих стать “религиозными профессионалами” в Русской православной церкви» — руководство приходами или должность адвоката в благочинии РПЦ [Киценко, 2016].

З. Г. Большакова высоко оценивает издание женского православного журнала «Моя надежда» в Нижегородской епархии РПЦ и помещает этот труд в рамки социальной деятельности Церкви [Большакова, 2012: 307].

Женщины в социальном служении: результаты контент-анализа интервью

Авторами данной статьи осуществлено исследование «Социальная работа религиозных организаций». В период с 2008 по 2013 г. были проведены интервью со священнослужителями и работниками социальных отделов религиозных организаций в Москве, Казани и Нижнем Новгороде. Интервью в среднем длилось около 1 часа. В материалы контент-анализа включены также опубликованные интервью священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций России и избранные тексты дискуссий и конференций (59). Преобладают интервью представителей христианства, РПЦ в частности. Для обработки полученных данных использован специализированный пакет Лекта. Базовый словарь составил более 38 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей проблемы — 145 семантических цепочек. В результате было получено 18 факторов, объясняющая способность модели 25 %.

Для англоязычного контент-анализа были сведены интервью, взятые авторами в Великобритании (гг. Линкольн, Ноттингем, Лондон), и опубликованные интервью на английском языке священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций разных стран мира (36). Интервью в среднем длилось около 1 часа. Преобладают интервью представителей христианства и ислама. Для обработки полученных данных использован специализированный пакет Лекта. Базовый словарь составил более 25 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей проблемы — 120 семантических цепочек. Было получено 12 факторов, объясняющая способность модели 25 %.

В результате контент-анализа интервью русскоязычных и англоязычных материалов одной из значимых тем обсуждения стал выбор и обоснование проблем и клиентелы социальной работы религиозных организаций.

Женщины в социальном служении упоминаются, как правило, в двух основных сюжетах: сотрудники религиозных организаций или волонтеры социального служения и женщины-клиенты, получатели социальных услуг. И в том и в другом случае налицо специфика понимания женского присутствия в социальном служении.

Российские эксперты о сотрудницах религиозных социальных сервисов

Один из факторов оказался целиком посвящен сотрудницам, более всего православным сестричествам. Еще один важный фактор можно обозначить как «женский дискурс», потому что он составлен из подтем о деторождении, материнстве, проблематике аборт, семье и воспитании детей. Эту тематику, как правило, поддерживают респонденты христианских конфессий.

Мусульмане преимущественно говорят о мужчинах в социальном служении, о женщинах — вскользь, даже если те и участвуют, и только об одной выдающейся женщине в социальной помощи — подробно, около 10 минут интервью.

Аллах по своей Великой милости даровал мне знакомство с удивительной женщиной, мусульманкой, жизнь которой всецело посвящена помощи и заботе о людях с ограниченными возможностями. Малика-ханум долгое время работала с незрячими и слабоумными детьми (жен., ислам, г. Казань, 2012).

Фактор «Отношение к труду» включает в себя основные категории, раскрывающие смысл трудовых отношений в социальном служении: «труд», «сестричество», «волонтеры», «религиозные процедуры» и «тайнство», а также несет некоторые черты семейной проблематики с использованием подтем «семья» и «брачные отношения».

Православные информанты очень часто упоминают женщин как активных участниц социального служения и обозначают их ключевые должности.

Я знаю, что в Воронежской епархии существует женсовет и мамышки активно участвуют в социальной деятельности региона (муж., РПЦ, г. Саранск, 2010).

Большую часть текстов о женщинах в социальном служении составляют рассуждения о православных сестричествах — как в современном виде, так и в перспективе. Эта форма полумонашеского служения представляется наиболее соответствующей должной роли женщины в церкви и ее социальной деятельности в целом.

...Организации православных женщин... Члены сестричества редко живут вместе, их объединяет совместная деятельность и молитва, совместное участие в Таинствах (муж., РПЦ, г. Москва, 2011).

Деятельность сестричеств стремительно расширялась в 2000-е гг., и даже настало время обсуждать ее координацию в разных городах России.

Съезд сестер милосердия сестричеств Ростовской-на-Дону епархии, прошедший 31 марта 2012 г. в Свято-Преполовенской церковно-приходской школе, показал, что для лучшей координации деятельности сестричеств необходима их Ассоциация (жен., РПЦ, г. Ростов-на-Дону, 2012).

Жизнь сестричеств органично вплетена в существующую мужскую иерархию культовой и внекультовой деятельности РПЦ.

Именно это отличает сестричество от других добровольческих организаций. У каждого сестричества есть духовник, и через духовника сестричества подчинены правящему архиерею, а иногда правящий архиерей непосредственно руководит работой сестричества (муж., РПЦ, г. Москва, 2011).

Следует подчеркнуть очень традиционное видение роли и места женщины в социальном служении, которое представляют священнослужители и транслируют сами женщины — сотрудницы как христианских, так и мусульманских сервисов в России.

Ислам обязывает человека быть общественно активным в решении общих задач, стоящих перед человеческим сообществом. Также ислам не разделяет мужчин и женщин, возлагая на них равную долю ответственности... за морально-нравственное здоровье их потомства или общества в целом (муж., ислам, г. Москва, 2011).

Женщины — клиенты социального служения в современной России

Фактор, посвященный разным категориям получателей помощи, подобрал в себя такие подтемы, как «женщины», «мужчины», «сексуальные отношения», «вдовы», подчеркивающие важность гендерных характеристик этого сообщества. Чаще всего в качестве клиентов выступают «внутренние» получатели помощи.

Случается, что батюшка умирает, оставив матушку с детьми. Попечение о такой семье — тоже первоочередное для благочинного. Мы стараемся помочь матушке поставить детей на ноги, дать им образование. Я считаю, что нам в епархии надо создать совет матушек священников, чтобы они определяли свои нужды (муж., РПЦ, г. Саранск, 2010).

При этом в крупных баптистских церквях много внимания уделяется собственным проблемам, своим одиноким и престарелым, которые часто составляют значительное количество членов общины (муж., Российский союз евангельских христиан-баптистов, г. Москва, 2008).

Респонденты называют основные категории клиентов, используя гендерно-ориентированные термины.

Сестринская помощь имеет прежде всего социальную направленность, она в первую очередь предназначается для бедных, стариков, больных, беременных женщин, новорожденных, детей и раненых (жен., РПЦ, г. Ростов-на-Дону, 2012).

Мечеть занимается активной помощью незащищенным слоям населения — пенсионерам, одиноким матерям, сиротам (муж., ислам, г. Казань, 2013).

Для социального служения важен статус родителей в семье, в особенности пожилых.

Статус родителей, а также людей преклонного возраста закреплен в Коране таким образом, что мусульманин не имеет права даже тяжело вздохнуть перед ними, показывая тягость ухода за ними! (муж., ислам, г. Москва, 2010).

Женщины как получатели помощи в основном упоминаются в связи с деторождением и семьей. Их положение оценивается по отношению к тому, как ими выполняются семейные и детородные функции.

Задача конкурса социальных проектов — поддержать тех людей, которые готовы у себя в регионе помочь семье, детям, беременным женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию (муж., РПЦ, г. Москва, 2011).

Деятельные акторы социального служения подвергают подробному анализу законодательные инициативы в отношении семьи и женщин как в России, так и за рубежом.

Все эти современные методики, такие как суррогатное материнство, уничтожают представление о том, что такое семья, что такое отношения между родителями. Только представьте: таинство рождения новой жизни делается платной услугой! (муж., РПЦ, г. Москва, 2011).

Социальное служение активно расширяет сферы своего влияния и организует различные площадки для помощи женщинам: родильные дома, монастыри, службы помощи семье религиозных организаций.

У нас есть прекрасный православный центр защиты материнства в Иваново, и я бы хотел, чтобы таких центров было как можно больше прежде всего в регионах, в российской глубинке (муж., РПЦ, г. Москва, 2011).

Англоязычные эксперты о гендерных аспектах социального служения

Одной из значимых тем обсуждения по результатам контент-анализа англоязычных материалов стало участие мужчин и женщин в социальной работе религиозных организаций. Мусульманские НКО становятся площадкой выражения активности женщин, которые до этого были скрыты в тени мужского священства. Мужчины — координаторы социального служения подчеркивают важность помощи женщинам и трудность ее организации без участия женщин.

У большинства имамов не хватает знаний или ресурсов, чтобы помочь нуждающимся женщинам. Некоторые даже не считают, что это их ответственность (муж., ислам, США, 2009).

Еще одним важным отличительным моментом является активное обсуждение проблем женщин — клиентов социальных служб религиозных организаций.

— *Какова главная проблема девочек и женщин в Кении?*

— *Начиная с девушек, это в основном образование. Грамотность становится более актуальной, но семьи думают, что образование необязательно для девочек* (жен., ислам, Великобритания, 2010).

Буддистское сообщество мира не остается в стороне от этих дискуссий и высказывает позицию о равноправии женщин и мужчин в буддизме, подчеркивая, что только в развитых странах тематика гендера проблематизируется, тогда как в странах исторического распространения буддизма она богословски решена достаточно давно.

Концепция освобождения женщин — это чуждое понятие буддизму. Мужчины и женщины являются равноправными партнерами в создании счастливой семьи. В буддизме оба пола рассматриваются одинаково и могут достичь спасения (муж., буддизм, Таиланд, 2011).

Англоязычные интервью не могут стопроцентно подтвердить равноправие женщин и мужчин во всех сферах жизни общества, но демонстрируют такое отношение внутри социального служения.

Выводы

Социальное служение религиозных организаций редко подвергается анализу в аспекте гендерной проблематики. Участие женщин и мужчин в социальной деятельности определяется догматически, канонически, а также с точки зрения изменяющихся норм современного общества. Разнонаправленные тенденции — все большее вовлечение женщин в управление социальным служением и негибкость «мужской» иерархии многих конфессий — находят свое отражение в публичных дискуссиях и интервью экспертов социального служения.

Женщины представлены в этих материалах как полноправные акторы социальной работы, по обе стороны социального служения — в качестве сотрудниц и волонтеров религиозных социальных сервисов, а также наиболее важных клиентов. Роль женщин-сотрудниц формируется внутри достаточно жесткой, управляемой мужчинами вертикали подчинения, снабженной символическим подкреплением по семейному типу — фигурой священнослужителя в роли «отца» трудовой «семьи». Понимание проблем женщин — получателей социальных услуг также складывается в рамках актуального богословия конфессии, именно поэтому развивается некая альтернативная государственной социальной работа, со своими представлениями о семье, роли женщины, деторождении, грехе и праведности.

Зарубежные эксперты говорят о возрастающей роли женщины в исламской социальной помощи, особых потребностях женщин-клиенток в развивающихся странах, но и это происходит в рамках действующей догматики, что иногда противопоставляется теориям «освобождения» женщин в странах развитого мира.

В целом гендерная проблематика социального служения религиозных организаций весьма обширна и интересна, участие мужчин в решении проблем клиентов — как мужчин, так и женщин — заслуживает не меньшего внимания и станет предметом следующего исследования.

Библиографический список

- Большакова З. Г.* Социальное служение Нижегородской епархии в зеркале нижегородской прессы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2) С. 306—308.
- Галиндабаева В. В.* Моральная экономика, локальное сообщество и социальные службы в сельской местности // Профессии социального государства / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2013. С. 250—271.

- Дубовка Д. Г. Временные трудники в современных женских монастырях: социальное служение или экономическая необходимость? 2013. URL: <http://spbda.ru/news/a-3103.html> (дата обращения: 26.02.2017).
- Зубанова С. Г. Социальное служение в России: исторический опыт, теоретические основы, современная практика: монография. М.: КНОРУС: Квант Медиа, 2016. 256 с.
- Киценко Н. Б. «Религиозные виртуозы» в России? Кто в поле воин. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19723> (дата обращения: 13.03.2017).
- Кнорре Б. К. Социальное служение современной Русской православной церкви Московского патриархата как отражение поведенческих стереотипов церковного социума // Православная церковь при новом патриархе / под ред. С. Филатова, А. Малашенко. М.: Московский центр Карнеги, 2011. С. 69—120.
- Кнорре Б. К. От «церковной десятины» — к «церковной экономике». Размышления о проблеме доверия, самоорганизации и некоторых аспектах деловой культуры в Церкви // Религия и право. 2012. № 3. С. 16—27.
- [Подстрешина Е. С.] Профессиональная культура социальных работников: результаты анализа количественных данных // Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2014. С. 65—107.
- [Садыков Р. А.] Профессионализация негосударственной социальной работы // Профессиональная культура работников социальных служб: социально-антропологическое исследование / под ред. Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2015. С. 240—255.
- [Симонова О. А.] Профессиональные культуры: новые вызовы и подходы // Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии / под ред. Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2014. С. 39—55.
- Суркова И. Ю. Военно-социальная работа — контроль или защита? // Человек. 2014. № 6. С. 100—110.
- Федотов А. А. Расширение сферы деятельности женщин в Русской православной церкви в XX — начале XXI в. // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 93—99.
- Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 3 (9). С. 295—318.
- Шпаковская Л. Л. Социальное исключение и стратегии его преодоления на пересечении этничности, класса и гендера // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 11 (2). С. 235—250.
- Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 74—82.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Класс и гендер в дискурсе социального государства // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 87—96.

References

- Bol'shakova, Z. G. (2012) Sotsial'noe sluzhenie Nizhegorodskoi eparkhii v zerkale nizhegorodskoi pressy [Social service of the Nizhny Novgorod diocese in the mirror of the Nizhny Novgorod press], *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 1 (2), pp. 306—308.
- Chernova, Zh. V. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviakh dolzhen zaborit'sia? Gendernyi analiz rezhimov zaboty i semeinoi politiki [Who, about whom and on what terms should

- take care of? Gender analysis of caring and family policy regimes], *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, no. 3 (9), pp. 295—318.
- Dubovka, D. G. (2013) *Vremennye trudniki v sovremennykh zhenskikh monastyrakh: sotsial'noe sluzhenie ili ekonomicheskaiia neobkhodimost'?* [Temporary workers in modern women's monasteries: social service or economic necessity?], available from <http://spbda.ru/news/a-3103.html> (accessed 26.02.2017).
- Fedotov, A. A. (2011) Rasshirenie sfery deiatel'nosti zhenshchin v Russkoï pravoslavnoi tserkvi v XX — nachale XXI veka [Expanding the scope of women's activities in the Russian Orthodox Church in the XX — early XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 93—99.
- Galindabaeva, V. V. (2013) Moral'naia ekonomika, lokal'noe soobshchestvo i sotsial'nye sluzhby v sel'skoï mestnosti [Moral economy, local community and social services in rural areas], in: Romanov, P. V., Iarskaia-Smirnova, E. R. (eds), *Professii sotsial'nogo gosudarstva*, Moscow: Variant, pp. 250—271.
- Iarskaia, V. N., Iarskaia-Smirnova, E. R. (2002) “Ne muzhskoe èto delo...” Gendernyi analiz zaniatosti v sotsial'noi sfere [“It's not a man's business...” Gender analysis of employment in the social sphere], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 74—82.
- Iarskaia-Smirnova, E. R. (2013) Klass i gender v diskurse sotsial'nogo gosudarstva [Class and gender in the discourse of the social state], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 1, pp. 87—96.
- Kitsenko, N. B. (2016) “Religioznye virtuozy” v Rossii? Kto v pole voin [“Religious virtuosos” in Russia? Who is an warrior in the field], available from <http://gefter.ru/archive/19723> (accessed 13.03.2017).
- Knorre, B. K. (2011) Sotsial'noe sluzhenie sovremennoi Russkoï pravoslavnoi tserkvi Moskovskogo patriarkhata kak otrazhenie povedencheskikh stereotipov tserkovnogo sotsiuma [Social service of the modern Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate as a reflection of the behavioral stereotypes of the church community], in: Filatov, S., Malashenko, A. (eds), *Pravoslavnaia tserkov' pri novom patriarkhe*, Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, pp. 69—120.
- Knorre, B. K. (2012) Ot “tserkovnoi desiatiny” — k “tserkovnoi ekonomike”. Razmyshleniia o probleme doveriia, samoorganizatsii i nekotorykh aspektakh delovoi kul'tury v Tserkvi [From the “church tithe” — to the “ecclesiastical economy”. Reflections on the problem of trust, self-organization and some aspects of business culture in the Church], *Religiia i pravo*, no. 3, pp. 16—27.
- Podstreshnaia, E. S. (2014) Professional'naia kul'tura sotsial'nykh rabotnikov: rezul'taty analiza kolichestvennykh dannyykh [Professional culture of the social workers: quantitative data analysis results], in: Iarskaia-Smirnova, E. (ed.), *Professional'naia kul'tura: opyt sotsiologicheskoi refleksii*, Moscow: Variant, pp. 65—107.
- Sadykov, R. A. (2015) Professionalizatsiia negosudarstvennoi sotsial'noi raboty [Professionalization of non-state social work], in: Iarskaia-Smirnova, E. (ed.), *Professional'naia kul'tura rabotnikov sotsial'nykh sluzhb: sotsial'no-antropologicheskoe issledovanie*, Moscow: Variant, pp. 240—255.
- Shpakovskaia, L. L. (2013) Sotsial'noe iskluchenie i strategii ego preodoleniia na peresechenii ètnichnosti, klassa i gendera [Social exclusion and strategies for overcoming it at the intersection of ethnicity, class and gender], *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, no. 11 (2), pp. 235—250.
- Simonova, O. A. (2014) Professional'nye kul'tury: novye vyzovy i podkhody [Professional cultures: new challenges and approaches], in: Iarskaia-Smirnova, E. (ed.), *Professional'naia kul'tura: opyt sotsiologicheskoi refleksii*, Moscow: Variant, pp. 39—55.

-
- Surkova, I. Iu. (2014) Voенно-sotsial'naia rabota — kontrol' ili zashchita? [Military social work — control or protection?], *Chelovek*, no. 6, pp. 100—110.
- Zubanova, S. G. (2016) *Sotsial'noe sluzhenie v Rossii: istoricheskii opyt, teoreticheskie osnovy, sovremennaia praktika* [Social ministry in Russia: historical experience, theoretical bases, modern practice], Moscow: Kvant Media.

Статья поступила 18.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Петрова Ирина Эдуардовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, irinapetrovay@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Бекарев Адриан Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, Adrian.bekarev@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Пак Галина Станиславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, galinapak5@gmail.com (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 48—59
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.5

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 48—59
ББК 60.545
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.5

РОЛЬ ЖЕНЩИН В АДАПТАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

И. Л. Бабич

Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, irina@babich1.net

На основе анализа полевых этнографических материалов, собранных автором во Франции (Париж, Лион и др.) в 2015—2016 гг., рассматривается роль женщин в адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции. Описывается, как женщины осваивают французский язык и начинают работать в новой стране. Отмечается, что есть группа женщин, «вовлеченных» в ислам, которые ограничивают свое пребывание во Франции рамками семейного быта и практически не адаптируются к новой жизни. Изучаются проблемы женщины как гаранта сохранения северокавказской культуры в новой стране, традиционных родственных и семейных ценностей.

Автор показывает статус северокавказских женщин в общественной жизни Франции, место и функции женщин в бытовой и соционормативной культуре, в соблюдении свадебных и похоронных традиций. В эмиграции постепенно меняется традиционный статус женщин-горянок в семье и обществе. В ходе адаптивного процесса статус женщин повышается: они становятся самостоятельнее, оказываются более гибкими и мобильными, легче приспосабливаются к новым условиям жизни. В то же время «вовлечение» через мужей или братьев горянок в ислам во многом отдаляет их от европейского уклада: они чаще, чем это имеет место на родине, ограничивают свою жизнь пространством семьи.

Ключевые слова: северокавказские женщины, Франция, ислам, традиционная культура, семья, общественная жизнь, пища, свадьба, похороны.

© Бабич И. Л., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 15-18-00099 «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» (рук. Е. И. Филиппова).

THE ROLE OF WOMEN IN THE ADAPTATION OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA IN MODERN FRANCE

I. L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, irina@babich1.net

The aim of this article is to study the role of women in the adaptation of the North Caucasian diaspora in modern France. The author collected field ethnographic materials in France (Paris and several other cities, Lyon) during 2015—2016. This article describes learning the French language by Caucasian women and job search in a new country. The author notes that there is a group of women, whose devotion to Islam creates restrictions and limitations in their life. It hinders their adaptation to the French way of life. The author describes the role of women as protectors of the North Caucasian culture in France, shows the role of women in the preservation of traditional kinship and family values in France. The author shows the status of women in the social life in France, the place and function of women in the traditional culture, as well as during wedding and funeral traditions in France. In France the traditional status of women-“goryanok” in the family and society is gradually changing. There are several reasons for that: women become more independent, are more flexible and mobile, find it easier to adapt to new living conditions.

Key words: North Caucasian women, France, Islam, traditional culture, family, social life, food, weddings, funerals.

Введение

1990-е гг. вызвали сильный поток народов Кавказа в Европу, что было обусловлено как политическими причинами (война в Чечне), так и социально-экономическими (кризис в России и в государствах Закавказья). В настоящее время северокавказская диаспора проживает во многих европейских странах: Франции, Германии, Польше и др. Достаточно трудно определить численность северокавказских эмигрантов во Франции, что связано со многими причинами. Прежде всего, в европейских органах северокавказские эмигранты регистрируются как российские граждане и поэтому их отдельно в иммиграционной статистике не выделяют. Часто северокавказские переселенцы (кабардинцы, осетины, ингуши) стремятся выдать себя за чеченцев, чтобы облегчить получение статуса политического беженца. По данным Культурно-духовной ассоциации кавказцев Страсбурга, только в одном этом городе в настоящее время насчитывается около 10 тыс. чеченцев и ингушей (скорее всего, цифра завышенная). В настоящее время в Европе вообще и во Франции в частности чеченцы являются преобладающим большинством среди северокавказских эмигрантов.

Современная северокавказская диаспора включает в себя три группы мигрантов: молодые неженатые мужчины в возрасте от 25 до 35 лет; молодые семьи с маленькими детьми, реже — с подростками; вдовы — бывшие жены тех,

кто погиб в ходе чеченских войн. Безусловно, все эти три группы по-разному адаптируются к французской жизни¹.

Как известно, роль женщины в обществе и семье в традиционных культурах Северного Кавказа в течение многих веков была особенной. С одной стороны, женщина имела высокий статус в обществе, могла примирять враждующих, а с другой — в семье лишь старшие женщины были авторитетными, молодые замужние женщины практически не имели никаких прав. Безусловно, советские и постсоветские годы во многом изменили традиционные устои северокавказских обществ, тем не менее отдельные аспекты статуса женщин в обществе и семье сохраняются на Северном Кавказе до сих пор [Бабич, 1995].

На основе анализа собранных во Франции новых полевых этнографических материалов в предлагаемой статье мы рассмотрим роль северокавказских женщин — горянок, как их называли в СССР, — в формировании механизмов адаптации северокавказской диаспоры к жизни во Франции.

До настоящего времени практически все стороны адаптивных процессов северокавказцев в европейских странах, в том числе и во Франции, не были объектом и предметом научных исследований. Нам известны лишь несколько работ, в которых рассматриваются вопросы преимущественно политико-криминального характера жизни северокавказской диаспоры в Европе. Например, французский исследователь Л. Винатье в 2008 г. в Институте политических исследований (Париж) защитил диссертацию на тему «Война в Чечне, изгнание и диаспора (1997—2007 гг.)». Данная работа, посвященная изучению положения чеченцев в большинстве европейских стран, главным образом затрагивала политические проблемы как самой Чечни, так и чеченских беженцев в Европе. В 2013 г. он опубликовал результаты своих исследований в монографии [Vinatier, 2013]. В 2006 г. вышла статья бельгийского исследователя, комиссара Федеральной полиции Бельгии Ф. Фарси о чеченской организованной преступности как новой угрозе Европе [Farcy, 2006]. Наконец, упомянем интересные работы чешского специалиста А. Щепаниковой, которая занимается проблемами чеченских беженцев-женщин в Европе в гендерном контексте [Szczepanikova, 2014, 2015].

Как нам представляется, российские и французские антропологи не уделяли должного внимания данной теме в связи с трудностью сбора первичных полевых этнографических материалов: во-первых, те северокавказцы, преимущественно чеченцы, которые проживают без разрешающих французских документов, не готовы беседовать с этнографами; во-вторых, те, кто не в ладах с французскими законами, тоже стараются избегать контактов с учеными; в-третьих, свойственные части северокавказских эмигрантов антироссийские настроения не способствуют установлению с ними тесных контактов. В ходе работы мы столкнулись с такими проблемами и получали отказы в интервью от представителей северокавказской диаспоры, в большинстве своем чеченцев. Имея многолетний опыт антропологической деятельности среди народов Северного Кавказа, можно отметить, что проведение полевой этнографической работы

¹ См. полевые этнографические материалы, собранные нами во Франции в 2015—2016 гг. Хранятся в личном архиве автора. Далее ссылки на эти материалы приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием букв ПЭМ.

среди северокавказцев во Франции значительно сложнее, чем у них на родине. Между тем происходящие во Франции процессы, безусловно, требуют внимания антропологов. Мы проводили полевые исследования в 2015—2016 гг. Было опрошено около 40 человек — кабардинцев, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей. Условие данных нам интервью — анонимность, поэтому имена респондентов в статье изменены. Возраст — от 15 до 45 лет. Как правило, все мигранты занимают невысокий социальный статус во французском обществе. Исследования проводились как в столице, так и в некоторых провинциальных городах Франции.

Европейские идеологи мультикультурализма, руководство европейских стран убеждены, что северокавказские мигранты, наряду с мигрантами из других стран, постепенно воспримут европейские ценности и европейские культуры. Однако в реальности этого не происходит: попытки северокавказских мигрантов быстро включиться в европейскую жизнь чаще всего оканчиваются неудачно. В результате возникают новые механизмы в процессе адаптации.

Женщины, французский язык, трудоустройство

Одним из главных компонентов адаптации мигранта к жизни в другой стране является освоение им государственного языка. У большинства северокавказских мигрантов существует установка на изучение французского языка. Как рассказывала кабардинка Б., получившая в России высшее образование, она сразу поняла, что язык можно быстрее выучить, если иметь работу. Она постаралась ее получить и выучила язык в совершенстве. Она говорит: «Для меня знание языка — получение ощущения комфортности», т. е. сами северокавказцы хорошо понимают ценность знания французского языка.

Многие женщины-горянки во Франции успешно работают. У чеченки Ж. своя фирма по производству сувенирной продукции. Кабардинка Ф. работает в бюро по трудоустройству населения. Когда приехала во Францию, не знала французского языка, теперь хорошо говорит на нем. Чеченка Л. — вдова, эмигрировала с тремя детьми, работает с самого начала жизни в стране. Многие женщины с Северного Кавказа стремятся иметь во Франции частный бизнес, например содержат рестораны (так, абхазка Д. Д. владеет турецким рестораном уже 17 лет) (ПЭМ). Знание французского языка позволило им сделать хорошую карьеру в Европе, во Франции в частности. Ингушка Н. получила докторскую степень за диссертацию в области филологии. Многие ингушки имеют престижные работы: З. Бокова — окулист, Х. Евлоева — сотрудник в отделе городского образования, М. Саграфена — депутат парламента региона Лоррен, Л. Цечоева — шеф-повар в Каннах.

Если северокавказская женщина приезжает во Францию с маленькими детьми, то она вынуждена активнее включаться в новую жизнь. Дети начинают посещать французскую школу, часто быстрее взрослых обучаются французскому языку, и женщины стараются быть с детьми на одном уровне. Они подчас быстрее, чем мужчины, могут найти работу. Если эмигрировала вдова с детьми, то ее роль в процессе адаптации к новым условиям жизни повышается. Обычно если женщина на Северном Кавказе остается одна с детьми, то ей помогают все родственники — близкие и дальние. Более того, родственники стремятся выдать

ее замуж вторично: во многом сказываются отголоски прежних традиций, когда на вдове женился брат умершего мужа. Во Франции складывается другая ситуация: ее не окружают многочисленные родственники, многое ей нужно делать самой. Важно подчеркнуть, что во Франции женщина — вдова или разведенная — может чувствовать себя иначе, чем на Северном Кавказе. Особенность европейской свободы, основы французской жизни, позволяет одинокой женщине чувствовать себя достаточно комфортно и безопасно. На Северном Кавказе такое было бы невозможно (ПЭМ).

Однако есть северокавказцы, которые не работают и не учатся: они плохо знают французский язык. Это обычно группа молодых мужчин, которые становятся практикующими мусульманами. Вся их жизнь проходит в мечети, в мусульманской среде. Акцент на ислам ограничивает северокавказских мужчин в их адаптации к французскому обществу. К этой группе иногда примыкают и чеченские женщины. Надо отметить, что в эмиграции чеченки, по сути, не могут воспроизводить стереотипы поведения, по которым они живут у себя на родине. Женщины в Чечне, в отличие от северокавказок из других регионов Северного Кавказа, часто не работают, полностью поглощены семейными проблемами. Они живут в окружении многочисленных родственников своего тейпа. Как правило, они имеют домашнее, подсобное хозяйство, уход за которым требует много времени. Это — содержание их жизни. Но во Франции так жить нельзя: там немного родственников, семейных забот в эмиграции значительно меньше, нет подсобного хозяйства. Между тем работать чеченские женщины по традиции часто не хотят и во Франции. И среди молодых чеченок есть такие, которые, выйдя замуж, предпочитают не работать. Например, Д., родная сестра Ж., — живет в Париже, не работает (и не хочет), практически все время находится дома, смотрит различные сайты, читает Коран, пребывает в депрессии. Содержание жизни таких молодых женщин очень скудное, но подобная ситуация скорее исключение, чем правило (ПЭМ)².

Женщины как гарант сохранения северокавказской культуры

Жизнь во Франции отличается от жизни на Северном Кавказе практически всем: инфраструктурой, местом семьи в системе ценностей, осознанием собственной роли и места в жизни общины, страны. Северокавказские эмигранты видят существенную разницу между своей культурой, образом жизни, основами морали и французскими ценностями. Так, раскрепощенность французов входит в противоречие с горским понятием стыда (например, емыклу (кабард.)). Семьи северокавказских эмигрантов, где родители строго воспитывают своих детей, видят эту разницу. Дети удивляются, когда их французские подруги и друзья резко разговаривают со своими родителями, особенно отцами (ПЭМ).

Северокавказскому этикету присущи такие положительные моменты, как сдержанность, культ выдержки, уважение к старшим, гостеприимство, чувство локтя. Отношения внутри семьи несколько дистантны: имеет место институт

² См. также рукопись А. Шлейниковой «Les particularités de la société traditionnelle tchétchène. Identité tchétchène» (Nanter, 2008). Хранится в личном архиве автора статьи. Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в круглых скобках с указанием букв АШ.

избегания, в немалом количестве семей в Чечне и сегодня женщины и мужчины едят отдельно. Во Франции северокавказки, сталкиваясь с раскрепощенностью французов, чувствуют себя неловко.

Во французском обществе нет свойственных северокавказскому менталитету традиций почитания старших и особого уважения родителей. У французов отсутствует дихотомия «старший — младший». Северокавказские эмигранты вначале своего проживания во Франции уступают место старшим в транспорте, но потом начинают видеть, что делать этого не надо: люди обижаются, воспринимают как унижение (ПЭМ).

Эмигранты отмечают, что лишь часть французов любят семью и ценят родственные связи. У многих французов совсем нет тяги к родственникам: родные братья и сестры могут годами не видеться. Во французских семьях мало детей. Многие вообще живут без детей и не хотят их иметь. Для северокавказского менталитета это кажется странным, поскольку для народов Северного Кавказа родственные и семейные ценности очень значимы. Эта ценность для них сохраняется и в эмиграции. Отметим также, что и в эмиграции северокавказцы очень ценят свои родственные связи. Поскольку часто эмигрируют несколько родственных семей (особенно это характерно для чеченцев), то они стараются оказаться в одном городе, чтобы тесно общаться, что и происходит в реальности. Именно северокавказские женщины твердо стоят за сохранение традиционных родственных и семейных ценностей. Дети, выросшие на Западе и приезжающие потом на Северный Кавказ, видят разницу в отношении к родственникам на родине своих предков и во Франции (ПЭМ).

Роль северокавказских женщин в общественной жизни во Франции

Во Франции северокавказские женщины чувствуют себя относительно независимо от влияния северокавказских мужчин. В эмиграции они подчас пытаются менять традиционные статусы мужчин и женщин не только в семье, но и в обществе. Это проявляется в том, что женщины часто становятся руководителями национальных общественных движений, которые существуют во Франции. Мужчины руководят только чеченскими организациями, другие часто возглавляют женщины. Например, Парижской Осетинской ассоциацией руководит осетинка Л. Д., вице-президентом Лионской Адыго-Абхазской ассоциации долгое время была абхазка Ф. Однако, по словам последней, она все же чувствовала давление на нее со стороны мужчин, их более высокого традиционного статуса в обществе. Вот как она рассказывает о своей общественной жизни: «Я постоянно говорила другим северокавказцам о необходимости быть толерантными к французам, но они меня плохо слушали, потому что я женщина. Я была четыре года вице-президентом Адыго-Абхазской ассоциации в Лионе, но меня не хотели видеть президентом, так как я — женщина и мужчины боялись моей активности. Я — очень открытая и активная» (ПЭМ).

Роль женщин в адаптации к французской культуре и обществу

При анализе формирования северокавказской среды во Франции подчеркиваем, что в целом северокавказской среды как таковой нет: во-первых, она делится на несколько сегментов и, во-вторых, отчасти заменяется на исламскую

(и в противовес ей на среду этнических мусульман). В настоящее время в диаспоре происходит разделение на практикующих мусульман (независимо от этнической принадлежности) и этнических (всех остальных северокавказцев) [Бабич, 2003]. Например, во Франции в большой адыгской семье в количестве 30—40 человек один молодой человек стал практикующим мусульманином; он практически перестал общаться со своими этническими родственниками, а присоединился к мусульманскому кругу общения, где много чеченцев. Как нам представляется, роль женщин в исламских семьях и в семьях этнических (традиционных) мусульман — различна. Исламизация чеченцев-мигрантов во многом отделяет их от остальных северокавказцев, которые не так близки к исламу; скажем, чеченцы, принимая ислам, совсем перестают употреблять алкоголь, тогда как остальные северокавказцы немного, но выпивают (ПЭМ).

Бытовая культура

Во Франции северокавказки не носят ни национальной, ни исламской одежды, а пользуются обычной, европейской. Девушки и женщины, будучи практикующими мусульманками, не всегда носят платки или хиджабы.

Важным атрибутом сохранения своей культуры в эмиграции является пища. Чаще всего мигранты с Северного Кавказа во многом сохраняют приверженность к своей национальной кухне; дома женщины, обычно по выходным и в праздники, готовят блюда, знакомые с детства. Между тем если мужчина-северокавказец женится на француженке, то ему приходится довольствоваться европейской кухней: жена не станет осваивать северокавказскую кухню. На Курбан-байрам адыгские женщины готовят национальный суп — ашрык (кабард.), для которого требуется 7 злаков (зерна белой кукурузы, два вида фасоли, перловая крупа, пшеница шлифованная, рис, пшено), вяленое мясо, сохранившееся с прошлого Курбан-байрама; разносят мясо среди всех северокавказских мусульман (раньше сырое, в настоящее время — чаще приготовленное). Большим разнообразием национальных блюд отличаются чеченские свадьбы (у других северокавказских мигрантов на свадьбах большинство блюд — европейские) (ПЭМ; АШ).

Нормы жизни в социальной и личной областях

Мигранты с Северного Кавказа, как, впрочем, и все остальные мигранты, во Франции живут в государственных квартирах, предоставляемых им французскими властями в качестве социальной помощи (так называемый ашелем). Интерьер квартир ничем не отличается от того, что мы не раз видели на Северном Кавказе, но значительно реже встречаются ковры, чрезвычайно популярные на родине горцев. Мы наблюдаем, с одной стороны, что северокавказские женщины как хранительницы очага во Франции в меньшей степени уделяют внимание обустройству квартир (что характерно в целом для французского общества), а с другой стороны, они стремятся, если появляется такая возможность, приобрести свой дом и землю. Женщин и во Франции тянет к земле, они хотят, как и на Северном Кавказе, заниматься подсобным хозяйством.

Ключевым фактором, несущим в себе этноохранную функцию в эмиграции, является бытование национального языка и некоторых элементов этнических стереотипов поведения. Безусловно, в эмиграции северокавказцы стремятся воспроизводить свои традиции.

Личная жизнь горянки с Северного Кавказа определяется прежде всего тем, работает она или проводит время дома. Если женщина работает, то ее жизнь дома скорее наполнена этническим, нежели исламским компонентом: времени на пятиразовый намаз дома у нее просто нет. Женщины активно осваивают Интернет, слушают и смотрят как европейскую, так и северокавказскую и российскую музыку и фильмы. У мигрантов, как правило, дома много дисков с национальной и национально-эстрадной музыкой (например, у адыгов — это диски известного исполнителя Ч. Нахушева). Если же женщина много времени проводит дома, то ее жизнь в большей степени заполнена исламом: это и совершение намаза, и исламские сайты и т. д.

Чрезвычайно важной частью воспроизводства этнической культуры, северокавказских традиций во Франции являются танцы. (Танцевальная культура до сих пор ключевая область жизни горцев и на родине: ни один праздник не обходится без национальных танцев. На Северном Кавказе функционируют многочисленные профессиональные и любительские танцевальные коллективы, которые участвуют в разных фестивалях.) При отмечании различных праздников во Франции северокавказцы всегда устраивают танцы. Например, чеченцы празднуют так называемый позитив (получение позитивного решения о предоставлении статуса политического беженца). Во время таких мероприятий танцуют все: молодые девушки и юноши, мужчины и женщины. Девушки и женщины одеты открыто: их плечи могут быть и обнаженными, у женщин в возрасте — повязки на волосах (АШ). Как правило, в различных национальных центрах Европы функционируют танцевальные кружки, где дети обучаются танцам. Это важная часть воспитания подрастающего поколения — детей северокавказских мигрантов. На свадьбах, на различных праздниках во Франции всегда устраиваются национальные танцы, и не уметь танцевать — стыдно.

Многие традиции соционормативной культуры, которые живы до сих пор и на Северном Кавказе (хотя в достаточно модернизированных формах), бытуют и во Франции. Мы могли наблюдать, скажем, традиции гостеприимства и взаимопомощи. Как и на Северном Кавказе, для проведения сложных работ (строительство дома) или при переезде семьи на другое место жительства созываются родственники и знакомые. Как правило, для этих работ приглашаются близкие родственники, но известны случаи, когда совершенно незнакомые горянки помогали другим, находящимся в трудной жизненной ситуации. Так, чеченка А. поселила в своей маленькой комнате двух незнакомых чеченок, которым негде было жить (ПЭМ; АШ).

Иногда в эмиграции горянки вспоминают о традициях, которые не всегда функционируют и на Северном Кавказе, например связанных с воспитанием детей. В частности, у адыгов воспроизводится традиция определения будущей профессии ребенка по тому, какой предмет он выберет. Для этого перед ребенком 4—5 лет выкладываются различные предметы. Адыги верят, что первый предмет, который он выберет, и будет связан с его профессией.

До сих пор на Северном Кавказе бытует фундаментальная традиция отношения к старшим в обществе и семье: уважение старших по возрасту и по должности, уважение женщин независимо от возраста. Все это воспроизводится и во Франции. Уважение к старшим проявляется и во время танцевальных

вечеров, которые часто проводятся в общежитиях северокавказских беженцев. Как свидетельствуют полевые этнографические материалы, если в зале, где проводятся танцы, появляются пожилые горянки, молодежь встает (ПЭМ; АШ).

В 1990—2000-х гг. на Северном Кавказе повсеместно стали совершать мусульманский обряд венчания — неках. Северокавказские мусульмане во Франции редко оформляют свой брак в мэрии, они предпочитают неках. Как правило, они сами посещают дом муллы, реже он приходит в дом к жениху или невесте, еще реже неках совершается по телефону. Во Франции, как и на Северном Кавказе, за невесту платится калым: за девушку — 500 евро, за женщину — 100 евро.

В эмиграции мало представителей старшего поколения северокавказцев: родственники жениха и невесты по-прежнему живут на Северном Кавказе. В ходе совершения брачных ритуалов родственники жениха приезжают к родственникам невесты и просят ее руки. Получение данного согласия — необходимая часть брака и в эмиграции. Таким образом, во Франции воспроизводится заключение брака путем сватовства — наиболее распространенная форма на Северном Кавказе. Другая форма заключения брака, до сих пор распространенная на родине, — путем похищения невесты — в эмиграции нами не встречалась.

Разумеется, на свадьбах во Франции лишь отчасти воспроизводятся собственные народам Северного Кавказа брачные традиции. Для проведения свадеб, как правило, арендуется большой зал. Свадьбы для северокавказских мигрантов, особенно для чеченцев, одно из важных мероприятий их жизни во Франции, поэтому на них приглашается значительное количество гостей со всей Франции, а иногда и Европы — от 300 до 500 человек. Блюда для свадебного стола готовят сами горянки, и в этом главным образом и проявляются национальные традиции.

У чеченцев-мигрантов чаще бывают традиционные застолья, в том числе и свадьбы, в северокавказском духе. Они называют такие празднества «ловзар». Чеченцы, как рассказывали нам многие информаторы-северокавказки, лучше других народов Северного Кавказа сохраняют в эмиграции свои традиции. Другие мигранты редко посещают чеченские свадьбы.

У чеченцев и в эмиграции сохраняется традиция ввода невесты в дом (растилают бараньи шкуры, жених обращается к старшим из семьи невесты, просит его простить, что забирает невесту, жених и невеста убегают понарошку и т. д.). Во время всей свадьбы невеста вместе со своей подругой находятся в углу зала. Жениха на свадьбе нет.

На чеченских свадьбах и в эмиграции устраиваются отдельные столы для мужчин и женщин (у других северокавказских народов эта традиция в прошлом), за каждым столом — свой тамада (у других северокавказцев — один тамада для всех столов), сохраняется роль «танцевального тамады», который с помощью палочки выбирает тех, кто будет танцевать следующий танец.

Чеченки, объединяясь в несколько групп, готовят национальные блюда: жижиг-галнаш, плов, лепешки с творогом, сыром, мясом и др. Готовят также салат оливье, манты, сладкое угощение — халву, сладкий рис. Приготавливаются и весьма сложные блюда: курзе (своего рода равиоли), галушки (макаронные изделия, изготовленные вручную). Если свадьба большая и количество гостей значительно, то приглашаются чеченские артисты из Чечни или из другого города Европы (например, в Страсбурге есть известный ансамбль чеченских музыкантов) (АШ).

Похоронные традиции северокавказцев во Франции практически не имеют места, и нам не довелось их наблюдать, поскольку в настоящее время, если кто-то из северокавказцев умирает в эмиграции, родственники и представители всех северокавказских народов собирают средства на отправку тела на родину. Как правило, хоронят не в эмиграции, а на родине. Наши информаторы, проживающие во Франции более 10 лет, ни разу не были на мусульманских похоронах, в мечети, между тем не раз поддерживали традицию взаимопомощи, когда собирались средства для отправления тела на родину. Если все же похороны состоялись во Франции и проводятся поминки (а иногда бывает так, что человека хоронят на родине, а поминки проходят в эмиграции), то на них приходят все северокавказцы, независимо от этнической принадлежности: к адыгам приходят чеченцы и др. В эмиграции северокавказцы делают поминки на 40 дней, полгода, год), для чего кабардинки, например, готовят ритуальное блюдо — лакумы (кабард.). Их разносят в дома 7 семей — северокавказских мигрантов. Когда мусульманин ест такой лакум, то читает молитву за покойного (тхайту (чечен.)). Французам, даже соседям, лакумы не раздаются: они неправильно поймут и, разумеется, не смогут произнести молитву (ПЭМ).

Исламские ценности и женщина

Воспроизводство особенностей религиозной жизни, свойственной Северному Кавказу, во Франции сопровождается появлением новых тенденций: во-первых, некоторые этнические мусульмане переходят в разряд практикующих, а во-вторых, другая их часть еще реже обращается к исламу, чем это имело место на родине. Этот процесс во многом затронул и женщин-горянок. Считая себя этническими мусульманками, они, живя во Франции многие годы, вообще не посещают мечети. Основные исламские праздники соблюдают редко; далеко не каждый год на Курбан-байрам режут барашка и т. д. Это объясняется комплексом причин: во Франции трудно достать живого барана, резать его можно только в определенных местах, и наконец, и это главное, во Франции отсутствует «воздействие общества, общественное мнение». Многие женщины признавались, что на родине благодаря общественному мнению они, не задумываясь, точно соблюдали бы исламские традиции и обязательно бы резали барашка, поскольку «там так делают все. Если какая-либо семья этого не сделает, окружающие ее осудят. На Северном Кавказе все должны все делать одинаково». Во Франции, по сути, отсутствует «северокавказское общественное мнение», нет исламского влияния северокавказского общества на жизнь отдельной семьи мигранта — в этой стране он может не резать барашка и «никто ему ничего не скажет». Такие мигрантки достаточно доброжелательно относятся к религиям Франции, сами могут зайти в костел и поставить там свечку, когда в их семье решается что-то важное. Например, в одной адыгской семье девочка-подросток прочла Библию и Коран и ей больше понравилась Библия, после чего она со своими друзьями-французами сходила на праздничную мессу в католической костел. Родители детей, родившихся и выросших во Франции в семьях этнических мусульман, как правило, рассказывают им о северокавказских традициях и о религии предков. Но для них, особенно для девочек, непонятным остается положение исламской женщины в семье и обществе на Северном Кавказе:

им кажется, что женщина в исламе не имеет свободы. Тогда как для девушек, выросших в европейской стране, ближе свобода в ее западном понимании (ПЭМ).

Во Франции часть северокавказских мусульман (и не только чеченцев) стремятся из этнических мусульман «перелиться» в настоящее мусульманское общество. Цели данного стремления могут быть самыми различными. Опишем судьбу одной балкарской семьи, переехавшей во Францию около 15 лет назад вместе с детьми. Старшее поколение этой семьи — в возрасте 35—40 лет. Женщина-балкарка у себя на Родине принадлежала к категории этнических мусульман, однако во Франции она стала практикующей мусульманкой. Причиной изменения отношения к исламу стало желание приобрести среду, общество. Балкарцев во Франции крайне мало, по сути, балкарской среды в этой стране нет. Не имея балкарской среды во Франции, она активно стала стремиться в мусульманскую. Иногда процесс перехода из этнических мусульман в практикующие бывает быстрым: женщины приезжают в эмиграцию и, еще живя в общежитии для эмигрантов и ожидая разрешающих прожить во Франции документов (а иногда для этого требуются годы), начинают, по выражению самих северокавказцев, «кутаться». Среди чеченок-эмигранток есть и такие, которые, являясь мусульманками, долгие годы в Париже ходили без платков. Например, чеченка Ж., хорошо адаптированная к французской жизни и создавшая свою фирму по производству сувениров, будучи мусульманкой, не один год появлялась в общественных местах без платка на голове. Несколько лет назад она вышла замуж за чеченца-эмигранта (из Нидерландов). Пара совершила исламский обряд венчания — неках. Ж. по просьбе мужа начала носить платок. Чеченка М., уже живя в Париже, долгое время ходила в коротких юбках, без платка, употребляла вино. Однако впоследствии она изменила свой внешний вид и поведение согласно нормам ислама: перестала пить вино, стала носить длинные юбки.

Внешний вид северокавказских эмигранток не связан жестко с их исламской ориентацией. Например, на танцевальных вечерах, которые чеченская молодежь часто устраивает в общежитиях, с точки зрения исламских догматов одежда молодых чеченок достаточно открытая (ПЭМ; АШ).

Заключение

Итак, рассмотрев особенности механизма адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции, мы пришли к заключению, что в эмиграции постепенно меняется традиционный статус женщин-горянок в семье и обществе. В ходе адаптивного процесса статус женщин повышается: они становятся самостоятельнее, оказываются более гибкими и мобильными, легче приспосабливаются к новым условиям жизни. В то же время «вовлечение» горянок через мужей или братьев в ислам во многом отдаляет их от европейского пространства: они чаще, чем это имеет место на родине, ограничивают свою жизнь рамками семейного быта.

Библиографический список

- Бабич И. Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: [б. и.], 1995. 129 с.
- Бабич И. Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 67—121.
- Farcy F. Le crime organisé tchétchène, nouvelle menace pour l'Europe. 2006. URL: <http://www.drmcc.org/spip.php?article196> (дата обращения: 12.06.2016).
- Szczepanikova A. Chechen refugees in Europe: how three generations of women settle in exile // *Chechnya at War and Beyond*. Routledge / ed. by A. le Huérou, A. Merlin, A. Regamey, E. Sieca-Kozłowski. London: Routledge, 2014. P. 256—273.
- Szczepanikova A. Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence // *Nationalities Papers: the Journal Nationalism and Ethnicity*. 2015. Vol. 32. P. 753—770.
- Vinatier L. Tchétchènes: une diaspora en guerre. Paris: Pétra, 2013. 292 p.

References

- Babich, I. L. (1995) *Narodnye traditsii v obshchestvennom bytu kabardintsev* [Folk traditions in the social life of kabardians], Moscow.
- Babich, I. L. (2003) *Sovremennoe islamskoe dvizhenie v Kabardino-Balkarii* [Modern Islamic movement in Kabardino-Balkaria], in: *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Kavardino-Balkarii*, Moscow: Institut étnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 67—121.
- Farcy, F. (2006) *Le crime organisé tchétchène, nouvelle menace pour l'Europe*, available from <http://www.drmcc.org/spip.php?article196> (accessed 12.06.2016).
- Szczepanikova, A. (2014) Chechen refugees in Europe: how three generations of women settle in exile, in: le Huérou, A., Merlin, A., Regamey, A., Sieca-Kozłowski, E. (eds), *Chechnya at War and Beyond*, London: Routledge, pp. 256—273.
- Szczepanikova, A. (2015) Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence, *Nationalities Papers: The Journal Nationalism and Ethnicity*, vol. 32, pp. 753—770.
- Vinatier, L. (2013) *Tchétchènes: une diaspora en guerre*, Paris: Pétra.

Статья поступила 05.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Бабич Ирина Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 60—69
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.6

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 60—69
ББК 63.3(2)522-414.13
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.6

ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ НАРОДНИКА И. Н. ХАРЛАМОВА (По материалам очерка «Женщина в русской семье»)

С. С. Харитонов^{a, b}

^a Педагогический институт, Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

^b Камешковский районный историко-краеведческий музей,
г. Камешково, Владимирская область, Россия, ss.haritonov@mail.ru

Рассматриваются взгляды народника И. Н. Харламова по гендерному вопросу на основании его очерка «Женщина в русской семье», методологические принципы подхода писателя-публициста к проблеме. Исследуются выделенные И. Н. Харламовым «традиционный» и «культурный» типы общественного устройства, определяющие формы брака, взаимоотношения супругов, формирование стереотипов женских ролей в семье. Анализируются такие факторы влияния, как правовые нормы, христианская мораль, общинный уклад. Дается оценка положения женщин в крестьянских и «культурных» семьях второй половины XIX в. с позиции проблемы их гражданских прав.

Ключевые слова: народник, гендер, семейные отношения, женский тип, крестьянство, гражданские права.

© Харитонов С. С., 2017

Публикация подготовлена в рамках государственного задания Владимирскому государственному университету № 927/14 на выполнение работ в сфере научной деятельности.

THE GENDER ISSUE IN THE SYSTEM OF VIEWS
OF NARODNIK I. N. KHARLAMOV
(Based on the materials of the essay
“Woman in the Russian family”)

S. S. Kharitonov^{a, b}

^a Teacher Training Institute, Stoletovs Vladimir State University,
Vladimir, Russian Federation

^b Kameshkovsky District Local History Museum, Kameshkovo,
Vladimir region, Russian Federation, ss.haritonov@mail.ru

The views of the populist/narodnik I. N. Kharlamov (1854—1887) on gender issues, presented in his essay “Woman in the Russian family” (1880), are discussed in the paper. The methodological foundations of I. N. Kharlamov’s approach to the designated problem are analyzed. Gender issue is disclosed through the confrontation of two types of social order: “traditional” and “cultural”, characterized by the difference of the relationship to power. The main factors, influencing the formation of “traditional” and “cultural” types, such as legal norms, Christian morality, communal way of life are dealt with. These types, according to I. N. Kharlamov, determined the forms of marriage, property rights of spouses, had a direct impact on family relationships and the role of woman in the family. The problem of existence of large patrimonial families are discussed. The stereotypes of feminine behavior, defined by “traditional” and “cultural” types are analyzed. Assessment of the status of women in peasant and “cultural” families in the historical realities of the second half of the XIX c. from the point of their civil rights problems are given.

Key words: narodnik, gender, family relationships, types of women, peasantry, civil rights.

Постановка «женского вопроса» в пореформенный период в России была обусловлена происходившим процессом широкой социальной эмансипации, связанным с отменой крепостного права, оживлением общественной жизни, экономическим развитием страны по капиталистическому пути. Значительный вклад в разработку этого вопроса внесли исследования представителей либерального направления общественно-политической мысли, отстаивавших идею предоставления женщинам больших прав и свобод. В дискуссию включились этнографы, историки, юристы, публицисты, общественные деятели. По замечанию современной исследовательницы М. Г. Муравьевой, идея женской эмансипации для либерально настроенных мыслителей превратилась в символ «общественной эмансипации от самодержавного режима, в символ обретения свободы каждой личностью» [Муравьева, 2012: 53]. Свою роль в разработке «женского вопроса» сыграл и очерк владимирского писателя-публициста народнического направления Ивана Николаевича Харламова (1854—1887) «Женщина в русской семье».

Этот очерк (с подзаголовком «Опыт по обычному праву») был опубликован в журнале «Русское богатство» в 1880 г. [Харламов, 1880а, 1880б]. Работа посвящена анализу двух типов семейного устройства — «традиционного» (сельского) и «культурного» (городского). Тот или иной тип определяет, как полагал

народник, соответствующее положение и роль женщины в семье. Актуальность исследования гендерного фактора в начале 1880-х гг. Харламов связывал с необходимостью перехода от общей постановки «женского вопроса» к рассмотрению его в более узких плоскостях [Харламов, 1880с: 4]. В соответствии с этим положение женщины в семьях двух видов могло служить «прекрасным показателем различия их строя, различия ясно выражающегося даже в разнице женских типов, созданных той и другой средой» [Харламов, 1880а: 61]. Задачи, которые ставил перед собой создатель очерка, заключались в том, чтобы проследить взаимное влияние семьи и общины, выяснить отличия данных типов семей, а также показать влияние одного типа на другой [там же]. Рассмотрение указанных вопросов могло бы, по его мнению, способствовать исследованию проблем гражданского и семейного права, а положение женщины поможет выявить сущность различных общественных отношений. Несмотря на то что ссылки на очерк Харламова можно встретить в работах некоторых советских, а также современных исследователей (см., напр.: [Козьмин, 1961; Лаухина, 2012; Муравьева, 2012; Мухина, 2014; Омельянчук, 2010]), до настоящего времени он не стал предметом отдельного изучения.

Исторические рамки работы весьма широки: от догосударственного периода до последней четверти XIX в. В очерке Харламов опирается на источники, опубликованные в «Актах юридических», «Актах западной России» и др.; ссылается на труды как отечественных, так и зарубежных авторов, а также различные исторические, юридические, этнографические, региональные издания. Среди цитируемых исследователей стоит назвать Дж. Леббока, Г. Спенсера, Э. де Лавеле, С. М. Соловьёва, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова, Ф. И. Буслая, К. А. Неволина, С. В. Пахмана, Е. И. Якушкина, А. П. Шапова, А. Я. Ефименко.

Пониманию сущности гендерного вопроса в системе взглядов Харламова способствует анализ методологической базы его работы. В основу семейного устройства народник ставит экономический фактор. Подобная формула заимствована им у К. Маркса. Ссылаясь на него, Харламов утверждает, что «каждой форме экономических отношений соответствуют свои особые формы политических учреждений и юридических институтов» [Харламов, 1880а: 61]. Стремление исследовать традиционные семьи «в связи со всем общинным бытом и, по возможности, в историческом их развитии» [там же: 62] может свидетельствовать о применении Харламовым методов историзма и прогрессивизма (также свойственных марксистскому подходу [Пушкарева, 2002: 2]). Кроме того, внимание, уделяемое вопросам эволюционного общественно-исторического развития, закономерностям общественных отношений, наводит на мысль о близости взглядов народника кругу И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и Я. В. Абрамова — сторонников эволюционного пути развития общества [Головкин, 2014: 200]. При создании своей схемы народник также прибегнул к методу моделирования, поскольку полагал необходимым «восстановлять и концентрировать черты определенного типа в одно живое целое, доказывать, что произвела тип именно та, а не иная обстановка без всяких прямых средств для доказательств» [Харламов, 1880а: 80].

«Решительно невозможно, — писал Харламов, — органическое происхождение двух столь разнородных по духу и по целям общественных организаций, как общинный и военный строй. В первом все основано на принципах равенства,

на признании равного права на жизнь и счастье за сильным и слабым, на уважении к праву труда, на отрицании права силы, во втором — развивается право силы в самом широком объеме во всех отношениях личности к обществу и обратно» [Харламов, 1880b: 86]. Противопоставление общинной и городской систем отношений может свидетельствовать о сходстве с идеей Г. Спенсера о разделении обществ на промышленные и военные, соответствующие в современной терминологии авторитарному и демократическому режимам [Коломийцев, 2004: 41].

По своим взглядам на предмет русской истории народник во многом следовал идеям историков демократического направления, таких как Н. И. Костомаров и А. П. Щапов, разделяя их интерес к изучению роли народных масс, популярной в XIX в. идее борьбы двух начал — «централизма и народоправства». В связи с этим в очерке Харламов выступил с критикой теории родового быта и прогрессивной роли государства, отстаиваемой представителями государственной школы С. М. Соловьёвым, К. Д. Кавелиным, И. Е. Забелиным. «Я вовсе не отрицаю родового быта у славян, — поясняет народник, — но мне кажется, что власть старшего в роде, власть главы деспотическая, ничем не ограниченная не представляет характерной, общей черты родового быта» [Харламов, 1880a: 73]. Он считает, что распадение рода и образование сельских общин создают предпосылки оформления принципов равноправия и свободы личности.

Рассматривая исторический процесс становления двух типов семейного устройства, исследователь акцентирует внимание на первоначальном периоде истории, в частности на проблеме формирования властных отношений в обществе. Харламов утверждал, что образование власти — «факт громадной важности в развитии общества», неизбежным следствием которого является «распадение общества на части с противоположными интересами и с разницей в силах каждой части» [Харламов, 1880b: 87]. Закономерно, что изменение традиционных семейных отношений, развитие семейной власти начинается, по мнению народника, прежде всего в семье дружинника — «лучшего человека», располагающего силой и властью и в то же время испытывающего на себе силу и власть князя, господина. Здесь явно прослеживается выдвигаемая автором аналогия процессов образования общественной и семейной власти.

В рамках обрисованной схемы можно рассматривать изучаемые Харламовым исторические формы брака: договорный брак и брак через захват. Договорный брак Харламов характеризует как основанный на взаимном согласии родителей и детей. Важную роль здесь играло приданое невесты, при наличии которого этот брак, по мнению исследователя, не только «обеспечивает... права женщины в семье мужа», но и вносит равенство в отношения между супругами. Выдвигая тезис о распространенности договорной формы брака в догосударственный период на Руси, Харламов приходит к заключению о том, что у славян в рассматриваемую эпоху «уже имело место значительное развитие личности, ее требований и завоеванных ею прав». Следствием данного процесса, по мнению народника, явилось признание того, что личность женщины и личность мужчины «равны во всех отношениях первобытной жизни» [Харламов, 1880a: 72]. В случае же захватного брака, полагает Харламов, «на жену давит всей силой деспотизм мужа, она становится вещью, которой муж может распоряжаться по своему желанию» [там же: 69].

В области правовых основ семейных отношений Харламов отмечает столкновение норм обычного и греко-римского права. Подчеркивается закономерность развития правовых основ традиционной семьи, базирующихся на нормах обычного права. Правовую основу устройства культурной семьи составили нормы, воспринятые из греко-римского права. Харламов утверждал, что, поскольку «закон исходил от меньшинства и имел целью охранять его привилегии, приобретенные путем насилия», соответствующим образом строились правовые нормы законодателями-мужчинами и в отношении женщин [Харламов, 1880b: 90]. Органическое происхождение норм обычного права и искусственность, произвольность формальных правовых норм подчеркивает и современница Харламова исследовательница гендерных проблем А. Я. Ефименко [Ефименко, 1884: 1]. Констатируя противоречия между нормами обычного и греко-римского права, Харламов приходит к заключению, что права женщины по обычаю — «не сладкая мечта, а факт» [Харламов, 1880a: 101]. Вместе с тем народник отдавал себе отчет в том, что основная правовая задача пореформенного периода — «согласить обычай и закон, в чем давно явилась потребность» [Харламов, 1881: 2]. Таким образом, в очерке Харламова затронута актуальная проблема противоречия общественного правосознания, мыслящего в категориях обычного права, формальному праву.

Фактором, наложившим существенный отпечаток на формирование нравственных основ семейных отношений и положение женщины, явился институт христианской церкви, воспринятый Русью от Византийской империи. Харламов представляет институт церкви как часть общественно-государственного организма, которая в ходе исторического развития перешла из ведения гражданского общества под контроль государства. Поэтому семейные отношения, основанные на принципе господства/подчинения, византизм «освящал... своим авторитетом... давал теоретическую подкладку и возводил в требование высшей нравственности подчиненность женщины, от имени Христа — проповедника равенства — потворствовал инстинктам грубой силы» [Харламов, 1880b: 91—92]. Здесь прослеживается явная аналогия с проблемой утраты гражданских свобод.

Кроме того, в традиционных крестьянских семьях определяющую роль играла сельская община. Община, по мнению Харламова, «вовсе не представляет только земельную организацию; она проникает весь склад крестьянской жизни во всех ее экономических и нравственно-юридических проявлениях» [Харламов, 1880a: 59]. В рамках общинного устройства брак рассматривался как гражданский договор, основанный «на взаимном доверии и любви и утвержденный в присутствии общины как коллективного свидетеля при заключении договора» [Харламов, 1880b: 77]. Учитывая сказанное, закономерным представляется мнение народника о необходимости введения гражданской регистрации браков [Харламов, 1883].

Отношения супругов в традиционной семье Харламов рисует как основанные на принципе равенства: «...жена — товарищ мужа в хозяйстве, помощница и советница, к которой муж относится как к равной себе личности, обладающей такой же суммой прав» [Харламов, 1880b: 76]. Это равноправие женщина завоевывает трудом, а община поддерживает подобное положение, «постоянно охраняя права женщины от покушений на них мужа, относясь

к женщине, опять-таки, как к совершенно равной личности» [там же: 76]. На справедливость взаимосвязи женского крестьянского труда и прав женщины внутри семьи, подчеркиваемой Харламовым, указывает отечественная исследовательница Г. В. Лаухина [Лаухина, 2012: 5]. В вопросе о положении женщины в допетровской Руси Харламов расходился во мнениях с А. П. Щаповым, считавшим, что личность женщины, как «богообреченной рабы мужа, и в нравственно-юридическом отношении была несамостоятельной, бесправной, и подчинена была юридической гегемонии мужчины» [Щапов, 1906: 11]. Это расхождение отмечает в своей работе М. Г. Муравьева [Муравьева, 2012: 54]. Стоит также упомянуть о дискуссионности вопроса женского статуса в крестьянской семье как среди исследователей XIX в., так и в современной историографии [там же: 54—55; Лаухина, 2012: 7].

Описывая характер отношений в традиционной семье, Харламов касается проблемы существования больших родовых семей, сохранявшихся во второй половине XIX в. С развитием личности, расширением ее «умственно-нравственного горизонта» естественным становился процесс сокращения численного состава семьи, дробление больших семей на малые. Искусственная задержка данного процесса оказывала, по мнению Харламова, негативное влияние на крестьянские семьи, способствовала проявлению семейного деспотизма. Неизбежным протестом против этого являлись семейные разделы, поддержанные общиной и составившие «хороший противовес против деморализующих влияний» [Харламов, 1880b: 85]. При этом крепостное население и жители городов были в той или иной степени лишены подобной поддержки со стороны общины. Именно малая семья, по мнению исследователя, имела перспективы на существование. В этом отношении взгляды Харламова были близки позиции А. Я. Ефименко, считавшей, что «малой семье принадлежит будущее» [Ефименко, 1884: 67]. Значительной ролью общины объясняется, с точки зрения народника, доступность разводов в семьях общинников. Важно отметить, что практику разводов в традиционных семьях он рассматривал не как проявление непрочности брачных уз, а как свидетельство реализации гражданских прав супругов — «полной возможности и свободы развития» [Харламов, 1880b: 108].

Семейные отношения, отношения к собственности в семье «культурного» человека (речь идет прежде всего о привилегированных и зажиточных слоях общества) формировались по принципу господства/подчинения, противопоставляемому Харламовым принципу трудового равенства супругов. Характерно, что жена в подобной семье, рабски подчиняясь мужу-деспоту, «распоряжалась с полнотой власти чадами и домочадцами». Тем самым силовая авторитарная модель поведения, воспринятая главой семьи в социуме, транслировалась всем остальным домочадцам.

Как отражение общественной структуры и закономерный продукт двух описанных моделей семейных отношений Харламов рисует соответствующие женские социальные стереотипы. Один из них, сложившийся на почве общинно-семейных отношений, Харламов именуется типом «бой-бабы», второй, развившийся под влиянием «прогресса», византизма, татарского ига и крепостного права, «которое мы знаем в виде кабалы» (отметим, что все перечисленное Харламов ставит на одну планку), — «культурным» типом.

«Бой-баба» — тип, который, по мнению Харламова, «наиболее цельно выработался в чистых условиях» народного быта. Основными чертами ее характера исследователь называет практическую сметливость, развитую семейными заботами, серьезное, деловое отношение к жизни, а также смелость и прямоту в общении с окружающими. Женщина этого типа «не колеблясь, выполнит принятое решение, как бы оно ни было трудно, не побоится тех людей, к которым другие подходят творя мысленно крестное знамение и поминая “царя Давида и всю кротость его”» [Харламов, 1880a: 80—81].

«Бой-бабу» Харламов характеризует как тип активного действия, борьбы и сопротивления, неготовый мириться с угнетающими условиями действительности: попадая в зажиточные семьи кулаков, купцов и прочих, «считающих за бесчестье пускать своих жен на работу в поле и желающих устроить их “на барском положении”», подобные женщины стараются работать «хоть тайком». Если же такая возможность не предоставляется, то женщине грозит «принижение личности, порча типа в его нравственной основе» [там же]. Мотивом борьбы, по мнению Харламова, является стремление личности к самосохранению и развитию. В связи с этим залогом сохранения данного типа должно было стать признание за женщиной прав, равных с правами мужчин. Закономерно, что такая женщина, «в силу резко очерченной индивидуальности», выступает за разрушение больших родовых семей и формирование малых, нуклеарных. Как уже отмечалось выше, поддержку в этом ей могла оказать сельская община. Таким образом, перед нами портрет, сочетающий в себе черты традиционного уклада жизни и личностной эмансипации. По замечанию Харламова, в отечественной беллетристике тип «бой-бабы» наиболее ярко выразился в девушках или вдовах, т. е. наименее социально защищенных представительницах общества, оказавшихся в кризисных жизненных ситуациях. Исследователь в своем очерке приводит примеры проявлений обрисованного им женского типа в мифах, былинах, народных песнях, свадебных обрядах, а также среди исторических персонажей.

Противоположностью «бой-бабе» является женщина «культурного» типа. Девушки, воспитанные в обстановке «теремного замка», не имели личной свободы до брака. Вполне закономерным было и отсутствие их согласия на вступление в брак. Поскольку брачными узами сочетались люди, совершенно незнакомые и чуждые друг другу, то и замужество, по мнению Харламова, не давало освобождения личности женщины: родительский деспотизм сменялся супружеским. Харламов видел в этом влияние «татарских обычаев XIII—XIV веков», когда начала развиваться «гаремная замкнутость женщины особенно высших классов» [Харламов, 1880b: 95]. Рассматривая имущественные права замужней женщины в историческом процессе, народник констатирует тенденцию к их ограничению, приводящую в итоге к утрате женщиной социальной независимости: приданое постепенно переходит в собственность мужа, жена теряет необходимость трудиться, потому что эту функцию выполняет многочисленная дворня, в случае смерти мужа, при условии наличия у него родственников, женщина лишается и права наследования.

Процесс утраты имущественной и социальной независимости сопровождается нравственной деградацией женщины: под воздействием плети и палки, «векской указки чужой силы и чужой воли», «бой-баба» превращается в «жалкую

женщину-самку» [там же: 103—104]. Против деспотизма мужа жена могла выставить свою умственную силу, хитрость, которую она развила в противовес физической силе «для более удобной борьбы за свободу своей личности» [там же: 89]. Проявлением этой борьбы «исподтишка, с помощью хитрости и коварства», по мнению исследователя, могло быть увлечение знахарством, ведовством, кроме того, вследствие семейного деспотизма и гаремных порядков стала нормой супружеская измена. Со второй половины XVII в. начинается легальная борьба женщины за имущественные права (прежде всего за право владения приданым). Таким образом, рисуемая народником картина брака, принятого в привилегированных сословиях, приводила к фрустрации у женщин базовых социальных потребностей: в любви, свободе, уважении к личности.

Мир женщины привилегированных слоев в реалиях пореформенной России Харламов, вслед за Н. А. Добролюбовым, именует «темным царством», которому свойствен фальшивый блеск: жизнь женщины определяется жадной насладений, презрением к физическому и умственному труду, идеей, что ее назначение — «нравиться мужчине за определенное годовое содержание — все равно в качестве ли жены или любовницы» [там же: 106—107]. Пути разрешения «женского вопроса» Харламов видит в «нравственном и умственном развитии личности», устройстве семьи на началах труда и равенства. Речь здесь идет не только о зажиточных сословиях, но и о представителях интеллигенции. Залог же сохранения традиционного женского типа — в поддержании общинных устоев.

Исходя из сказанного вполне можно было бы упрекнуть народника Харламова в излишнем схематизме и упрощенном взгляде на исторические процессы и социальные отношения. Упрек отчасти следовало бы признать справедливым, однако при этом стоит учитывать полемический характер очерка, обусловленный своего рода утилитарным отношением исследователя к беллетристическим и научно-публицистическим работам. Подобные произведения, на наш взгляд, нельзя оценивать исключительно с научной точки зрения. Очерк был рассчитан на широкую читательскую аудиторию, автор преследовал преимущественно социальные цели, а гендерный вопрос рассматривался им как один из аспектов борьбы за расширение гражданских прав. Вместе с этим народник, как уже говорилось выше, опирался на достаточно широкую источниковую базу, затрагивал обширный круг злободневных общественных проблем пореформенного периода, высказывая порой нестандартные взгляды на их решение. На основании этого можно утверждать, что почти забытые в наше время имя и труды народника Харламова могут представлять интерес для современных исследователей.

Библиографический список

- Головки В. М. Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова // История и историография правого народничества: сборник статей / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж: Истоки, 2014. С. 199—216.
- Ефименко А. Я. Исследования народной жизни / изд. В. И. Касперова. М.: Рус. типолитография, 1884. Вып. 1: Обычное право. 398 с.

- Козьмин Б. П. «Русское богатство» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 404—450.
- Коломийцев В. Ф. Социология Герберта Спенсера // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 37—44.
- Лаухина Г. В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е гг. XIX в. — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012. 23 с.
- Муравьева М. Г. Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII века // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI—XXI вв.): коллективная монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 52—104.
- Мухина З. З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье XIX — начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 39 с.
- Омельяничук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков: учебное пособие. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2010. 118 с.
- Пушкарева Н. Л. «Женский» вопрос в теории марксизма: (почему брак марксизма с феミニзмом оказался несчастлив?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 3—12.
- Харламов И. Н. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880а. № 3. С. 59—107.
- Харламов И. Н. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880б. № 4. С. 57—112.
- Харламов И. Н. Заметка о женских врачебных курсах: (письмо в редакцию) // Страна. 1880с. № 85. С. 4—5.
- Харламов И. Н. Столкновение закона и обычая // Страна. 1881. № 66. С. 1—2.
- Харламов И. Н. Веротерпимость и брак // Русский курьер. 1883. № 126. С. 1—2.
- Щапов А. П. Положение женщины в России по допетровскому воззрению // Сочинения. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 105—153.

References

- Efimenko, A. Ia. (1884) *Issledovaniia narodnoĭ zhizni* [Study of folk life], iss. 1, Moscow: Russkaia tipolitografiia.
- Golovko, V. M. (2014) Sotsial'no-filosofskie idei èvoliutsionnogo razvitiia v teoreticheskom nasledii Ia. V. Abramova [Socio-philosophical ideas of evolutionary development in the theoretical heritage of Ya. V. Abramov], in: *Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichenstva*: Sbornik stateĭ, Voronezh: Istoki, pp. 119—216.
- Kharlamov, I. N. (1880a) Zhenshchina v russkoĭ sem'e [Woman in Russian family], *Russkoe bogatstvo*, no. 3, pp. 59—107.
- Kharlamov, I. N. (1880b) Zhenshchina v russkoĭ sem'e [Woman in Russian family], *Russkoe bogatstvo*, no. 4, pp. 57—112.
- Kharlamov, I. N. (1880c) Zаметка o zhenskikh vrachebnykh kursakh: (Pis'mo v redaktsiiu) [A note about the women's medical courses: (Letter to the editorial office)], *Strana*, no. 85, pp. 4—5.
- Kharlamov, I. N. (1881) Stolknovenie zakona i obychaia [The clash of law and custom], *Strana*, no. 66, pp. 1—2.
- Kharlamov, I. N. (1883) Veroterpimost' i brak [Religious tolerance and marriage], *Russkii kur'er*, no. 126, pp. 1—2.
- Kolomiitsev, V. F. (2004) Sotsiologiia Gerberta Spensera [Sociology of Herbert Spencer], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 37—44.
- Koz'min, B. P. (1961) "Russkoe bogatstvo" ["Russian wealth"], in: Koz'min, B. P. *Iz istorii revoliutsionnoĭ mysli v Rossii*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 404—450.

- Laukhina, G. V. (2012) *Zhenskii trud v krest'ianskom khoziaistve Tsentral'nogo Chernozem'ia (60-e gg. XIX v. — nachalo XX v.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Women's labor in peasant agriculture of the Central Chernozem region (the 60-s of the XIX c. — beginning of XX c.): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Tambov.
- Mukhina, Z. Z. (2014) *Transformatsiia statusa zhenshchiny v russkoi krest'ianskoi sem'e XIX — nachala XX veka*: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The transformation of women's status in the Russian peasant family of the XIX — beginning of XX century: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Moscow.
- Murav'eva, M. G. (2012) *Povsednevnye praktiki nasiliia: supruzheskoe nasilie v russkikh sem'iakh XVIII veka* [Everyday practices of violence: marital violence in Russian families of the XVIII century], in: *Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (XI—XXI vv.)*: Kollektivnaia monografiia, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 52—104.
- Omel'ianchuk, S. V. (2010) *Brak i sem'ia v Drevnei Rusi IX — XIII vekov*: Uchebnoe posobie [Marriage and family in Ancient Russia IX—XIII centuries: Tutorial], Vladimir: Izdatel'stvo Vladimirskego gosudarsvennogo universiteta.
- Pushkareva, N. L. (2002) “Zhenskii” vopros v teorii marksizma: (Pochemu brak marksizma s feminizmom okazalsia neschastlivym?) [The “female” question in the theory of Marxism: (Why is the marriage of Marxism with feminism was unhappy?)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—12.
- Shchapov, A. P. (1906) *Polozhenie zhenshchiny v Rossii po dopetrovskomu vozzreniiu* [The position of woman in Russia, according to the pre-Petrine view], in: *Sochineniia*, vol. 2, St. Petersburg: Izdatel'stvo M. V. Pirozhkova, pp. 105—153.

Статья поступила 07.12.2016 г.

Информация об авторе / Information about the author

Харитонов Сергей Сергеевич — аспирант кафедры истории России, Педагогический институт, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир; научный сотрудник Камешковского районного историко-краеведческого музея, г. Камешково, Владимирская область, Россия, ss.haritonov@mail.ru (Post-graduate student at the Department of History of Russia, Teacher Training Institute, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir; Research Fellow of Kameshkovsky District Local History Museum, Kameshkovo, Vladimir region, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 70—77
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.7

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 70—77
ББК 63.3(2)521-69-75
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.7

**РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СРЕДЕ ГОРЦЕВ В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ
(В контексте реформ Шамиля)**

О. С. Мутиева

Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru

Исследуется общая направленность некоторых мер имама Шамиля по регулированию семейно-брачных отношений в среде горцев в условиях Кавказской войны. Анализ источников по данной теме свидетельствует, что законотворческая деятельность имама была обусловлена рядом обстоятельств патриархального и военного быта горцев. Отмечается, что Шамиль, вводя низамы жизнедеятельности, редактировал многие положения шариата и исходил из конкретной ситуации в Имамате.

Важное место в реформах Шамиля занимали вопросы, касающиеся положения женщины-горянки. Делается вывод о том, что под влиянием этих реформ ее положение укрепилось как в семье, так и в обществе. Все рассматриваемые вопросы освещаются с привлечением литературных и архивных материалов.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, Имамат, семейно-брачные отношения, женщина-горянка, низам, шариат, адат, калым.

**REGULATION OF THE FAMILY RELATIONS
AMONG THE MOUNTAINEERS IN THE CONDITIONS
OF THE CAUCASIAN WAR
(In the context of Shamil's reforms)**

O. S. Mutieva

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russian Federation, mutiewa.oksana@yandex.ru

The article examines the general direction of some of Imam Shamil's measures in the regulation of the family relations among mountaineers under the Caucasian War conditions. The analysis of the sources on the topic shows that the legislative activity of the Imam was due to several circumstances peculiar to the patriarchal and military life of the highlanders. The author notes that Shamil, introducing the nizams of life, edited many of the provisions of Sharia, and proceeded from the specific situation in the Imamate.

An important place in Shamil's reforms was devoted to the questions regarding the situation of women living high in the mountains (*goryanka*). It is concluded that under the influence of Shamil's reforms the situation of women improved, both in the family and in society. The author analyzes these issues making use of literary and archival materials.

Key words: The Caucasian War, Imam Shamil, Imamate, family relations, woman mountaineer, Nizam, Sharia, adat, dowry.

Присоединение Дагестана к России и начавшаяся вскоре Кавказская война оказали непреодолимое воздействие на народы Кавказа, подвергнув существенной деформации функционирующую веками традиционную систему общества.

Одним из ярких периодов Кавказской войны является период Имамата Шамиля (исламское государство, 30—50-е гг. XIX в.), который внес ряд специфических черт в уклад жизни народов Северного Кавказа.

В историографии различные аспекты, связанные с реформами Шамиля, нашли отражение в трудах дореволюционных историков, публицистов, военных (см., напр.: [Романовский, 1860; Комаров, 1868; Семёнов, 1895; Руновский, 1989]). По словам Д. И. Романовского, имаму Шамилю, который «соединил в себе редкие дарования воина и администратора», пришлось внедрять в жизнь новые порядки, меняя веками существующие законы и традиции [Романовский, 1860: 334]. Безусловно, не все нововведения Шамиля были по душе народу, привыкшему веками жить согласно обычаям своих предков. Как справедливо отмечает дагестанский историк Х.-М. О. Хашаев, «Шамилю приходилось вести войну на два фронта — против царских войск и против жителей многих селений, которые отказывались подчиняться ему» [Хашаев, 1987: 87].

Попытки вытеснить адаты (обычай) с целью расширения сферы применения мусульманского законодательства встречали как непонимание, так и открытое сопротивление горцев, в связи с чем Шамиль вынужден был редактировать многие положения шариата и ввести собственные низамы (постановления). Они регламентировали всю административную, хозяйственную, военную и быденную

жизнь горцев Имамата, в том числе и брачно-семейные отношения. В низамах Шамиля нашли законодательное закрепление правовые нормы, так или иначе затрагивавшие статус женщины: о размере калыма, брачном возрасте, похищении девушек с целью женитьбы, многоженстве, бракоразводных делах, наследовании и пр. Следует отметить, что низамы Шамиля, основанные на адате и шариате (мусульманское право), действовали параллельно с имперским правом, закрепленным в Уставе об управлении инородцами 1822 г., а в последующем подтвержденным в Своде законов Российской империи. В царствование Николая I имело силу Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.).

Интересны в законодательской деятельности Шамиля установки, касающиеся похищения девушек. Учитывая, что в традиционном горском обществе умыкание девушек было делом вполне привычным и народ усматривал в этом древний обычай, муллам под страхом строгих наказаний запрещалось оформлять брак между похитителем и похищенной девушкой. Эти установки распространялись на случаи не только насильственного похищения девушки, но и побега молодых из дома по обоюдному согласию. Как свидетельствуют письменные источники, при невыполнении данных установок мулла ожидала неминуемая кара, как минимум, они могли рассчитывать на тюремное заключение [100 писем Шамиля, 1997: 78]. Следует сказать, что такая практика была характерна в целом для Северного Кавказа и применялась вплоть до революции 1917 г. Так, например, материалы архива, представленные кабардинским исследователем А. Х. Абазовым, свидетельствуют, что в 90-х гг. XIX в. за незаконное оформление браков «представителей мусульманского духовенства подвергали штрафам в размере 200 руб. и высылке из общества сроком на 3 года» [Абазов, 2014: 7].

Основным же наказанием за похищение девушек было изгнание виновного (если произошло насильственное похищение) или виновных (если произошло похищение по обоюдному согласию) из села в качестве канлы (кровник), а также штраф, размер которого зависел от желания обиженной стороны. Как видим, здесь по-прежнему соблюдались нормы адата, а не законы шариата, которые применялись при решении дел, касающихся семейных отношений, завещаний и наследства.

Надо отметить, что и в имперском законе были существенно упорядочены и дополнены нормы, связанные с преступлениями против семьи (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в новой редакции от 1885 г.). В частности, в разделе XI «О преступлениях против прав семейственных» (глава «О противозаконном вступлении в брак») были сгруппированы преступления, касающиеся принуждения к вступлению в брак. В отдельных статьях указывались различные противозаконные способы вступления в брак. В частности, в ст. 2040 говорилось, что кража невесты является преступлением против брака, поэтому споры, связанные с «похищением девушек для вступления в брак», не могут быть урегулированы примирением сторон (см.: [Таганцев, 2012: 352, 353]).

Важное место в реформаторской деятельности Шамиля отводилось вопросам, затрагивающим размер калыма. Это было обусловлено тем, что в Имамате остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин — калыма. Нередки были случаи, когда по данной причине люди до преклонных лет не могли создать семью, что и приводило к похищению девушек и, как следствие,

к кровной мести. Имам Шамиль был вынужден на территории Имамата регламентировать размер калыма. Как правило, он составлял 10—20 руб., но по соглашению сторон эту сумму можно было сокращать бесконечно [Халилов, 1991: 101—102; 100 писем Шамиля, 1997: 216].

Памятники обычного права народов Дагестана свидетельствуют, что величина калыма варьировалась в зависимости от знатности человека и договоренности сторон. В частности, исследователь Д. М. Шихалиев на примере кумыков показывает обусловленность размера калыма сословной принадлежностью человека и приводит следующие сведения: «Женитьба стоит князю 720 рублей серебром калыма, кроме мелочных расходов. Уздень платит калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и чагары от 100 до 50 рублей серебром» [Шихалиев, 1993: 98]. Х.-М. О. Хашаев отмечает: «По искони существующему обычаю беки шамхальской крови дают засватанной от 600 до 1000 рублей альхаму, смотря по достоинству родителей ее, готовят из лучших шелковых материй, парчи и бархата, брачную для невесты одежду, подушки пуховые, одеяла, занавесы и пр., дарят для услужения ей 2 рабов или 2 рабынь (которые называются бельгисыр)...» [Хашаев, 1987: 209]. Более состоятельные сала-уздени и князья должны были в счет калыма давать еще оседланного коня, который, как сообщает Н. С. Семёнов, «стоит 50 и более рублей и который поступает в пользу отца, или заместителя его, или кого-либо из родственников, а у князей и первостепенных узденей в пользу эмчеков (молочный брат. — О. М.)» [Семёнов, 1895: 209]. Во второй половине XIX в. стоимость калыма значительно увеличивается за счет платков, сахара, тканей, лошадей и др. [там же].

По свидетельству С. Ш. Гаджиевой, у кумыков, кроме калыма, будущий муж должен был уплатить своей будущей жене еще и «кебингякъ» (закрепленная за женщиной часть имущества), который являлся гарантией того, что жена не останется без средств существования в случае развода или смерти мужа [Гаджиева, 1961: 271]. Для сравнения приведем некоторые данные и по другим дагестанским народам. Так, например, относительно «кебингякъ» у аварцев мы читаем следующее: «...эта сумма в разных аулах была разная — несколько ратлов медных денег и т. д., но в большинстве аулов — 60 руб. серебром» [Хашаев, 1987: 271]. У даргинцев в качестве «кебингякъ» «всякий жених при женитьбе отделяет кусок земли (ценою от 100 до 200 рублей) для невесты на случай, если впоследствии прогонит ее» [НФ ИИАЭ]. Лакцы как «махр» вносили от 30 до 90 руб. (в зависимости от селения) или отводили земельный участок [Булатова, 1971: 11]. Что касается уплаты «кебингякъ» на подконтрольных Шамилю территориях, то следует отметить: его величина была небольшой и за соблюдением этого строго следили. Указывая на данный факт А. В. Комаров пишет: «Шамиль, видевший в браке залог благосостояния горцев, всеми силами старался способствовать легчайшему заключению браков и потому старался об уменьшении кебина; так, в селениях Гимра, Харикуни и других, бывших вблизи нашей передовой линии, из которых мужчины часто попадали в плен или были убиваемы при набегах и где потому число женщин значительно превышало число мужчин, кебин-хакк был весьма незначителен, от 25 коп. до 1 рубля» [Комаров, 1868: 52].

Не менее интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, которые касались бракоразводных дел. В традиционном дагестанском

обществе инициатива при заключении брака и разводе принадлежала исключительно мужчинам. Безусловно, это приводило к злоупотреблениям их данным правом. Имам отрегулировал и бракоразводные дела, издав «правила, защищающие имущественные права разведенной женщины», чем укрепил ее положение как в семье, так и в обществе [100 писем Шамиля, 1997: 33]. Шамиль заставил мужчин при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из отцовского дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если в браке были рождены дети или жена была в положении, то муж должен давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене — до выхода замуж. Если же жена уходила от мужа будучи беременной, то он обязан материально содержать ее до рождения ребенка [там же]. В случае, если дети оставались с матерью, отец должен был их обеспечивать до совершеннолетия. Но необходимо отметить, что у многих народов Дагестана и Чечни, дети после развода, как правило, оставались с отцом.

Особо следует сказать о правовых нововведениях Шамиля, которые касались вопросов наследования женщинами имущества. Основываясь на священном Коране, имам наделил женщину правами, дающими ей возможность наследовать общесемейное имущество, в том числе и недвижимое. В итоге с введением норм шариата замужняя женщина могла претендовать на выделение части наследственного имущества после смерти отца, что, безусловно, укрепляло ее материальное положение. Некоторые женщины, апеллируя к шариату и имперскому праву, пытались получить наследство и от мужа, но добивались его очень редко. Видимо, традиционные взгляды оказывались все же сильнее новых правовых норм.

В низаме Шамиля «О наследстве» говорится, что правом на наследство обладают абсолютно все дети мужского пола. В то же время те, кто получили это наследство, должны обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия [там же]. На наследников ложились и другие обязанности — выдать девушек замуж, а если они оставались на их иждивении, заботиться об их благополучии.

Среди радикальных нововведений Шамиля, касающихся женщин, следует отметить и практику «принуждения к замужеству засидевшихся в девках», продиктованную стремлением власти решить проблемы демографического характера в условиях затянувшейся войны [ЦГА РД]. Подтверждение этому мы находим в «Военном сборнике» за 1859 г., где имеется материал следующего содержания: «Мера эта, принятая Шамилем по случаю значительного уменьшения народонаселения вследствие истребительных войн, носила на себе характер чисто вынудительный и состояла в том, чтобы каждая девушка в известное время года по достижении совершеннолетия должна была избирать себе жениха и выходить замуж» [Шамиль и Чечня, 1859: 142]. Заметим, что «ослушницам угрожало заключение в яму, причем допытывались, кого они любят. В случае согласия названных лиц заключались браки, в противном же случае отыскивали других женихов» [там же].

Учитывая то, что в традиционном дагестанском обществе брачные отношения имели патриархальный характер, необходимо сказать: проявление девушкой инициативы в выборе мужа, безусловно, не вписывается в стереотип кавказской женщины и свидетельствует об архаичности данной практики. Так, например, в некоторых аварских и цезских селениях представители общинной

администрации регулярно опрашивали девушек брачного возраста, незамужних женщин и вдов, за кого они желали бы выйти замуж (выбор мог пасть и на уже женатого мужчину). Вдов заставляли выбирать себе мужей, причем мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые остановили на них свой выбор. По инициативе сельской общины специально утвержденная старейшинами комиссия из пяти-шести человек периодически составляла список вдов и вдовцов в селениях. Руководствуясь этими списками, совет старейшин предлагал вдовствующей паре создать новую семью, что и осуществлялось в подавляющем большинстве случаев [Лугуев, Магомедов, 1994: 112]. Названные в ходе подобного опроса лица мужского пола могли отказаться от брака лишь при уплате штрафа довольно солидного размера (зерном, мукой или курдючным салом, шедшими в доход общества). Право развестись с нежеланной женой им предоставлялось только после оговоренного срока. Бывали и курьезные моменты, когда по приказу Шамиля в качестве поощрения за нежелание жить с женщиной в браке мужу в момент его заключения «выплачивали... двадцать туманов» [100 писем Шамиля, 1997: 86].

Ко всем этим мероприятиям Шамиль относился весьма серьезно, понимая их важность для решения демографической проблемы. Поэтому всю ответственность за реализацию данных мероприятий он возложил на наибов, которые и должны были заботиться «о заключении наивозможно большего числа браков между жителями вверенных наибств» [Клингер, 1856]. Некоторые исследователи, давая оценку нововведениям Шамиля, объясняют их не столько стремлением улучшить демографическую ситуацию, сколько проявлением заботы о незамужних горянках: «...более тридцати лет, с времен почтенного шейха Мансура, в непрерывных войнах мы теряем лучших своих сыновей. А у нас не то что вдовам — подрастающим девицам вскоре не за кого будет выходить замуж» [Казиев]. Безусловно, практика «принуждения к замужеству засидевшихся в девках» свидетельствует об архаичности данного обычая, к которому рационально прибегнул имам Шамиль в связи с объективной необходимостью военного времени.

Нововведения Шамиля затронули и категории пленного населения. В частности, особое значение имам придавал вопросам, касающимся браков обращенных пленников и горянок. По свидетельству А. И. Руновского, эта сторона быта настолько занимала Шамиля, что он распорядился на территории Имамата селить в отдельные дома обращенных в ислам семейных пленников [Руновский, 1989: 136].

Таким образом, можно сделать вывод, что законодворческая деятельность имама Шамиля характеризовалась общей направленностью мер на регулирование семейно-брачных отношений. Это было обусловлено рядом обстоятельств как патриархального, так и военного характера. Вводя низамы жизнедеятельности, он был вынужден редактировать многие положения шариата, которые шли вразрез с традиционным укладом жизни горцев. Видя в крепкой семье залог сильного и здорового общества, Шамиль отрегулировал бракоразводные дела, регламентировал размер калыма, запретил похищение невест, разрешил многоженство. Результаты исследования показали, что, принимая те или иные законы, затрагивающие интересы женщины, Шамиль в первую очередь руководствовался конкретной социальной ситуацией, отражающей реалии повседневной жизни.

Библиографический список

- Абазов А. Х. «Брак умыкания» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3. С. 3—9.
- Булатова А. Г. Лакцы (XIX — начало XX века): историко-этнографические очерки. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1971. 194 с.
- Гаджиева С. Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 352 с.
- Казиев Ш. М. Имам Шамиль. URL: <http://www.rulit.me/books/imam-shamil-read-257006-73.html> (дата обращения: 17.10.2016).
- Клинггер И. А. Нечто о Чечне // *Кавказ*. 1856. № 97.
- Комаров А. В. Адааты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавк., 1868. Вып. 1. С. 1—88.
- Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бегтинцы (XIX — начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1994. 246 с.
- НФ ИИАЭ (Научный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
- Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб.: Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1860. 460 с.
- Руновский А. И. Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989. 178 с.
- Семёнов Н. С. Очерки народных обычаев кумыков Терской области // Семёнов Н. С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. Хомского и К^о, 1895. С. 249—344.
- 100 писем Шамиля. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1997. 294 с. (Памятники письменности Дагестана; вып. 1).
- Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Кн. по требованию, 2012. 926 с.
- Халилов А. М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 182 с.
- Хашаев Х.-М. О. Памятники обычного права Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1987. 113 с.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. 33. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.
- Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. № 9. С. 121—164.
- Шихалиев Д. М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. 144 с.

References

- Abazov, A. Kh. (2014) “Brak umykaniia” kak institut sotsionormativnoĭ kul’tury kabardintsev v poslednei chetverti XIX v. [“Marriage abduction” as a institute of socio-normative culture of the Kabardians in the last quarter of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—9.
- Bulatova, A. G. (1971) *Laktsy (XIX — nachalo XX veka)*: Istoriko-ĕtnograficheskie ocherki [Laks (XIX — beginning of XX century)], Makhachkala: Izdatel’stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Gadzhieva, S. Sh. (1961) *Kumyki*: Istoriko-ĕtnograficheskoe issledovanie [Kumyks: Historical and ethnographic research], Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR.
- Khalilov, A. M. (1991) *Natsional’no-osvoboditel’noe dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza pod predvoditel’svom Shamilia* [The national liberation movement of highlanders of the North-Eastern Caucasus led Shamil], Makhachkala: Daguchpedgiz.

- Khashaev, Kh.-M. O. (1987) *Pamiatniki obychnogo prava Dagestana* [Monuments customary rights of Dagestan], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarov, A. V. (1868) *Adaty i sudoproizvodstvo po nim* [Adat and proceedings thereon], in: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*, iss. 1, Tiflis: Tipografiia Glavnogo upravleniia namestnika kavkazskogo, pp. 1—88.
- Luguev, S. A., Magomedov, D. M. (1994) *Bezhtintsy (XIX — nachalo XX v.): Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Bejtince (XIX — early XX c.): Historical and ethnographic research], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Romanovskii, D. I. (1860) *Kavkaz i Kavkazskaia voina* [Caucasus and the Caucasian War], St. Petersburg: Tipografiia Tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za".
- Runovskii, A. I. (1989) *Zapiski o Shamile* [Notes on Shamil], Moscow: Vneshtorgizdat.
- Semënov, N. S. (1895) *Ocherki narodnykh obychaev kumykov Terskoï oblasti* [Essays folk customs have Kumyks Terek region], in: Semënov, N. S. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza*, St. Petersburg: Tipografiia Khomskogo i K^o, pp. 249—344.
- Shamil' i Chechnia (1859) [Shamil and Chechnya], *Voennyi sbornik*, no. 9, pp. 121—164.
- Shikhaliyev, D. M. (1993) *Rasskaz kumyka o kumyках* [The story of a Kumyk about Kumyks], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Tagantsev, N. S. (2012) *Ulozhenie o nakazaniakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code of criminal and correctional penalties of 1885], Moscow: Kniga po trebovaniu.
- 100 pisem Shamilia* (1997) [100 letters of Shamil], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.

Статья поступила 21.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Мутиева Оксана Саидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Humanities, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 78—87
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.8

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 78—87
ББК 74.03(2)5-422
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.8

**ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ЖЕНЩИНЫ В ОБРАЗОВАНИИ
НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

В. В. Цысь, О. П. Цысь

Нижневартковский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия, tsysv@rambler.ru

Рассматриваются основные этапы становления женского образования на Тобольском Севере (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) с момента возникновения первых учебных заведений на рубеже 40—50-х гг. XIX в. до 1917 г. Выделяются два периода его развития, хронологический рубеж которых — середина 1880-х гг. Отмечается роль благотворителей в открытии женских школ, возрастающее значение женщин в функционировании системы образовательных учреждений региона, а также факторы, этому способствовавшие (изменение социального статуса женщин, развитие сети школ, требовавшее создания системы подготовки педагогических кадров, недостаточно высокая зарплата учителей сельских начальных училищ).

Ключевые слова: Тобольский Север, женское образование, педагогические кадры, благотворительность, церковно-приходская школа, сельское училище.

**WOMEN'S EDUCATION AND WOMEN IN EDUCATION
IN THE TOBOLSK NORTH
IN THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX c.**

V. V. Tsys, O. P. Tsys

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk,
Russian Federation, tsysv@rambler.ru

In the article the main stage of women's education formation in the Tobolsk North (within the present borders of Khanty-Mansi and Yamal-Nenets autonomous regions) is considered since its inception at the turn of the 40—50s XIX c. until 1917. Two stages of its development are singled out, the chronological boundary of which is the mid-1880s. The role of philanthropists in the emergence of women's schools, the increasing role of women in the system of educational institutions in the region, as well as the factors that contributed to this. Among them, the change in the social status of women, the development of a network of schools, requiring the creation of a system for the training of pedagogical personnel,

insufficiently high salaries for teachers of rural primary schools are mentioned. It is indicated that the level of female literacy in the region was lower than in Siberia and in Russia as a whole. It is concluded that the representatives of indigenous nationalities were extremely weakly involved in training.

Key words: Tobolsk North, women's education, pedagogical staff, charity, parochial school, rural school.

В современной отечественной историографии роль женщин и изменение их статуса в системе образования Сибири в дореволюционный период изучаются, как правило, на материалах крупных городов, средних и высших учебных заведений. Предметом исследования становилась деятельность гимназий, Сибирских высших женских курсов (см., напр.: [Скачкова, 1999; Журавлева, 2004; Кузьминова, 2005]).

Далекая периферия, к которой может быть отнесен и Тобольский Север, районы с преобладанием инородческого населения, не привлекала до настоящего времени внимания ученых. Изучение процессов, связанных с ролью женщин в образовательных учреждениях региона, позволяет лучше понять как особенности модернизации сибирских окраин в целом, так и изменение положения женщин в обществе в рассматриваемый период в частности.

Тобольский Север в XIX — начале XX в. являлся огромным по площади, но слабозаселенным регионом. Общая численность его жителей на протяжении всего рассматриваемого периода не превышала 55 тыс. человек, среди которых основную долю составляли ханты, манси и ненцы, слабо интегрированные в российское культурное пространство. Русские были сосредоточены преимущественно в нескольких городах, селах, небольших деревнях, выселках, около пароходных пристаней. Наиболее значительные из них Березов, Сургут, Самарово (Ханты-Мансийск) и Обдорск (Салехард) (от 1 до 2 тыс. человек в каждом).

Несмотря на относительную изоляцию от остальной части страны, вызванную суровыми природно-климатическими условиями и неразвитостью путей сообщения, здесь, хотя и с некоторым запозданием, протекали процессы, аналогичные общероссийским. Однако местная специфика накладывала на них свой неповторимый отпечаток, проявлявшийся и в вовлечении женщин в процесс образования в качестве учащихся и педагогов.

Первые попытки организации школьного обучения на севере Западной Сибири относятся еще к 60-м гг. XVIII в. Латинские, а затем и славяно-русские школы предназначались для подготовки будущих священно- и церковнослужителей, и соответственно их учениками были исключительно мальчики. Существовали они недолго из-за отсутствия подготовленных педагогов, а также должного финансирования.

Начало развитию системы образовательных учреждений на территории края было положено в правление Александра I. Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, целью создания уездных училищ явилась подготовка юношества для гимназий [Устав... , 2001]. Первым учебным заведением, сформированным на Тобольском Севере на основании вышеуказанного Устава, стало открытое 30 августа 1818 г. Березовское

уездное училище, предназначенное для мальчиков разных возрастов. Представление об образовании девочек можно составить по дневникам польской ссыльной Е. Фелинской, проживавшей в г. Березов в 1839—1841 гг. Она писала: «Дочери учатся у матерей тому, что им следует знать, и если какая умеет немного читать и писать, то это умение расценивается у них как излишняя прибавка к воспитанию» [Отрывки... , 2005: 31].

Первая попытка организации женского учебного заведения в крае была предпринята на рубеже 1840—1850-х гг. С разрешения Тобольской дирекции народных училищ открылась «школа для девиц» в Березове. Она помещалась в доме учительницы, существовала на частные средства. На 1849/50 учебный год в школе состояло 11 учениц, на 1852/53 учебный год — 8 (3 купеческого, 2 мещанского, 3 казачьего сословия). Детей обучали чтению, письму, начаткам христианского учения, основам арифметики и грамматики, рукоделию [ГАТ, ф. И-5, оп. 1, д. 123, л. 5; д. 125, л. 90; д. 126, л. 96]. Это небольшое учебное заведение просуществовало не очень долго и к середине 50-х гг. XIX в. было закрыто.

Следующая попытка связана с учреждением в 1860 г. городским обществом Березова одноклассного женского приходского училища. У истоков начинания стоял благочинный окружных церквей протоиерей И. М. Заборовский, который обратился к жителям города с призывом жертвовать средства на вновь открываемую школу, а также отдавать в нее своих дочерей. 30 октября 1860 г. был проведен благотворительный спектакль, сборы с которого в размере 50 руб. пошли на школьные нужды. Здание для школы пожертвовал надворный советник П. Н. Михалёв, заседатель городского суда, затем городничий [Письмо... , 2006: 184]. И. М. Заборовскому за открытие в городе женской школы, приобретение в пользу ее 344 руб. и удобного помещения было передано благословение Святейшего синода.

За 1852—1861 гг. сеть женских учебных заведений охватила большинство городов Западной Сибири: Ялуторовск, Тобольск, Курган, Омск, Тару, Ишим, Тюмень, Барнаул, что было одним из ярких проявлений изменения отношения к народному просвещению.

Какими мотивами руководствовались горожане, которые участвовали в деле организации первого на Тобольском Севере женского учебного заведения?

1. Получение образования должно было способствовать постепенному изменению социальной роли женщины, перед которой открывались новые пути участия в общественной жизни. Однако данный процесс разворачивался очень медленно и его влияние на женское образование стало сказываться лишь к концу XIX столетия.

2. Общественность должна была следовать решениям государственной власти, в частности принятому 30 мая 1858 г. Положению о женских училищах, а также примеру губернского центра, где в 1852 г. открылось девичье приходское училище, реорганизованное через несколько лет в Мариинскую женскую школу.

3. Большое влияние на горожан оказывала инициатива отдельных благотворителей, наиболее образованной части духовенства.

Материальная поддержка была необходима для существования большинства учебных заведений. Государство финансировало лишь гимназии и уездные училища, а школы для девочек находились на самообеспечении. Первоначально

училище существовало исключительно на частные пожертвования [ГАТО, д. 299, л. 6]. Еще одним источником пополнения средств явилось устройство разного рода благотворительных мероприятий, сборы с которых шли на нужды школы. 8 сентября 1863 г. в здании уездного училища состоялся бал-базар. Продажа входных билетов, овощей с пришкольного огорода, вязаний, вышивок воспитанниц училища позволила выручить 137 руб. 50 коп. [Тобольские губернские ведомости, 1863: 349].

В первое время преподавание в женской школе велось учителями Березовского уездного училища безвозмездно. В этом же училище сначала, до обустройства пожертвованного П. Н. Михалёвым здания, располагалась и сама школа «в отдельных комнатах от классов мужского училища», для мальчиков и девочек были сделаны специальные входы [ГАТО, д. 299, л. 4]. Хотя обучение проводилось раздельно, девочки могли пользоваться общей библиотекой. В конце 1860 г. в школе обучалось 10 девочек, к 1 января 1863 г. — 44. В составе учащихся практически не было представителей податных сословий. На 1 января 1864 г. из 34 учениц 33 принадлежали к купечеству и почетным гражданам, 1 — к духовенству [Из ведомости... , 2006: 198].

Вторая женская школа открылась в Сургуте в 1862 г. в доме местного священника В. Кайдалова, который вместе с сестрой взял на себя обязанности преподавателя. Программа занятий состояла из чтения книг церковной и гражданской печати, чистописания, Закона Божия, арифметики, церковного пения, рукоделия. В дальнейшем В. Кайдалов оставался законоучителем, а все остальные предметы (грамота, письмо, арифметика) вели местные чиновники и члены их семей.

Вскоре школа была преобразована в училище второго разряда Министерства народного просвещения (МНП) с трехгодичным сроком обучения. Оно существовало за счет случайных поступлений, преимущественно пожертвований меценатов и субсидий городского общества. Школьное здание было построено отставным чиновником И. А. Туполевым на собственные средства. Деятельность училища упоминается в отчетах настоятелей православной миссии за 1860—1870-е гг., а также в материалах ревизии училищ Березовского округа. В 1869 г. здесь обучалось 25 девочек, 1870 г. — 28, 1872 г. — 26, 1876 г. — 26 [Отчет... , 2006а: 241; Отчет... , 2006б: 274; Выписка... , 2006: 280; Из журнала... , 2006: 209], в 1879 г. — 20, 1880 г. — 14 [ГАТО, д. 720, л. 51 об. — 52]. Однако в документах первой половины 1880-х гг. сведения о Сургутском училище уже не приводятся. Связано это было с тем, что И. А. Туполев и его супруга (попечительница школы) «по изменившимся торговым обстоятельствам» больше не могли нести бремя расходов на ее содержание [ГАТО, д. 795, л. 1].

В 1861 г. в крае создается первое учебное заведение со смешанным обучением — Обдорская приходская школа, в которой на 1863 г. числилось 23 мальчика и 14 девочек [Губарев, 1863: 230—231]. Организатором школы выступил настоятель противоязыческой духовной миссии игумен Аверкий. Основными предметами являлись грамота и рукоделие. Дети аборигенов, прежде чем быть допущенными в школу, направлялись в подготовительное отделение для обучения русскому языку. В начале 1880-х гг. школа в Обдорске была закрыта во многом по причине смерти ее организатора и руководителя [Мавлютова, 2001: 88—89].

В 1884 г. во всех учебных заведениях Березовского и Сургутского округов насчитывалось 72 мальчика и 25 девочек. По официальным данным, в округах проживало 18 543 мужчины и 17 423 женщины, количество учащихся по отношению к общей численности населения составляло 1 к 371 (1 к 257 для мужчин и 1 к 697 для женщин). По этим показателям север Западной Сибири уступал губернии в целом, где соотношение учащихся и населения составляло 1 к 194 (1 к 120 для мужчин и 1 к 537 для женщин) [ГАТО, д. 1032, л. 119 об. — 120].

Таким образом, на первом этапе становления женского образования в крае (конец 1840-х — середина 1880-х гг.) учебные учреждения для девочек появились лишь в трех населенных пунктах — Березове, Сургуте и Обдорске, они не имели стабильного финансирования. Дети коренных жителей посещали только Обдорскую школу. Среди педагогов преобладали мужчины, женщины преподавали преимущественно рукоделие.

С середины 80-х гг. XIX в. начинается *новый этап* развития женского образования в крае, связанный с распространением сети смешанных сельских церковно-приходских школ. В это время признается, что доступ к образованию для мальчиков и девочек должен быть одинаковым, так как «ничто не в состоянии до такой степени успешно продвинуть дело распространения в народе грамотности, как присутствие в крестьянских семьях грамотных и религиозно воспитанных матерей» [Десятилетие... , 1894: 367]. Организовать раздельное обучение в небольших селениях было невозможно, поэтому подавляющее большинство начальных сельских училищ создавались как смешанные.

За следующие три десятилетия начальные учебные заведения возникают практически во всех населенных пунктах Тобольского Севера, где проживали русские. Если в 1884 г. в крае действовало 11 школ (девочки обучались лишь в одной), то к 1917 г. это число возросло до 58. Причем смешанное обучение практиковалось в 27 начальных училищах МНП и Министерства государственных имуществ (одноклассные, двухклассные, земские), 27 церковно-приходских школах, подведомственных Святейшему синоду. Раздельное обучение оставалось в двух Сургутских учебных заведениях (здесь функционировали вновь открытая в 1886 г. женская церковно-приходская школа и мужское училище) и в двух Березовских (мужское уездное и женское второклассное училища). Почти все школы постепенно перешли на бюджетное финансирование, хотя, как и ранее, важную роль в некоторых случаях играли пожертвования местных жителей.

Общая численность учащихся учебных заведений Березовского и Сургутского уездов составляла в 1889 г. 280 человек (205 мальчиков и 75 девочек), 1895 г. — 425 (соответственно 299 и 126), 1911 г. — 1035 (685 и 350), 1914 г. — 1192 (745 и 447). Налицо существенный количественный рост (в 4,3 раза за четверть века) и постепенное увеличение доли девочек в общем числе учащихся (с 26,8 % в 1889 г. до 37,5 % в 1914 г.).

Отличительная примета — появление детей инородцев в составе учениц. В Березовской второклассной женской учительской школе в 1913—1914 гг. доля русских составляла 79,4 % (27 человек), а инородцев (зырян, самоедов, остяков) — 20,5 % (7 человек) [Ведомость... , 1915: 82—83]. В 1916 г. из 37 учениц русских было 31 человек, остяков — 2, самоедов — 2, зырян — 1, евреев — 1 [ГАТ, ф. И-61, оп. 1, д. 188, л. 4—7]. В Малоатлымском одноклассном училище МНП в 1905 г. из 14 девочек 8 являлись представителями коренной национальности

[ГАТ, ф. И-483, оп. 1, д. 82, л. 5 об.]. В Мужевской церковно-приходской школе из 132 учащихся абсолютное большинство составляли зыряне — 76 мальчиков и 43 девочки [Школьный листок... , 1913: 55]. В Обдорской миссионерской школе в списках учащихся за 1900 г. значились Ульяна и Татьяна Худи, Анна Хороля, Агафья Пучи и т. п. [Тобольские епархиальные ведомости, 1901: 10].

Обучение шло параллельно с христианизацией коренного населения. Тот, кто посещал школу, по определению не был язычником, иначе он просто не мог ее закончить, поскольку главным предметом являлся Закон Божий.

Школьная программа для девочек имела единственное отличие: их обучали рукоделию. Так, о работах учениц Сургутской женской церковно-приходской школы можно составить представление по экспонатам, направленным в 1896 г. на Всероссийскую промышленную и художественную выставку в Нижнем Новгороде: «...1) одна пара туфель, вышитая по канве гарусом на черном сукне, 2) полотенце с наконечниками, вышитыми красной бумагой крючком, 3) полотенце с пробранными наконечниками, прошитыми белой бумагой, 4) салфетка, вязанная из белых ниток крючком, 5) закладка в книгу из голубой шелковой ленты с вышитыми на ней белой канителью словами “1896 года г. Сургут”» [От епархиального училищного совета, 1896: 224].

На протяжении всего XIX в. актуальным оставался вопрос комплектования школ учителями. О сложности ситуации говорит фрагмент из доклада директора народных училищ Тобольской губернии И. М. Курочкина: «Тобольская губерния, хотя старейшая, многолюднейшая и обширнейшая из всех губерний и областей Сибири... принуждена ежегодную убыль учителей и учительниц (до 50 чел.) пополнять по большей части малоподготовленными и малообразованными кандидатками из женских прогимназий или случайными людьми» [Курочкин, 1905: 11].

В полной мере это высказывание можно было отнести и к Тобольскому Северу. Учительницы из южных уездов губернии не всегда могли прижиться и обустроиться в суровом крае. Решению проблемы нехватки педагогических кадров в условиях постоянного и быстрого роста сети начальных учебных заведений способствовало создание в 1906 г. Березовской второклассной учительской женской школы — первого на Тобольском Севере учреждения по подготовке педагогических кадров.

Как сообщалось в «Прибавлениях к “Церковным ведомостям”», «второклассные школы открываются духовным ведомством с 1896 г. — со времени ассигнования на них... казенных средств в размере 1 629 000 руб. ежегодно. В первые три года (1896—1898) было открыто 225 школ; к концу первого пятилетия (1896—1900) их было 349, через пять лет (1901—1905) — 421; к истекшему 1907 году второклассных школ состояло 427» [Прибавления... , 1908: 121—122] (в том числе 332 мужские и 95 женских).

В 1902 г. выходит Высочайшее повеление «Об утверждении положения о церковных школах Ведомства православного исповедания» [Об утверждении... , 1902]. В разделе, посвященном второклассным школам, говорилось:

«36. Во второклассные школы принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду. В женские второклассные школы разрешается принимать и получивших домашнее образование...»

45. Окончившие курс второклассных школ и с успехом обучавшие не менее двух лет в церковных школах имеют право на получение звания учителя или учительницы церковно-приходской школы...» [там же: 83—84].

Для строительства здания школы в Березове использовались средства, пожертвованные вдовой отставного есаула уездной казачьей командой местной жительницей А. К. Буториной. При школе имелась домовая церковь, приписанная к городскому Воскресенскому собору. Объявление о начале приема во второклассную школу было помещено на страницах одного из номеров «Школьного листка при “Тобольских епархиальных ведомостях”»: «...с настоящего 1906/07 учебного года в г. Березове в здании церкви-школы открывается женская второклассная учительская церковная школа... Программа второго класса равняется приблизительно программе трехклассной женской прогимназии с добавлением учительского курса для подготовки учащихся к занятию учительских должностей...» [Школьный листок... , 1906: 148]. В стенах Березовской второклассной учительской женской школы в различные учебные годы состояло от 20 до 37 учениц.

Своего рода «полигонами» для отработки педагогических навыков служили так называемые образцовые школы, в обязательном порядке создававшиеся при второклассных учительских. В Березове образцовая школа располагалась в том же здании, что и второклассная [Справочная книга... , 1913: 17]. Она являлась смешанной по составу.

Долгое время учителями являлись преимущественно мужчины, как правило происходившие из семей сельских священнослужителей, чиновников и купцов. Еще в первые годы XX в. педагогов-клириков в церковно-приходских школах было значительное большинство. К концу первого десятилетия XX в. сформировались постоянные кадры учителей церковных школ — светских лиц. В подавляющем большинстве педагогами становились молодые женщины, закончившие Мариинскую школу в Тобольске, прогимназию, епархиальное училище.

Анализ ведомости о церковных школах Тобольской епархии за 1916 г. дает возможность установить следующее [Отчет... , 1916: 161—168]. Во-первых, в учительской женской школе заведующий и законоучитель имели специальное педагогическое образование, должный опыт и необходимое мастерство. Во-вторых, постепенно в крае профессия учителя становилась женской. В-третьих, большая часть учительниц являлись новичками в педагогическом деле.

Средний срок службы учителя начальной школы определялся директором народных училищ Тобольской губернии приблизительно в 10 лет [Курочкин, 1905: 17]. Затем педагог обычно выбирал какой-либо другой вид деятельности.

Превращение профессии педагога в женскую было связано, на наш взгляд, с быстрым ростом сети учебных заведений, для которых кадры требовались во все возрастающем количестве. Пока школ было очень мало, преподавание могло вестись несколькими энтузиастами или же приходскими священниками. В дальнейшем потребовалась система воспроизводства педагогических кадров. Свою роль сыграл тот факт, что заработная плата сельского учителя была недостаточно высокая, перед Первой мировой войной она составляла 360 руб. в год (в 1880-х гг. — 200 руб. в год). Мужчины на Тобольском Севере могли заработать для себя и своей семьи гораздо большие суммы, занимаясь торговлей и рыбным промыслом. Для незамужней женщины такой заработок был относительно приемлемым.

Уровень грамотности населения Березовского и Сургутского уездов нам известен прежде всего по результатам Первой Всероссийской переписи 1897 г. Если вести подсчет по национальному и половому составу, то, по данным переписи, среди русских мужчин грамотных было 43,5 %, среди русских женщин — 16 %. В целом грамотность русского населения доходила до 30,1 %. Среди коренного населения (без зырян) грамотность у мужчин составляла 0,68 %, женщин — 0,24 %, в целом — 0,47 % [Первая Всеобщая перепись... , 1905: 54—63].

Для сравнения необходимо указать, что в Сибири грамотность достигала 12,3 % (19,2 % среди мужчин и 5,1 % среди женщин). В среднем по стране она составляла 21,1 % (у мужчин — 29,3 %, женщин — 13,1 %).

Подводя итог, следует отметить положительную динамику количественных и качественных показателей вовлечения женщин в образовательный процесс в крае в предреволюционный период. В крупных населенных пунктах практически любой ребенок мог пойти при желании в школу и получить необходимый минимум знаний. Постепенно формируется костяк педагогических кадров из числа учителей — женщин со специальным образованием. Важность и нужность получения элементарных навыков чтения, письма, арифметики вполне осознается и одобряется русским населением. В то же время вовлечение в обучение аборигенов шло очень медленными темпами. Особенно заметны позитивные изменения в последнее предреволюционное десятилетие. Лишь военные и политические потрясения приостановили этот процесс.

Библиографический список

- Ведомость о церковных школах Тобольской епархии за 1914 гражданский год // Школьный листок при «Тобольских епархиальных ведомостях». 1915. № 11. С. 80—83.
- Выписка из журнала Тобольской духовной консистории о слушании отчета по Сургутской миссии за 1876 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К°, 2006. С. 279—281.
- ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске).
- Губарев К. Обдорск // Современник. 1863. № 11. С. 219—234.
- ГУТО (Государственный архив Томской области). Ф. 125. Оп. 1.
- Десятилетие церковно-приходских школ (13 июня 1884 г. — 13 июня 1894 г.) // Тобольские епархиальные ведомости. 1894. № 20, отд. неофиц. С. 367—377.
- Журавлева Н. Н. Первая женская гимназия г. Барнаула // Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: сборник научных трудов. Барнаул, 2004. С. 109—118.
- Из ведомости о числе учителей и учащихся в женских учебных заведениях Тобольской губернии за 1863 г. // История Югры в документах из Томска: (Государственный архив Томской области) / отв. ред. О. Б. Беликова. Томск, 2006. С. 196—198.
- Из журнала о результатах ревизии училищ Березовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры в документах из Томска: (Государственный архив Томской области) / отв. ред. О. Б. Беликова. Томск, 2006. С. 205—216.
- Кузьминова Е. Ф. Сибирские высшие женские курсы г. Томска в общероссийском движении за право женщин на образование // Судьба регионального центра в России: (к 400-летию г. Томска). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 65—68.

- Курочкин И. Сведения о состоянии и нуждах начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г. с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения общедоступности его. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1905. 36 с.
- Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в северо-западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 180 с.
- Об утверждении положения о церковных школах Ведомства православного исповедания: Высочайшее повеление // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем синоде. 1902. № 15—16. С. 79—85.
- От епархиального училищного совета // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 19, отд. офиц. С. 219—225.
- Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К°, 2005. Вып. 6. С. 7—131.
- Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии в 1870 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К°, 2006а. С. 241—242.
- Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К°, 2006б. С. 270—274.
- Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии // Школьный листок при «Тобольских епархиальных ведомостях». 1916. № 21. С. 161—168.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. М., 1905. Т. 78: Тобольская губерния. 297 с.
- Письмо от 6 августа 1860 г. надворного советника П. Михалёва штатному смотрителю Березовских училищ И. Заборовскому о пожертвовании дома для вновь открываемой в г. Березове женской школы // История Югры в документах из Томска: (Государственный архив Томской области) / отв. ред. О. Б. Беликова. Томск, 2006. С. 184—185.
- Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 3.
- Скачкова Г. К. Из истории первой женской школы Тобольска // Исторический опыт народного образования Тюменского края: историография, источниковедение. Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1999. С. 30—39.
- Справочная книга Тобольской епархии на 1 сентября 1913 года. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1913. 428 с.
- Тобольские губернские ведомости. 1863. № 41, неофиц. часть.
- Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 18.
- Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX в. Тюмень: Вектор Бук, 2001. С. 69—72.
- Школьный листок при «Тобольских епархиальных ведомостях». 1906. № 18—19; 1913. № 7.

References

- Gubarev, K. (1863) Obdorsk, *Sovremennik*, no. 11, pp. 219—234.
- Kurochkin, I. (1905) *Svedeniia o sostoianii i nuzhdakh nachal'nogo narodnogo obrazovaniia v Tobol'skoï gubernii v 1904 g. s planom posledovatel'nogo razvitiia sredstv nachal'nogo obrazovaniia gubernii do polnogo dostizheniia obshchedostupnosti ego* [Information on the state and needs of the initial public education in the Tobolsk province in 1904 with a plan for the progressive development of the means of primary education of the state until complete achievement of its accessibility], Tobolsk: Tipografiia Eparkhial'nogo bratstva.

- Kuz'minova, E. F. (2005) Sibirskie vysshie zhenskie kursy g. Tomska v obshcherossiiskom dvizhenii za pravo zhenshchin na obrazovanie [Siberian Higher Women's Courses in Tomsk in the All-Russian movement for women's right to education], in: *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii: (K 400-letiiu g. Tomska)*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 65—68.
- Mavliutova, G. Sh. (2001) *Missionerskaia deiatel'nost' russkoï pravoslavnoï tserkvi v severo-zapadnoï Sibiri (XIX — nachalo XX veka)* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in North-Western Siberia (XIX — early XX century)], Tiumen: Izdatel'stvo Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Skachkova, G. K. (1999) Iz istorii pervoi zhenskoï shkoly Tobol'ska [From the history of the first women's school in Tobolsk], in: *Istoricheskii opyt narodnogo obrazovaniia Tiimenskogo kraia: Istoriofafiia, istochnikovedenie*, Tobolsk: Izdatel'stvo Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, pp. 30—39.
- Zhuravleva, N. N. (2004) Pervaia zhenskaia gimnaziia g. Barnaula [The first women's gymnasium in Barnaul], in: *Nauchnye chteniia pamiati Iu. S. Bulygina*, Barnaul, pp. 109—118.

Статья поступила 08.05.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Цысь Валерий Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, tsysv@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of History of Russia, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation).

Цысь Ольга Петровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, tsysv@rambler.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History of Russia, Research Fellow of the Regional Historical Research Laboratory, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 88—103
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.9

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 88—103
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.9

ПРИЧИНЫ РАЗВОДОВ КРЕСТЬЯНОК В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (На материалах Тобольской епархии)

А. В. Спичак

Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

В последние два десятилетия возрос интерес к изучению крестьянской семьи и роли женщины в ней (в рамках региональных исследований), однако тема добровольного ухода крестьянок из семьи остается практически неизученной. Причины подачи прошений о разводе крестьянками в Тобольской епархии зависели от специфики их положения в семье и сельском социуме в условиях модернизационных перемен в России конца XIX — начала XX в. Анализ архивных материалов позволил выявить основные мотивы подачи таких прошений: прелюбодеяние, жестокое обращение (побои), ссылка супруга на каторгу (либо его отказ от следования за осужденной супругой), неспособность мужа выполнять супружеский долг, его безвестное отсутствие.

Ключевые слова: Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, русская крестьянка, положение женщины, документирование расторжения брака, прошение о разводе, причины подачи этого прошения, прелюбодеяние, избивание, каторга.

THE REASONS FOR DIVORCE OF PEASANT WOMEN IN THE LATE XIX — EARLY XX c. (On materials of Tobolsk diocese)

A. V. Spichak

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk,
Russian Federation, spichak-89@mail.ru

In the last two decades the interest to the problem of peasant families and women's roles in it (in regional studies) has increased; however, the topic of peasant women voluntarily leaving their families remains virtually unexplored. The peasantry was the bulwark of traditional Russian culture. The reasons for filing a petition for divorce in the Tobolsk diocese depended on the specific conditions women were in both the family and rural society; these

conditions were obviously affected by modernization changes in Russia in the late XIX — early XX c. Archival materials allowed to identify main reasons for divorce petitions by peasant-women on the territory of the Tobolsk eparchy in the late XIX — early XX c.: adultery, cruel treatment (beatings), spouse's banishment to a penal colony (or his refusal to follow a convicted wife), the husband's inability to perform the conjugal duty, spouse's condition of being a missing person. Petitions are very different in emotional coloring: from regret and sorrow to cold, calculating presentation of all the violated spouse rules and suggestions about specific types of punishment. The author traced the link between the type of presentation and a level of education. For example, the more educated the woman was, the better she could write the petition and specify the articles of the normative documents according to which she had a right to divorce. Peasant women often postponed the submission of the petition for a few years after realizing that saving the marriage was impossible. This decision affected their education and social position in the family and the village.

Key words: diocese of Tobolsk, the Tobolsk Spiritual Consistory, Russian peasant, women's status, documenting the dissolution of marriage, petition for divorce, reasons for the request, adultery, beatings, penal colony.

Постановка проблемы и методы исследования

Сегодня, когда Россия находится в процессе перехода от одного типа общества к другому, переоценивается место и роль женщины в семье и социуме, происходит изменение гендерного порядка (как и в конце XIX — начале XX в.). В этой связи продуктивным представляется обращение к историческому опыту второй половины XIX столетия — времени создания на государственном уровне предпосылок трансформации патриархальных устоев. Любой социальный процесс или явление общероссийского масштаба могли приобретать своеобразный характер в регионах страны [Литвин, 2013: 3]. Самой обширной в Российской империи являлась Тобольская епархия, одной из особенностей которой была удаленность приходов от центра.

Цель исследования — выявление причин подачи прошений о разводе крестьянками в Тобольской епархии на рубеже XIX—XX столетий. Выдвигается гипотеза, что эти причины зависели от специфики положения женщин в семье и сельском социуме в условиях модернизационных перемен в России в конце XIX — первые годы XX в. Объектом исследования является повседневная жизнь крестьянок Тобольской епархии в тот период. Предметом научного анализа выступают причины подачи ими прошений о разводе.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX — начало XX в. Нижняя грань рассматриваемого периода обусловлена итогами проведения буржуазных реформ. Верхним рубежом являются события 1917 г., которые повлекли за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества.

Последние два десятилетия отмечены возросшим интересом к теме крестьянской семьи и роли женщины в ней, причем в региональном ракурсе. Е. П. Мареева делает обоснованный вывод о том, что отношения мужчины и женщины при заключении и расторжении брака модернизируются к концу XIX столетия в сторону либерализации: увеличивается число разводов, инициированных крестьянками, растет степень сопротивления женщины неуголному супругу [Мареева, 2003]. Социокультурный облик крестьянки и ее роль в семье

на материалах центральных губерний анализируются в публикациях З. З. Мухиной [Мухина, 2010a, 2010b, 2012]. Эту же тему, только более широко, на материалах многих губерний, рассмотрел В. Б. Безгин. Он не оставил без внимания и Тобольскую губернию, однако теме расторжения брака у крестьян уделил недостаточно внимания [Безгин, 2015]. Законодательное регулирование бракоразводного процесса и причины расторжения браков в Российской империи в синодальный период (XVIII — начало XX в.) изучались в специальной работе автора данной статьи [Спичак, 2015].

Таким образом, учеными анализировались различные вопросы, связанные с социальным положением крестьянки во второй половине XIX — начале XX столетия. В то же время причины подачи прошений о разводе крестьянками в Тобольской епархии на рубеже XIX—XX вв. остаются неизученными.

Интерес для исследования представляли документы, написанные самими женщинами или по их просьбе. Это прошения крестьянок о разводе, которые хранятся в делах фонда № 156 «Тобольская духовная консистория» Государственного архива в г. Тобольске.

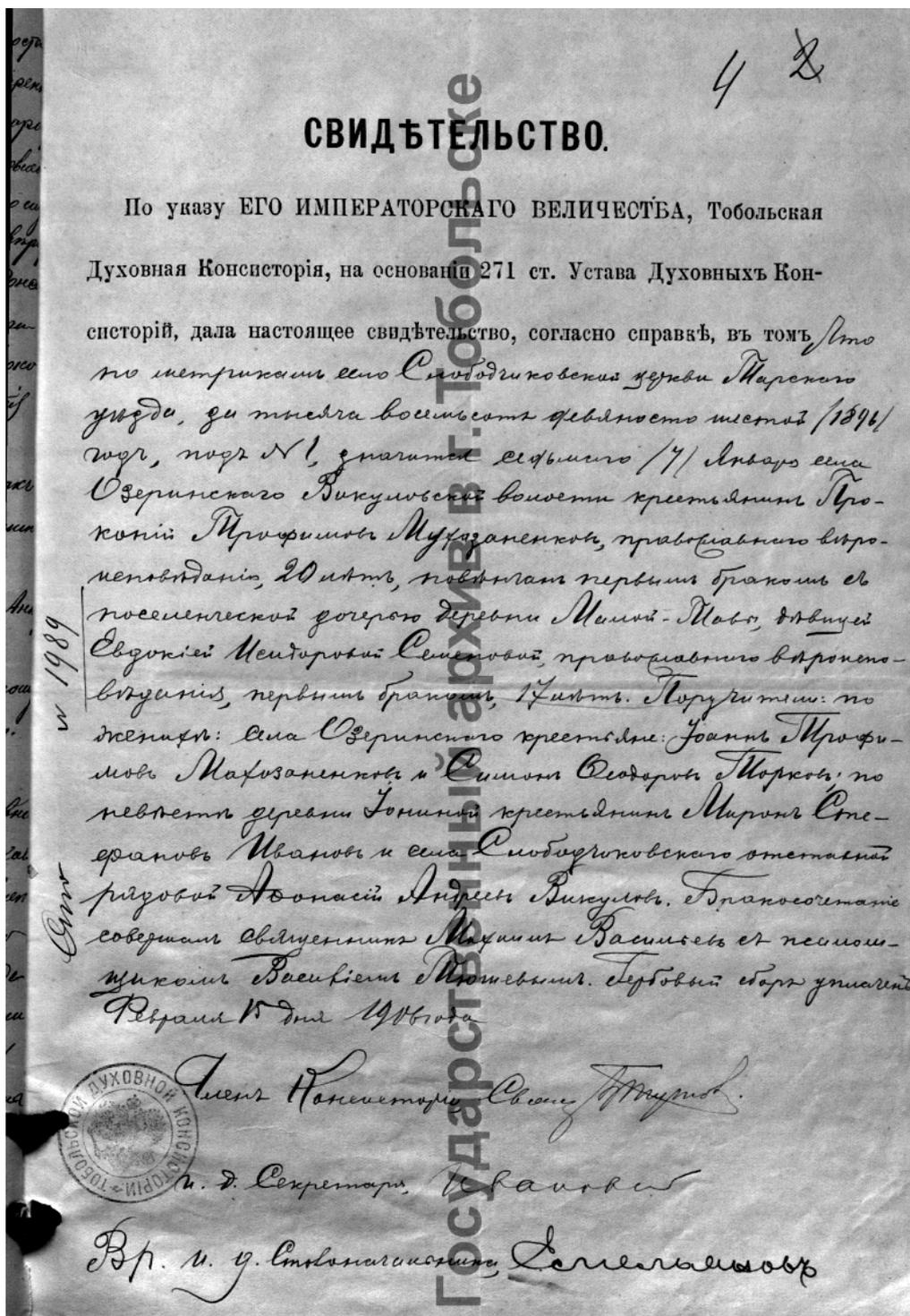
Методологическую основу исследования составили принципы и подходы, разрабатываемые социальной и гендерной историей. Гендерный подход предполагает рассмотрение влияния реформ на жизнь конкретных мужчин и женщин. Пристальное внимание к человеческому опыту, судьбам отдельных людей присуще антропологически ориентированным направлениям — истории повседневности и микроистории. Используются и такие общеисторические методы, как историко-генетический и сравнительно-исторический.

Результаты исследования

В крестьянской среде считалось, что каждому человеку от Бога предписано вступить в брак и продолжить свой «род-племя» [Дранишников, 2010: 82]. Роль жены, матери, хозяйки дома была очень почетной. Русская пословица гласит: «Добра жена — венец мужу своему и беспечалие». Быть доброй женой означало умело вести домашнее хозяйство, заботиться о муже, родить здоровых детей [там же]. Однако, как бы ни старалась женщина быть доброй, порой появлялись не зависящие от нее обстоятельства, из-за которых продолжать жить в браке становилось невозможно, и она решалась на развод.

Изучение архивных материалов позволило выявить основные причины подачи прошений о разводе крестьянками Тобольской епархии в конце XIX — начале XX в.: прелюбодеяние, побои, ссылка супруга на каторгу (либо его отказ от следования за осужденной супругой), неспособность мужа выполнять супружеский долг, его безвестное отсутствие.

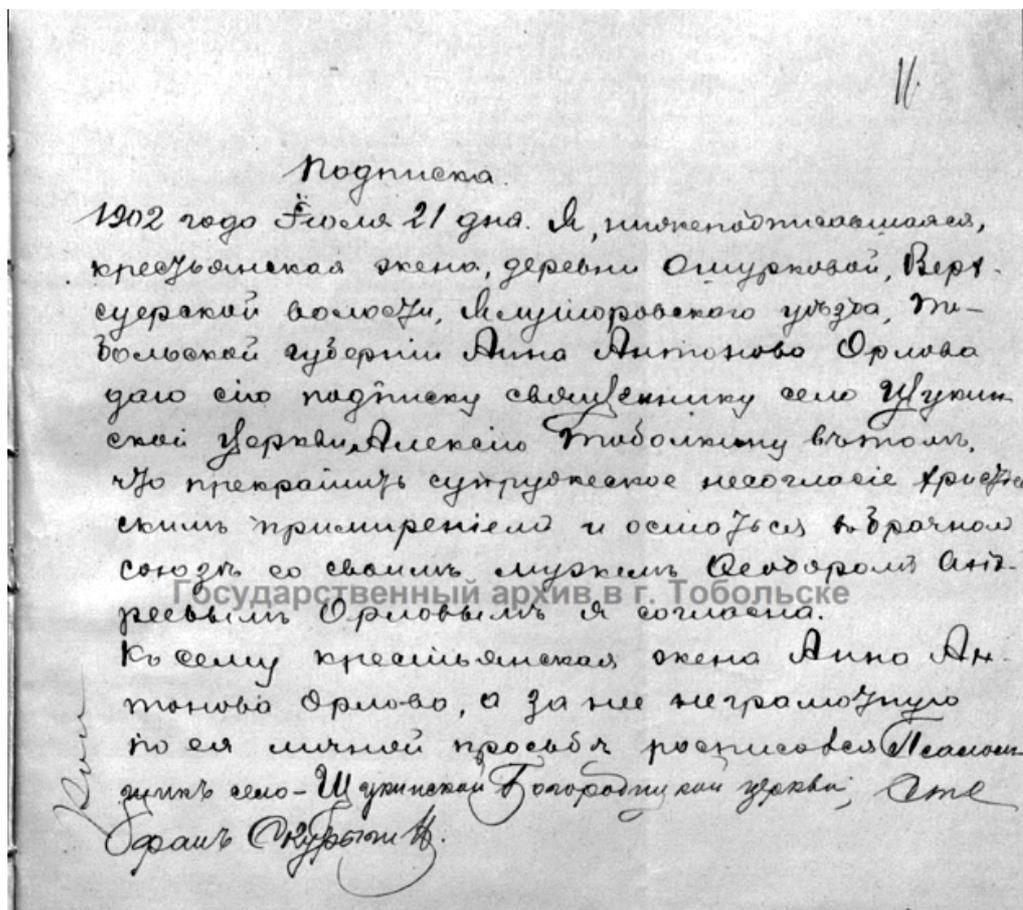
Чтобы подать прошение о разводе, необходимо было приложить копию прошения, выписку из метрической книги о бракосочетании (ил. 1) и другие документы в зависимости от причины развода; следовало также заплатить исковую пошлину и приобрести гербовые марки. При отсутствии выписки из метрики консистория могла выдать свидетельство (ил. 2). О решении Тобольской духовной консистории (ТДК) просительницам объявляли через причт их церквей.

Ил. 2. Метрическое свидѣтельство. 1906 г. [ГАТ, оп. 18, д. 321, л. 4]

Прелюбодейние. Крестьянка Евдокия Исидоровна Мухазаненкова из села Озернинского одноименной волости Тарского уезда была вынуждена просить ТДК о разводе. 7 января 1896 г. она вступила в брак с крестьянином Прокопием Трофимовичем, однако после бракосочетания супруг бросил ее и начал вести распутный образ жизни, а затем «скитался в неизвестной отлучке». Из рапорта сельского старосты от 28 февраля 1906 г. стало ясно, что Прокопий Трофимович нашел себе новую сожительницу, чем «нарушил святость брака и осквернил супружеское ложе». В своем прошении от 4 апреля 1906 г. крестьянка не забыла упомянуть свидетелей прелюбодейний ее мужа. Вызывает интерес само изложение просьбы в документе: оно подробно, четко и лаконично; как видно, была проделана немалая работа, подобраны свидетели и указано основание для их допроса — ст. 251 Устава духовных консисторий, изучены и описаны правила, которые нарушил супруг, прошение юридически подкреплено (ст. 249 и 253 Устава духовных консисторий). Евдокия Исидоровна предлагала позволить ей вступить во второй брак, а ее супруга осудить «на всегдашнее безбрачие» и, согласно правилу 77 Василия Великого и правилу 20 Анкирского собора, назначить на 7 лет епитимью. Это одно из самых запутанных дел, которое длилось два с половиной года из-за переписки между Томской и Тобольской консисториями и выяснения нюансов сложившейся ситуации и было прекращено «за неизвестностью местожительства» просительницы [ГАТ, оп. 18, д. 321, л. 25].

Избиение и прелюбодейние. 4 июня 1886 г. произошло бракосочетание крестьянина Федора Андреевича Орлова с девицей Анной Антоновной в Ризоположенской церкви села Шукинского Ялуторовского уезда. Но не прошло и года супружеской жизни (в деревне Ошурковой Верхотурской волости того же уезда), как супруг начал вести с Анной Антоновной «жизнь самую строптивую и буйственную, доходя до иступления», наносил жене тяжкие побои, что, утверждала она, ничем не было оправдано. Однако побои крестьянка «старалась сносить безропотно, покоряясь постигшей» ее участи. По прошествии трех лет совместной жизни, когда уже вся деревня знала о прелюбодейнии Федора Андреевича с крестьянской вдовой Феодорой Марковной Гончаровой, его супруга увидела причину его «буйства» и ненависти к ней. Вынудило же написать прошение о разводе Анну Антоновну случившееся в 1899 г.: Федор Андреевич избил ее до полусмерти и выгнал из дома, не пуская обратно, несмотря на приказание волостного старшины. К тому же в дом крестьянин привел новую хозяйку — ту самую Феодору, а свою жену не подпускал к дому, угрожая «убить или задавить как собаку». И лишь 16 января 1902 г. было подано прошение, в котором Анна Антоновна просила не только расторгнуть ее брак, но и предать ее мужа и его любовницу «законной за осквернение брака ответственности». Само прошение изобилует эмоциями: «Насколько я старалась ласками и слезами возратить к себе своего супруга?! Это только одному Богу известно! Также неоднократно вызывал нашего общества сельский староста в нарочито собранный сельский сход, дабы вразумить моего несчастного мужа, но все напрасно! Как нарочно, мое положение с каждым днем становилось хуже и безотраднее». Вызывает удивление тот факт, что после увещевания приходским священником просительница хотя и не сразу, но согласилась примириться с мужем, который тогда находился в отлучке (ил. 3). В итоге Анну Антоновну не удовлетворило решение ТДК, переданное через волостное правление, о продолжении супружеской жизни с Федором Андреевичем [там же, д. 77, л. 1—1 об.].

Ил. 3. Подписка крестьянки о примирении с мужем. 1902 г. [ГАТ, оп. 18, д. 77, л. 11]

Тексты прошений, написанные вследствие прелюбодеяния и избиений, являются самыми подробными и эмоционально окрашенными. Крестьянки подавали их, когда терпеть сложившуюся ситуацию у них уже не было сил.

Неспособность «к брачной жизни». Супругов крестьянок, подавших прошение о разводе по этой причине, свидетельствовали в Тобольской судебной управе, ТДК сообщала последним о том, что они должны позаботиться о прибытии их мужей в консисторию, откуда отправляли на обследование. ТДК объясняла волостным правлениям, что на эту поездку казенные деньги не могут быть выделены и крестьянки сами должны найти средства, а также подробно растолковывала каждый момент дела, даже то, что просительница может потратить на поездку при отсутствии своих денег деньги мужа, однако заранее спросив его разрешения. Если в семье крестьянки не было средств на проезд супруга в Тобольск, то производство дела прекращали и сдавали в архив.

Барвара Космовна вступила в законный брак с Миной Михайловичем Коротковым — крестьянином деревни Волосниковой Шмаковской волости Курганского уезда 17 февраля 1891 г. По истечении 13 лет оказалось, что ее муж

не способен «к супружеской жизни», многолетнее лечение не помогло, так как его недуг был врожденным. 17 марта 1904 г. крестьянка просила консисторию освидетельствовать мужа и расторгнуть ее брак, чтобы она «не могла пасть в распутную жизнь» [там же, д. 157, л. 1а — 1а об.].

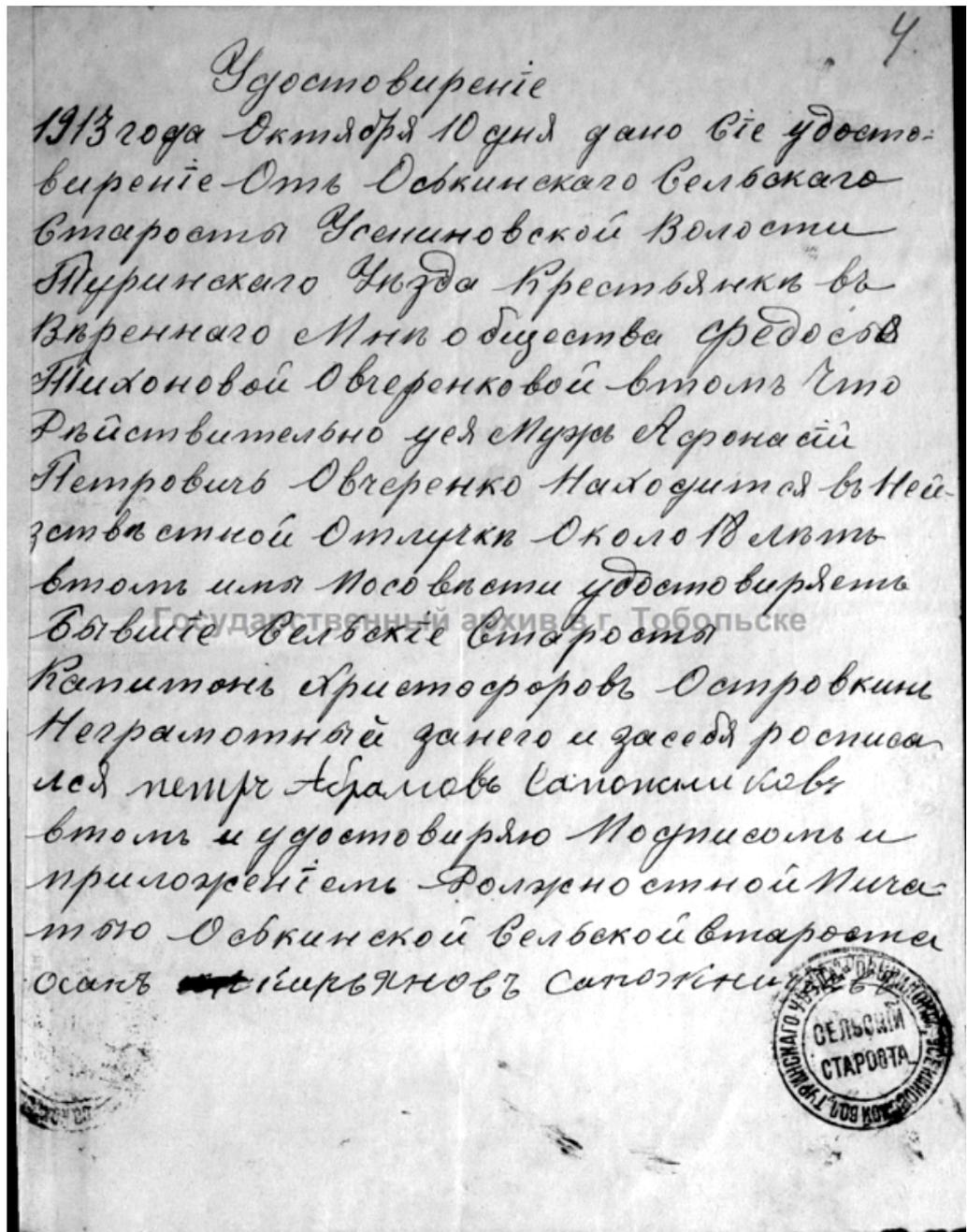
Тирания и жестокие побои. Иногда одна неспособность супруга «к брачной жизни» не становилась причиной развода, к этому крестьянок подталкивали другие, более неприятные и угрожающие обстоятельства. Например, крестьянка деревни Глубоцкой Лыбаевской волости Ялуторовского округа Татьяна Архиповна Мерзлякова решила развестись со своим мужем Николаем Васильевичем через четыре года после бракосочетания, которое состоялось в сентябре 1889 г. Причиной развода стала тирания и жестокие побои при свидетелях со словами «я тебя убью», иначе бы просительница, как она утверждает, «по просьбе матери его [мужа] никогда бы с ним не рассталась» [ГАТ, оп. 11, д. 1664, л. 1а — 1а об.].

Безвестное отсутствие мужа. Не редкостью было расторжение брака вследствие безвестного отсутствия супруга (более трех лет). Чтобы развестись по этой причине, необходимо было указать родственников обоих супругов и перечислить свидетелей, которые бы могли подтвердить безвестное отсутствие, приложить к прошению удостоверение сельского старосты об отсутствии супруга (ил. 4), а также просить волостное правление сообщить сведения о пропавшем.

У крестьянки деревни Оськиной Усениновской волости Туринского уезда Феодосьи Ивановны Овчаренко без вести пропал муж Афанасий Петрович. Она прождала его около 18 лет и подала прошение о разводе только после того, как была засватана в 1913 г. за жителя той же деревни Петра Петровича Таварина [ГАТ, оп. 18, д. 1100, л. 1а] (ил. 5).

Отказ от следования за супругой, осужденной на каторгу. Мария Васильевна Солодовникова почти три года прожила в браке с крестьянином одной из деревень Белозерской волости Курганского уезда Федором Евдокимовым, однако, когда ее приговорили к каторжным работам на четыре года 30 ноября 1904 г., супруг за ней на каторгу не последовал. Это явилось причиной подачи ею спустя два года прошения о разводе. Крестьянка верила в то, что новый брак даст ей возможность «встать на более легальный путь» [там же, д. 337, л. 1—1 об.].

Осуждение на каторжные работы. Прощения о разводе в этом случае подавали тогда, когда желали вступить во второй брак, часто уже был найден жених. Ведь с потерей кормильца крестьянкам было тяжело одним справляться с хозяйством, и поэтому они надеялись снова выйти замуж. При осуждении на каторжные работы супруга к прошению о разводе следовало приложить копию решения (приговора) суда, отношение полицейского пристава. ТДК могла запросить суд о сущности приговора. При благоприятном исходе дела просительница получала свидетельство на беспрепятственное вступление в новый брак. В начале XX в. уже имелась трафаретная форма для решения ТДК о расторжении брака в случае ссылки одного из супругов на каторжные работы; документ передавался начальнику тюрьмы (ил. 6).

Ил. 4. Удостоверение сельского старосты об отсутствии супруга. 1913 г.
 [ГАТ, оп. 18, д. 1100, л. 4]

Прошения очень различаются по эмоциональной окраске: в одних ярко выражены сожаление и горе, в других встречаем холодное расчетливое изложение всех нарушенных супругом правил и предложения о конкретных видах наказания. Эмоции в тексте обнаруживаются, когда читаем, как муж избивал крестьянку, если же пишут об изменах, налицо спокойное повествование. Прослеживается и связь между типом изложения и уровнем образованности (о последнем свидетельствует и то, сама ли женщина подписала документ или ввиду ее неграмотности за нее это сделал кто-то другой). Чем более образованной была крестьянка, тем лучше она могла подготовиться к написанию прошения, например указать статьи нормативных документов, согласно которым имела право получить развод и право вступить в новый брак, а супруг должен быть осужден.

Адресатом прошений часто являлась ТДК, однако встречаются документы, поданные на имя епископа.

Процедура расторжения брака в конце XIX — начале XX в. была довольно продолжительной. Иногда ввиду неосведомленности просительница не указывала родственников мужа и свидетелей события, послужившего причиной составления прошения, а также не вносила деньги (например, на публикацию информации о розыске мужа). ТДК запрашивала необходимые сведения у волостных правлений о месте жительства, составе семьи просительниц и др. Ей могли потребоваться от волостного правления дополнительные сведения, например о том, не брал ли супруг паспорт за последние пять лет, когда получал его последний раз и неизвестно ли правлению, где находится пропавший в настоящее время. В обоих случаях ТДК посылала в волостное правление письмо, в ответ тоже должно было поступить письмо. После того как духовное правление объявляло о его содержании просительнице, последняя расписывалась на обороте.

ТДК могла позже послать еще одно письмо с требованием доставить необходимые документы, сведения, деньги и марки. В начале XX в. для этой цели печатали специально разработанный бланк, письмо оформлялось по трафарету, на его обратной стороне указывались необходимые приложения. Приложениями к прошению о расторжении брака «по прелюбодеянию или неспособности к брачному сожитию», согласно ст. 239 и 245 Устава духовных консисторий, были: 1) гербовые марки на оплату прошения и ответа на него (имелось свободное место для внесения количества и суммы), 2) копия прошения, оплаченная одной гербовой маркой (в 1914 г. — 75 коп.), 3) квитанция местного казначейства о взносе в государственный доход (в 1914 г. — 1 руб. 80 коп.) — оплате исковых пошлин, 4) метрическая выпись о бракосочетании, 5) сведения о местожительстве ответчика. Дальше перечислялись приложения к прошению о расторжении брака «по безвестной отлучке»: также гербовые марки, метрическая выпись и, кроме того, деньги на публикацию информации о розыске мужа (в 1914 г. — 3 руб. 15 коп.).

Встречаются дела, в которых имеется и третье напоминание ТДК духовному правлению о доставлении приложений, уже полностью написанное от руки на бланке исходящего документа (письма) ТДК. Бланк содержал в левом верхнем углу обозначение ведомственной принадлежности («В.П.И.» — Ведомство православного исповедания), название учреждения (ТДК), дату, номер и название города («г. Тобольск»).

Если длительное время (1,5 года) в адрес ТДК не поступали приложения к прошению, то она проводила заседание с составлением протокола для рассмотрения сложившейся ситуации и отказывалась от дальнейшего производства данного дела.

Из изученных дел прекращенными являются только те, по которым просительницы так и не предоставили необходимые приложения.

При подаче прошения о разводе вследствие прелюбодеяния или побоев приходской священник обязывался увещевать супругов, чтобы они помирились; иногда ему это удавалось, и тогда он извещал консисторию рапортом с приложением подписки, причем достаточно было подписки только просительницы.

Развестись в конце XIX — начале XX в. стало уже проще, чем раньше, но бракоразводный процесс по-прежнему являлся сложным и продолжительным. Содержание изученных архивных дел свидетельствует об очень больших сроках производства дел — от 9 месяцев до почти 4 лет (в среднем 1,5 года), а просительницы могли и отказать.

Таким образом, процедура расторжения брака в рассматриваемый период включала следующие этапы: 1) подачу прошения о разводе в ТДК; 2) рассмотрение ТДК прошения и запись на нем резолюции; 3) соби́рание через волостное правление недостающих сведений, документов, марок, денег (при необходимости правление обращалось к просительнице); 4) принятие решения ТДК и его фиксацию в протоколе; 5) осведомление через волостное правление просительницы о принятом решении.

Модернизационные преобразования второй половины XIX — начала XX в. повлекли за собой изменения в структуре и жизненном укладе крестьянской семьи. Это проявлялось, в частности, в перераспределении традиционных обязанностей мужчин и женщин, что оказывало влияние на статус крестьянки. Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин явились участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды на оскорбления и побои мужей, а также подача прошений о разводе. Однако крестьянки подавали соответствующие прошения только тогда, когда сохранить брак было уже невозможно, т. е. терпели сравнительно долгое время. В этом сказывалось их воспитание и социальное положение в семье и деревне, поскольку русское крестьянство, в отличие от других сословий, продолжало тяготеть к патриархальному укладу жизни. Появление каких-либо нововведений рассматривалось в крестьянской среде как нарушение установленного Богом миропорядка, которое ведет к хаосу и несчастьям. Браки в русской деревне были прочными, а разводы — явлением достаточно редким.

Библиографический список

- Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX — начала XX века. Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-т, 2015. 192 с.
ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске). Ф. 156.
Дранишников А. А. Некоторые вопросы жизни крестьянских девушек во второй половине XIX — начале XX века // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 80—85.

- Крюкова С. С. Брачные традиции южнорусских губерний во второй половине XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 41—50.
- Литвин Ю. В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 24 с.
- Мареева Е. П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 25 с.
- Мухина З. З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...»: (о девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX — начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010а. № 3. С. 58—68.
- Мухина З. З. Обретение социокультурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки Европейской России (вторая половина XIX — XX в.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010б. № 19 (90), вып. 16. С. 118—127.
- Мухина З. З. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века в Европейской России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. № 1 (18). С. 252—261.
- Спичак А. В. Документальное оформление бракоразводных процессов в Тобольской епархии в XVIII — начале XX в.: (по материалам ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2015. № 1 (135). С. 44—47.

References

- Bezgin, V. B. (2015) “*Na miru*” i v *sem’e*: *Russkaia krest’ianka kontsa XIX — nachala XX veka* [“In the world” and in the family: Russian peasant in the late XIX — early XX century], Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet.
- Dranishnikov, A. A. (2010) *Nekotorye voprosy zhizni krest’ianskikh devushek vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [Some questions of the life of peasant girls in the second half of XIX — early XX century], *Izvestiia Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Gumanitarnye nauki, no. 1, pp. 80—85.
- Kriukova, S. S. (1992) *Brachnye traditsii iuzhnorusskikh gubernii vo vtoroi polovine XIX v.* [Marriage customs of the southern Russian provinces in the second half of the XIX c.], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 41—50.
- Litvin, Iu. V. (2013) *Povsednevnaia zhizn’ karel’skoï krest’ianki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: sotsiokul’turnyi status i gendernye roli*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Daily life of the Karelian peasant woman in the second half of XIX — early XX century: sociocultural status and gender roles: Sinopsis of a thesis (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Mareeva, E. P. (2003) *Tserkovnyi faktor v demograficheskom povedenii naseleniia Tambovskoi gubernii v XIX — nachale XX v.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Church factor in the demographic behavior of the population of Tambov province in the XIX — early XX c.: Sinopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Tambov.
- Mukhina, Z. Z. (2010a) “*Devka na pore, ne uderzhish’ na dvore...*”: (O devich’eï chesti v krest’ianskoï srede Tsentral’noi Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.) [“The Girl in time, you will not keep in the yard...”: (Maiden of honor among the peasants of Central Russia in the second half of XIX — early XX c.)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 58—68.

- Mukhina, Z. Z. (2010b) Obretenie sotsiokul'turnogo opyta kak strukturoobrazuiushchego faktora povsednevnoi zhizni devushki-krest'ianki Evropeiskoi Rossii (vtoraia polovina XIX—XX v.) [The Acquisition of sociocultural experience as a structural factor in the everyday life of the peasant girl of European Russia (second half XIX—XX c.)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii. Politologii. Ekonomika. Informatika, no. 19 (90), iss. 16, pp. 118—127.
- Mukhina, Z. Z. (2012) Osobennosti protsessa sotsializatsii russkoi krest'ianki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka v Evropeiskoi Rossii [Features of process of socialization of the Russian peasant in the second half of XIX — early XX century in European Russia], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Istorii, no. 1 (18), pp. 252—261.
- Spichak, A. V. (2015) Dokumental'noe oformlenie brakorazvodnykh protsessov v Tobol'skoi eparkhii v XVIII — nachale XX v.: (Po materialam GBUTO "Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske") [Documentation of divorce cases in the Tobolsk eparchy in the XVIII — beginning of XX c. (On materials of The State Archive in Tobolsk)], *Omskii nauchnyi vestnik*, seriia Obshchestvo. Istorii. Sovremennost', no. 1 (135), pp. 44—47.

Статья поступила 13.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Спичак Александра Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru (Cand. Sc. (History), Research Fellow of the Regional Historical Research Laboratory, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 104—113
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.10

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 104—113
ББК 63.3(2)614-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.10

ЖЕНЩИНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

З. Ш. Бечелов, М. В. Абазова

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет,
г. Нальчик, Россия, beck2006@mail.ru

В рамках вторичного анализа государственной женской политики 1920—1930 гг. обозначены проблемы законодательного оформления ее нового курса и практической реализации целевых установок уравнивания прав женщин и мужчин в Советской стране. Авторы вводят в научный оборот комплекс обнаруженных архивных материалов, существенно дополняющих наши представления о трансформации статуса женщины в Кабардино-Балкарии в годы первых пятилеток.

Ключевые слова: кабардинки, балкарки, советская власть, декреты, пережитки прошлого, промышленность, сельское хозяйство.

WOMEN OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE FIRST FIVE-YEAR INDUSTRIAL PLANS

Z. Sh. Bechelov, M. V. Abazova

Kabardino-Balkarian State Agrarian University,
Nalchik, Russian Federation, beck2006@mail.ru

Pre-revolutionary Kabardino-Balkaria economically was extremely backward, agrarian territory, with feudal and patriarchal farm patterns. Like other peoples of the East, women here were powerless and oppressed in the family and society. They were without exception illiterate and economically dependent on men. Kalym, polygamy, marriage of minors — all this puts women in a humiliating position, killed human dignity in them.

After the establishment of Soviet power, the picture starts to change gradually. The Soviet state provided participation of women, on a par with men, in a social production and in social and political activity. This work was carried out in very difficult conditions of struggle against harmful traditional remnants of the past in relation to women.

Local authorities, following the instructions of the center, launched a large-scale work on the restoration of the national economy. A woman goryanka becomes an active participant in all these processes. Within the secondary analysis of the public female policy of 1920—1930 the following problems are designated: legislative registration of a new course in female policy, practical realization of purposes of equalizing the rights of women and men in the new country. The authors introduced into scientific circulation a complex of discovered archival materials, significantly complementing our understanding of the transformation of the status of women in the Kabardino-Balkaria during the first five-year industrial plans.

Key words: Kabardians, Balkars, Soviet power, decrees, past remnants, industry, agriculture.

Установление большевистской власти в октябре 1917 г. явилось началом изменения бесправного положения женщины в России. Новое государство приступило к созданию условий для осуществления реального равенства женщины с мужчиной. В числе первых мероприятий были Декреты о введении равной оплаты за равный труд женщин и мужчин, об охране материнства и детства, об охране труда рабочих и работниц и т. д. В речи «Международный день работниц» (1921 г.) В. И. Ленин констатировал: «От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа» [Ленин, 1970а: 369]. Власть обращала особое внимание на положение женщин национальных окраин, где сохранялись сильные патриархально-родовые и феодальные архаизмы.

В дореволюционной Кабарде и Балкарии, как и в других регионах Востока, женщины были наиболее бесправны в семье и обществе — поголовно безграмотны и экономически зависимы. Калым, многоженство, выдача замуж малолетних — все это ставило женщину в унижительное положение, калечило человеческое достоинство. XIII съезд партии (1924 г.) указал «на необходимость борьбы с бытовыми предрассудками, проведения законодательной работы с тщательным учетом местных условий и возможностей, а также усиления работы по вовлечению тружениц Востока в производство» [КПСС в резолюциях... , 1983: 90]. В соответствии с этими указаниями и была организована деятельность местной власти Кабардино-Балкарии.

В обкоме партии и облисполкоме были созданы женотделы, призванные повсеместно организовать женский актив для проведения воспитательной работы среди кабардинок и балкарок. Важную роль в вовлечении женщин в общественную работу сыграл первый областной съезд Советов (1922 г.), решивший отменить калым и многоженство. После съезда в селах Кабардино-Балкарии стали создаваться женские просветительные кружки. Первый такой кружок (22 человека) появился в селе Акбаш Малокабардинского округа, а затем они были организованы в других селах и аулах области.

Деятельность среди женщин принимала более разносторонний и массовый характер, они постепенно вовлекались в общественную жизнь, в работу промышленности и т. д. В 1924 г. только в пяти производственных объединениях трудились 159 горянок [ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 374, л. 23]. Швейная, трикотажная артели, школа шелководства целиком обслуживались женщинами. В артели «Горянка» г. Нальчик в 1925 г. работали 150 «националок» [там же, л. 26]. Во многих селениях области были созданы кустарные предприятия.

В 1925 г. в кампании по выборам в Советы Кабардино-Балкарии приняли участие 489 женщин, было избрано 105 женщин (в 1924 г. среди депутатов Советов было лишь 24 женщины) [там же, л. 169]. Свидетельством политической активности горянок становится рост женской составляющей в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях Кабардино-Балкарии. Уже в 1926 г. в областной парторганизации состояло 24 женщины — члена партии и 87 кандидатов (Карахалк. 1926. 25 марта).

Результатом мероприятий, проведенных при активном участии комсомольских организаций, стал рост числа девушек-комсомолок. Если в 1926 г. в областной комсомольской организации насчитывалось 27 девушек, то через год их стало уже 610, а в 1932 г. — 3206 (Ленинский путь. 1932. 11 ноября). Заметно увеличилось количество женщин, вступивших в профсоюзы. Если на 1 июня 1924 г. в области было всего 342 женщины — члена профсоюза, то в 1925 г. их стало 547, или 24 % от общего числа его членов, женщин — членов правления — 58 (Карахалк. 1925. 8 марта).

Для борьбы с неграмотностью женщин призывали вступать в общество «Долой неграмотность». В 1921—1922 гг. появились первые пункты по ликвидации неграмотности, а в 1925 г. в области работало 15 ликпунктов для женщин, где училось около 400 горянок.

По решению III съезда Советов Кабардино-Балкарии в 1921 г. открывается Ленинский учебный городок, сыгравший важную роль в просвещении женщин. В 1924 г. в учебном городке занимались 80 девушек, а в 1926 г. во всех учебных заведениях области насчитывалось 178 женщин [ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 137, л. 40]. Кабардинки и балкарки обучались уже и за пределами области, в вузах Москвы, Ленинграда, Ростова и других городов страны. Так, на Северо-Кавказских краевых курсах горянок им. Микояна занимались 8 девушек из Кабардино-Балкарии.

Правительство наметило меры и по улучшению быта женщин. В данном направлении работала специальная комиссия, созданная в 1926 г. при Кабардино-Балкарском областном исполнительном комитете. Только за один 1928 г. комиссией было организовано 30 детских площадок и 14 яслей [там же, д. 485, л. 19]. Помогала она и в проведении кампании «Пальто горянке». Для этой цели из краевого кредита было отпущено 13 500 руб., 600 пальто получили «беднячки-активистки» [там же].

Помощь государственных и хозяйственных органов и льготные условия кредита способствовали и широкому кооперированию женского труда. Если в 1925 г. потребкооперация объединяла 720 женщин, то в 1928 г. число женщин — членов кооперации возросло до 5844 [там же, д. 495, л. 44].

Очевидные перемены в положении женщин встречали упорное противодействие со стороны кулаков и духовенства. Последние распускали слухи о том, что советская власть организует детские площадки и ясли для того, чтобы откормить детей, а затем отправить в кабалу за границу [там же, д. 776, л. 8]. Часто отмечались случаи избиения и даже убийства женщин на почве их общественной деятельности, факты уплаты калыма и другие проявления пережитков родового быта. В заметке «Жуткий факт», помещенной в газете «Карахалк» 8 марта 1929 г., говорилось, что Маремуков ударом кинжала смертельно ранил свою сестру за то, что не получил за нее калым, а она отказалась бросить мужа. Были

случаи, когда на дверях ликпункта появлялся список учащихся женщин, где с издевательской целью против каждой фамилии была проставлена «цена» ее носительницы. В результате многие женщины, подпав под такое влияние, отказывались отдавать детей в ясли, избегали посещать ликпункты и больницы.

В целом в работе среди женщин-тружениц в годы, предшествовавшие первой пятилетке, в Кабарде и Балкарии все-таки были достигнуты определенные успехи. Однако это не означало, что вопрос раскрепощения женщин, их вовлечения в народное хозяйство и культурное строительство был решен. Объяснялось это специфическими условиями области: экономической и культурной отсталостью, отсутствием подготовленных кадров из женщин коренных национальностей. «Для полного освобождения женщины, — отмечал В. И. Ленин, — и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина» [Ленин, 1970b: 201].

В апреле 1929 г. XVI Всесоюзная партконференция утвердила план первой пятилетки. На основе этого плана развернулось хозяйственное строительство и в Кабардино-Балкарии. В области намечалось решить непростые задачи по созданию своей промышленности, развитию сельского хозяйства и проведению культурной революции. Невозможно было рассчитывать на успешное осуществление работы без активного участия женщин. Широкое вовлечение женщин-горянок в общественное производство, подготовка кадров из женщин коренных национальностей для промышленности и сельского хозяйства, улучшение положения женщин области — выступали составной частью решения указанных задач.

В связи с этим VII областной съезд Советов Кабардино-Балкарии (1929 г.) предложил акцентировать «вопрос о широчайшем вовлечении трудящихся женщин во все отрасли работы аппарата управления, руководства и контроля, чтобы женщины, выбираемые или вовлекаемые, получили действительную возможность развернуть работу». Съезд постановил: «...развить в области швейно-трикотажное дело с организацией специальных школ. Просить краевые органы уделить особое внимание этому вопросу, как имеющему тройное значение в борьбе за раскрепощение женщины. Наряду с этим уделить внимание вовлечению женщин в другие виды промышленности» [Постановления... , 1929: 23].

К концу первой пятилетки в производство было вовлечено 4377 женщин (19,4 %) [ЦГА КБР, ф. 132, оп. 1, д. 229, л. 140].

Работа женщин в промышленности требовала повышения их квалификации. Поэтому наряду с общими мероприятиями органы власти Кабардино-Балкарии принимали меры по вовлечению женщин в процесс обучения. Так, в Нальчике в 1931 г. на различных курсах занимались 124 женщины [там же, ф. 2, оп. 1, д. 785, л. 10]. В одном только Прималкинском округе техническое образование получала 261 женщина, профессионально-техническое — 69 [там же, ф. 132, оп. 1, д. 369, л. 129]. Для прохождения производственного обучения на заводы и фабрики Северо-Кавказского края было направлено 27 горянок [там же, л. 113]; в вузы, техникумы и на рабфаки — 165. В 1931 г. были достигнуты серьезные успехи в работе по ликвидации неграмотности среди женщин: курсы ликбеза посещали 3386 женщин Кабардино-Балкарии [там же].

В октябре 1930 г. в Нальчике состоялся областной съезд горянок, на котором присутствовало около 600 делегатов, из них 114 членов ВКП (б) и кандидаток в ее члены и 54 члена ВЛКСМ [там же, л. 116]. На съезде обсуждался вопрос об очередных задачах в деревне и участии женщин в социалистическом строительстве и был принят план дальнейшего вовлечения женщин в колхозное хозяйство Кабардино-Балкарии. После съезда активизировалась общественная и производственная деятельность женщин. Так, в шести округах Кабардино-Балкарии из 35 тыс. трудоспособных женщин-колхозниц принимали участие в прополке 30 730 человек, а в остальных районах — до 100 % [там же, ф. 2, оп. 1, д. 706, л. 44]. В 1931 г. участие женщин в трудовых процессах в среднем по области составляло 35—40 %, а в отдельных колхозах достигало 95—100 % [там же, ф. 132, оп. 1, д. 290, л. 303—304]. В Урванском округе было 160 ударниц, которые активно работали в весенне-посевную кампанию [там же, ф. 2, оп. 1, д. 706, л. 84].

К 1931 г. была обеспечена и немалая прослойка женщин в составе правлений колхозов; в число председателей колхозов входили две женщины. Среди членов правления насчитывалось 136 (29,9 %) женщин-горянок, членами ревкомиссий являлась 101 женщина (21,2 %) [там же, д. 328, л. 95].

Значительно увеличилась и сеть детских учреждений. В 1930 г. для строительства культурно-бытовых учреждений Кабардино-Балкарский союз кооперативов выделил 31 344 руб. В результате было построено 7 детских яслей, 7 детских площадок, 12 уголков «Мать и дитя» и в помощь школьникам отпущено 1500 руб. [там же, д. 652, л. 1]. А в 1931 г. в области уже работали 61 детская площадка и 48 яслей, которые посещали соответственно 3200 и 1713 детей [там же, д. 776, л. 19].

Возросла и политическая активность женщин. Так, число женщин, избранных в городские и сельские Советы, в 1929 г. составляло 1158, т. е. на 30 % больше, чем в 1927 г. [там же, д. 485, л. 19]. Из них 12 женщин являлись председателями сельсоветов, 69 — членами ревкомиссий. В избирательной кампании этого же года приняло участие 17 650 женщин [там же, д. 495, л. 56]. В 1930 г. в составе Советов оказалось 29,9 % женщин-депутатов. В 105 сельских Советах 88 женщин работали заместителями председателей. Из них 27 являлись членами ВКП (б) и 13 — членами ВЛКСМ [там же, д. 803, л. 10].

Одним из важнейших методов вовлечения женщин в общественный труд было соревнование: появились женские ударные бригады, боровшиеся не только за участие женщин в общественном труде, но и за получение высокого урожая.

Намного улучшились культурное обслуживание и политико-просветительская работа среди женщин. В 1930/31 учебном году на курсах ликбеза училась 40 461 женщина (71,5 % от общего числа). На 1 декабря 1930 г. грамотность женщин в области составляла 21 %, а на 15 июля 1931 г. — 29,3 % [там же, д. 776, л. 19]. Кроме того, в 1931 г. в педтехникуме Ленинского учебного городка обучались 127 женщин, на рабфаках, в техникумах и вузах за пределами области — 105. На основе постановления ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. в Кабардино-Балкарии было введено всеобщее обязательное начальное обучение детей, а к 1931/32 учебному году школы первой ступени посещали 16 767 девочек [там же, ф. 132, оп. 1, д. 385, л. 3].

Улучшилось медицинское обслуживание. Проводилась санитарно-просветительная работа, читались лекции и доклады о болезнях и мерах борьбы с ними. С каждым годом росло число женщин, обращавшихся за медицинской помощью. Сеть детских яслей в 1929 г. расширилась по сравнению с 1927—1928 гг., в 1932 г. постоянно функционирующих детских яслей в Кабардино-Балкарской области было 270 [там же, д. 241, л. 4].

В 1933 г. началась вторая пятилетка. В этот период возросла роль женщины-горянки в обществе. Только за один 1933 г. в промышленность Кабардино-Балкарии было вовлечено 1184 женщины, из них 265 (22,4 %) «националок» [ЦДНИ КБР, д. 53, л. 5]. За этот же год в вузы, техникумы и на рабфаки страны было направлено 254 женщины [там же, л. 178—179].

И в последующие годы второй пятилетки удельный вес женского труда на различных промышленных предприятиях области продолжает расти. По данным за 1935 г., число женщин, привлеченных к работе на швейной фабрике, составляло 227 человек, в Леспромхозе — 128 [ЦГА КБР, ф. 132, оп. 1, д. 537, л. 33].

Кабардинка К. Мартокова, руководившая сборной бригадой кондитерской фабрики, систематически выполняла норму выработки на 125 % и более. В 1936 г., как лучшая стахановка, К. Мартокова командировается на курсы по повышению квалификации. Освоив технологический процесс производства, она становится варщицей. Для женщины-горянки, впервые овладевшей машинной техникой, это являлось большим достижением. Народ высоко оценил заслуги своей дочери: в 1937 г. К. Мартокова была избрана депутатом Верховного Совета КБАССР (Социалистическая Кабардино-Балкария. 1938. 6 июня).

Большую помощь в деле культурного воспитания и просвещения кабардинок и балкарок оказали русские женщины-активистки. Первые школы, детские учреждения, врачебные амбулатории в кабардинских и балкарских селениях возникли при их участии. «Решила помочь мужу, который сильно загружен работой, — говорила на собрании жен инженерно-технических работников русская женщина-домохозяйка Евсеева. — У него есть выдвиженцы-националы, я помогаю ему поднять их образование, помогаю выпускать стенгазету» [ЦГА КБР, ф. 132, оп. 1, д. 423, л. 26]. Таких примеров можно привести много.

Во второй пятилетке кабардинки и балкарки стали играть большую роль и в сельскохозяйственном производстве. В 1934 г. в 146 колхозах области насчитывалось около 3 тыс. женщин. Из них 148 являлись членами правлений колхозов и 17 — бригадирами [ЦДНИ КБР, д. 953, л. 178]. В одном только Баксанском районе в 1933 г. силами женщин было засеяно 4115 га, а в селе Малка Нагорного района колхозницы засеяли 960 га, выполнив 33 % всего посевного плана (Соц. Кабардино-Балкария. 1935. 29 декабря).

В это время широкое развитие получает движение передовиков-новаторов. В 1936 г. многие звеньевые собрали рекордный урожай — 100 центнеров кукурузы с одного гектара и 40 центнеров пшеницы. Многие колхозницы за получение высокого урожая были награждены орденом Ленина. Среди них — Ф. Нашапигова, Ф. Жигунова, Б. Мисостишова, Х. Гужежева и другие. Ф. Нашапигова в 1935 г., как лучшая производственница колхоза села Кахун, была делегирована на Всесоюзный съезд колхозников-ударников. В 1937 г.

ее звено собирало в среднем по 43 центнера пшеницы с одного гектара и по 104 центнера кукурузы.

Женщины Кабардино-Балкарии стали работать и на животноводческих фермах. По данным 1934 г., заведующими животноводческими фермами трудились 14 горянок. За высокие показатели по надою молока орденом «Знак Почета» была награждена знатная доярка Кабардино-Балкарии У. Таппасханова (Соц. Кабардино-Балкария. 1936. 14 ноября).

Одновременно проводилась и большая работа по ликвидации технической неграмотности и повышению квалификации женщин-колхозниц. В Нальчикском округе на технических курсах обучались 360 женщин, а в разных селах женотделы организовали учебу 1170 горянок (Ленинский путь. 1934. 1 февраля).

На призыв знатных трактористок страны — П. Ангилиной, П. Кавардак и других — откликнулись девушки Кабардино-Балкарии. В 1936 г. в Нальчикском районе была создана женская тракторная бригада, которая вспахала 4520 гектаров и сэкономила 6080 килограммов горючего (Соц. Кабардино-Балкария. 1937. 12 октября). Республике было известно имя знатной трактористки Ф. Жигуновой. За трудовые подвиги в 1936 г. Фаризат была награждена орденом Ленина (Соц. Кабардино-Балкария. 1936. 12 октября). Урусова и Кунижева из села Нартан, работая на тракторе, выполняли до 180 % нормы (Соц. Кабардино-Балкария. 1935. 24 ноября). На полях республики в 1938 г. трудились уже 58 девушек-трактористок, 6 комбайнеров, 5 женщин-агрономов и сотни женщин бригадиров, звеньевых (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 8 марта).

Серьезные результаты были достигнуты и в выдвижении женщин на руководящие должности. В 1934 г. в области 66 колхозниц работали заместителями председателей колхозов, 28 женщин были членами правлений колхозов; 126 горянок — бригадирями полеводческих бригад, а 67 — помощниками бригадиров (Соц. Кабардино-Балкария. 1935. 8 марта).

О возрастающей активности женщин во второй пятилетке в Кабардино-Балкарии говорят следующие цифры. Уже в 1937 г. в Советах республики работало около двух тысяч женщин. Из них 68 стали заместителями председателей сельсоветов, 56 заместителями председателей колхозов и 7 горянок — заместителями председателей райисполкомов. С успехом работала заместителем председателя Терского райисполкома Н. Кишукова. По инициативе Кишуковой для молодежи района были созданы кружки по изучению агротехники (Соц. Кабардино-Балкария. 1937. 3 марта).

Высокие государственные должности занимали А. Кожарова (заместитель председателя Президиума Верховного Совета КБАССР) и П. Доттуева (заместитель председателя Верховного Совета республики); секретарем обкома ВЛКСМ была Х. Атакуева. В потребкооперации членами правления сельпо были избраны 26 горянок; заведующими магазинами и продавцами работали 29 «националок».

Увеличилось число ликпунктов, школ и дошкольных учреждений. Если в 1932 г. насчитывалось 18 детских садов, которые посещали 785 детей, то в 1937 г. уже имелось 93 детских сада, где воспитывались 3432 ребенка (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 20 апреля). В 1935 г. 24 женщины стали первыми выпускницами медицинского техникума.

В третьей пятилетке предусматривался дальнейший подъем сельского хозяйства, транспорта и культурного строительства. В это дело активно включились и горянки Кабардино-Балкарии. Так, мотористки швейной фабрики Нальчика выполняли 188 % нормы за смену. Стахановка трикотажного цеха артели «Горянка» Кумахова ежемесячно перевыполняла производственную норму на 60 %, а сменный мастер вареньеварочного цеха Докшукинского консервного завода М. Тихонова — на 165 % (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 12 декабря).

На полях республики также развернулось соревнование за высокие урожаи зерновых и технических культур. В 1938 г. звено комсомолки колхоза им. Сталина Урванского района депутата Верховного Совета КБАССР Ц. Кясовой с каждого гектара собрало 43,5 центнера пшеницы, 130 центнеров кукурузы и 22 центнера подсолнуха. Ее примеру следовали другие звеньевые республики. В 1938 г. решением республиканских организаций 56 наиболее отличившихся колхозниц были премированы (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 29 октября). Показателем роста производительности труда колхозниц Кабардино-Балкарии может служить и тот факт, что во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 г. участвовали 67 женщин республики (Соц. Кабардино-Балкария. 1939. 16 апреля).

Успехи механизации сельского хозяйства способствовали тому, что в республике выросла целая армия женщин — мастеров и организаторов земледелия и животноводства. На клич «Девушки, на трактор!» отозвались сотни колхозниц. Только в одной Нальчикской МТС работали 14 трактористок. Трактористка З. Губжева из села Нартан выработала за сезон 362 гектара, а в 1940 г. Баксанская школа механизации подготовила 11 комбайнеров (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 8 февраля; 1940. 22 июня).

В третьей пятилетке еще больше возрастает политическая активность кабардинок и балкарок. В 1939 г. 2 женщины от республики являлись депутатами Верховного Совета СССР, 15 — депутатами Верховного Совета КБАССР, 58 — депутатами горсоветов, 94 — райсоветов, 987 — сельских советов.

Значительный размах приобрело развитие школьного образования. К этому времени в республике насчитывалось 111 начальных школ и 102 неполные средние. Работали педагогическое училище, рабфак, коммунистическая сельскохозяйственная школа, медицинская школа, ряд техникумов, учительский и педагогический институты. В школах республики трудились 185 женщин-педагогов. В 75 школах повышенного типа для взрослых обучались 4238 человек, в сети школ для неграмотных и малограмотных — около 25 тыс. человек. Дошкольным воспитанием было охвачено 13 тыс. детей. Работали 84 библиотеки с солидным книжным фондом. В колхозах и на предприятиях республики насчитывалось 149 клубов и изб-читален (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 1 января; 1939. 18 марта). Женщины-горянки работали учителями, врачами, заведующими библиотеками, руководителями художественной самодеятельности, агитаторами. Учительницы М. Шукова и З. Кушхова из Малкинского района организовали учебу в поле. Регулярно проводя занятия с неграмотными и малограмотными, они добились 100-ной % посещаемости и успеваемости. Одна только З. Кушхова за короткий срок обучила грамоте 11 колхозников (Соц. Кабардино-Балкария. 1938. 22 марта).

В годы войны знатные дочери республики, заменив на производстве своих мужей, отцов, сыновей и братьев, овладели новыми сложными профессиями, перевыполняли нормы. Славой лучших стахановок пользовались члены комсомольско-молодежной бригады Е. Поповой. Ее бригада систематически выполняла план на 150—200 % (Кабардинская правда. 1946. 9 мая). На полях трудились 130 трактористок. Для работы на машинах МТС и в совхозах республики на курсах трактористов было подготовлено 800 женщин [Сборник статей... , 1951: 125].

По почину Тамбовских колхозников в селениях республики развернулся сбор средств на строительство танковой колонны. При участии колхозниц Кабардино-Балкарии было собрано 36 565 366 руб. На фронт отправлено собственноручно изготовленных горянками 23 тыс. штук теплых вещей, в том числе кавказские бурки, шапки-ушанки, рукавицы, башлыки и многое другое (Кабардинская правда. 1946. 9 мая).

В послевоенную пятилетку перед женщинами республики встали новые задачи: необходимо было восстановить и превзойти довоенный уровень промышленности, сельского хозяйства, достичь новых успехов в развитии науки и культуры, поднять жизненный уровень людей. Кабардинки и балкарки вместе с русскими женщинами оказались на высоте и здесь. Многие из них выросли в высококвалифицированных специалистов промышленности и сельского хозяйства, здравоохранения, образования, науки.

Библиографический список

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1983. Ч. 2. 616 с.
- Ленин В. И. Международный день работников // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970а. Т. 42. С. 368—370.
- Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970б. Т. 39. С. 198—205.
- Постановления 7-го областного съезда Советов Кабардино-Балкарской автономной области, 26 марта — 1 апреля 1929 г. Нальчик: Тип. им. революции 1905 г., 1929. 32 с.
- Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1951. Вып. 1. 190 с.
- ЦГА КБР (Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики).
- ЦДНИ КБР (Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики). Ф. 1. Оп. 1.

References

- Lenin, V. I. (1970a) *Mezhdunarodnyĭ den' rabotnits* [International day of workers], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 42, Moscow: Politizdat, pp. 368—370.
- Lenin, V. I. (1970b) *O zadachakh zhenskogo rabocheho dvizheniia v Sovetskoĭ respublike: Rech' na IV Moskovskoi obshchegorodskoi bespartiiĭnoi konferentsii rabotnits 23 sentiabria 1919 g.* [About problems of women's labor movement in the Soviet republic: The speech at the IV Moscow city non-party conference of workers on

September 23, 1919], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 39, Moscow: Politizdat, pp. 198—205.

Sbornik stateĭ po istorii Kabardy (1951) [The collection of articles on Kabarda's history], iss. 1, Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Статья поступила 25.12.2016 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Бечелов Заур Шабасович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет, г. Нальчик, Россия, beck2006@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Law, Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russian Federation).

Абазова Марьяна Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры истории, философии и права, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет, г. Нальчик, Россия, shmv1978@yandex.ru (Cand. Sc. (Economy), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Law, Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Айвазова С. Г.** Гендерный дискурс в поле консервативной политики 3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Смолева Е. О.** Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость 14
- Сиражудинова С. В.** «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа (По материалам социологического исследования в Республике Дагестан) 26

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Петрова И. Э., Бекарев А. М., Пак Г. С.** По обе стороны: гендерное измерение социального служения религиозных организаций 36
- Бабич И. Л.** Роль женщин в адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции 48

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

- Харитонов С. С.** Гендерный вопрос в системе взглядов народника И. Н. Харламова (По материалам очерка «Женщина в русской семье») 60
- Мутиева О. С.** Регулирование семейно-брачных отношений в среде горцев в условиях Кавказской войны (В контексте реформ Шамиля) 70
- Цысь В. В., Цысь О. П.** Женское образование и женщины в образовании на Тобольском Севере в XIX — начале XX в. 78
- Спичак А. В.** Причины разводов крестьянок в конце XIX — начале XX в. (На материалах Тобольской епархии) 88
- Бечелов З. Ш., Абазова М. В.** Женщины Кабардино-Балкарии в годы первых пятилеток 104
- Информация для авторов* 114

CONTENTS

POLITOLOGY

- Aivazova S. G.** Gender discourse in the field of conservative policy 3

SOCIAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF FAMILY

- Smoleva E. O.** Mothers with many children and single mothers:
stereotypes and social vulnerability 14
- Sirazhudinova S. V.** “I can’t tell about it”: the domestic and sexual violence
in the republics of the North Caucasus (Based on the sociological research
data in the Republic of Dagestan) 26

GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

- Petrova I. E., Bekarev A. M., Pak G. S.** On both sides: the gender dimension
of social service of religious organizations 36
- Babich I. L.** The role of women in the adaptation of the North Caucasian
diaspora in modern France..... 48

HISTORY AND ARCHEOLOGY

WOMAN’S HISTORY

- Kharitonov S. S.** The gender issue in the system of views of the narodnik
I. N. Kharlamov (Based on the materials of the essay
“Woman in the Russian family”) 60
- Mutieva O. S.** Regulation of the family relations among the mountaineers
in the conditions of the Caucasian War (In the context
of Shamil’s reforms) 70
- Tsys V. V., Tsys O. P.** Women’s education and women in education
in the Tobolsk North in the XIX — the beginning of the XX c. 78
- Spichak A. V.** The reasons for divorce of peasant women
in the late XIX — early XX c. (On materials of Tobolsk diocese) 88
- Bechelov Z. Sh., Abazova M. V.** Women of Kabardino-Balkaria
during the first five-year plans 104
- Information for the authors* 114

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 (85) — 2017

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 24.11.2017 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 239. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

